

Антон Грановский Темные врата

Гиблое место – 7

Антон Грановский Темные врата

Пролог

Добытчик бурой пыли Витчак Голохваст, мужик крепкий, но изрядно потасканный, остановился перед кружалом «Три бурундука» и сказал своему приятелю, молодому, но уже опухшему от пьянства добытчику Кочету:

– Поди-ка в кружало и погляди, там ли сейчас Озар. Коли нет, так позови меня.

– Ты чего, боишься Озара? – удивился Кочет.

Витчак наморщил красный лоб.

– Не то чтобы боюсь. Просто опасаюсь. Третьего дня этот сволочь так саданул меня батоном по загривку, что у меня потом два дня перед глазами мелькало.

– Эвона как, – посочувствовал Кочет. – За что ж он тебя?

– За бурдюк вина. – Витчак Голохваст шмыгнул лиловым носом. – Я и приложиться-то к тому бурдюку не успел, а он батоном... Обидно.

Кочет посмотрел на дверь кружала и сглотнул слюну.

– Ладно. Ежель что, вынесу тебе крыночку. Ты, гляди, суму не потеряй.

– Не потеряю, – заверил его Голохваст и в подтверждение своих слов тряхнул сумой, болтающейся у него на плече.

Кочет рысцой побежал к кружалу и, скрипнув железными петлями, скрылся внутри.

За последний год Витчак Голохваст был в Хлынь-граде седьмой раз. Тяжелые пошли времена. За добычу бурой пыли нынче засекали до смерти. Да и сбывать ее становилось все труднее. В лучшие времена Витчак половину добытой бурой пыли сбывал в родной Повалихе. Теперь же сельчане, живущие впроголодь, хорошую цену за пыль не давали. Вот и приходилось мотаться в княжий град, наполненный злыми охоронцами и свирепыми дознавателями.

Витчак огляделся по сторонам. Неподалеку от кружала стояли телеги, возле них, негромко переговариваясь и ожидая хозяев, лузгали семечки мужики-возницы. Рядом ватага мальчишек с хохотом и криками тыкала старому псу горящие палочки в морду.

– Цыц, сорванцы! – прикрикнул на мальчишек один из мужиков и делано замахнулся кнутом. – Пошто животинку мучаете? Вам говорю – оставьте!

Мальчишки нехотя отпустили собаку, но тут же переключились на ободранную кошку, которая до этой секунды спокойно дремала на гнилом пне.

Витчак Голохваст поскреб пальцами тощий, запавший от вечной голодухи живот. Затем сунул руку в карман, достал несколько медяшек, посмотрел на них, вздохнул и снова запихал в карман.

– Где ж этот Кочет? – недовольно проворчал он. – Токмо за смертью его посылать.

Витчак не ел уже два дня, но сейчас больше всего хотел выпить. В последний год жизнь обходилась с ним сурово. Сперва погибла жена – полезла в погреб за соленьями, оскользнулась на мокрой ступеньке и свернула себе шею. Молодая была баба, и любил ее Витчак безмерно. Но на этом беды не кончились. Спустя всего месяц после смерти жены он пошел в чащобу и угодил ногой в голодную прогалину. Благо успел сбросить сапог, но лизнула его голодная грязь. До сих пор прихрамывал.

Ну, а после этого, будто мало было Витчаку бед, захворал его младший братеньник. Три дня лежал на топчане и пылал огнем, а на четвертый выгнулся дугой, хватанул воздух раскрытым ртом да и помер.

Вот тогда Витчак и запил. Запил мрачно, безысходно, по-черному. Сперва пропил телегу и лошадь, потом корову и амбар, а после и сам дом.

Голохваст вытер рукавом сухой рот и с надеждой посмотрел на дверь кружала – не откроется ли?

К кружалу, грохоча по выбоинам, подъехала расписная телега. С нее на ходу спрыгнул молодец в красном суконном плаще, застегнутом серебряной фибулой, и в шапке, отороченной соболем.

Голохваст шагнул к нему и подобострастно проговорил:

– Эй, господин хороший! По одеже вижу, что ты мушчина оборотистый. Не прикупишь ли у меня кой-чего?

Молодой богач, по виду – хлынский купчик из новых, остановился в шаге от Витчака, окинул его презрительным взглядом и спросил:

– А чего мне у тебя покупать, оборванец?

Голохваст шмыгнул носом и обиженно проговорил:

– Зря обижаешь, сударик. Я не оборванец.

– А кто ж ты? Одежа обношена, нос лилов. Горькую небось ведрами глотаешь?

Витчак обиделся еще сильнее.

– Вот и врешь! – сказал он, повысив голос. – Я добытчик! Хаживаю в Гиблое место!

– Вот как? – Купчик повернул голову к телегам. – Эй, мужики, знаете сего прохвоста?

– Как не знать, – лениво отозвался кто-то из возниц и сплюнул шелуху. – То Витчак Голохваст!

– И что, он и впрямь добытчик?

– Раньше был добытчик! А ноне убытчик!

Мужики засмеялись.

– Бреешь ты, Тихомир! – укоризненно проговорил Витчак. – Я и сейчас добытчик! – Витчак тряхнул засаленной сумой, висевшей у него на плече. – Видал? Ты меня оборванишь, а у меня, может, полная сума бурой пыли!

Мужики захохотали сильнее. Молодой богач усмехнулся, сплюнул под ноги Голохвасту и зашагал к кружалу. Мгновение Витчак стоял на месте, а потом бросился за купчиком, нагнал его и схватил за рукав.

– Говорю тебе – я добытчик! – выкрикнул он. – И сума моя не пуста!

– Отстань! – обронил купчик через плечо и стряхнул руку Голохваста с таким видом,

будто отмахивался от паршивой собаки.

Внутри у Витчака всколыхнулась волна обиды. Он снова ухватил молодого богача за рукав:

– Не уходи так, сударик! Не обижай!

Купчик гневно сверкнул глазами:

– Батогов захотел, рвань? А ну – сгинь!

Лицо Витчака дернулось, будто от пощечины.

– Это я рвань? – хрипло спросил он. – Это я сгинь? – Глаза оборванца сузились. – Нет, сударик, это ты сгинь!

– Что-о? Да я тебя...

Купец замахнулся на Витчака палкой, но Витчак увернулся от палки и легонько ткнул молодца пальцем в бок.

– Сгинь! – повторил он.

Купчик хотел что-то сказать, но вдруг стал вздуваться, как бычий пузырь. Голова его расширилась, живот выпятился вперед, серебряная фибула отлетела. Раздался громкий хлопок – и там, где только что стоял купчик, в воздух взметнулось облачко темной пыли. Порыв ветра развеял облачко, и красный плащ, вертясь в воздухе, медленно опустился на землю.

Витчак зло засмеялся и повернулся к мужикам:

– Видали, как я его? Не надо было ему меня обижать!

Мужики смотрели на оборванца с ужасом. Старый пес, выкусывавший под телегой блох из шерсти, вскочил на лапы и глухо зарычал на Витчака.

– Ну? – торжествующе спросил Голохваст. – Чего уставились-то?

Мужики, не сводя с Витчака изумленных и напуганных глаз, попятились.

И тут старый пес, громко залааяв, бросился вперед, прыгнул в воздух, ухватил зубами сумку и, сорвав ее с тощего плеча Голохваста, понесся прочь.

– Отдай! – завопил Витчак.

Он быстро поднял камень и швырнул в пса. Камень угодил псу в голову. Пес, заскулив, рухнул боком на землю и выпустил сумку из пасти.

Голохваст ринулся к псу, но тут дверь кружала распахнулась, и на улицу, шуря глаза в сумеречную темноту, шагнул целовальник Озар. Споткнувшись о сумку, он нагнулся и поднял ее.

– Чего это? – удивленно спросил он.

Голохваст резко остановился, пробормотал что-то невразумительное и со злостью пнул пса сапогом под зад.

Озар сурово на него взглянул:

– Пошто обижаешь пса, Велес тебя задери!

Витчак побледнел.

– Нет! – крикнул он. – Молчи про Велеса, Озар!

– Боишься? – Целовальник усмехнулся. – Правильно делаешь, что боишься. Чтоб тебя Велес поскорее утащил в свое черное царство, пьянчуга!

Озар хотел швырнуть суму оборванцу, но тут Витчак упал на колени и зарыдал. А дальше произошло нечто несусветное – прямо на глазах у остолбеневших мужиков земля между Витчаком и Озаром разверзлась, и из разлома вырвался язык пламени. Язык этот, изогнувшись, превратился в огромную огненную руку. Огненные пальцы, разбрасывая искры, метнулись к Витчаку Голохвасту, схватили его за ноги, швырнули на землю и стремительно потащили к разлому.

– Нет! – заорал Витчак, пытаясь уцепиться пальцами за сухую траву. – Нет!

Огненная рука стащила Голохваста в разлом. Последним судорожным движением Витчак ухватился руками за край разлома и повис на нем. Лицо его, торчащее над разломом, исказилось нечеловеческой мукой, и вдруг кожа на нем лопнула и сползла с черепа, как портянка с босой ноги.

– Нет... – прохрипел череп Витчака безъязыким ртом. – Не хочу-у...

Тело пропойцы исчезло в пылающей дыре, и огненная расщелина захлопнулась, выплюнув напоследок облако пыли и дыма.

Когда пыль улеглась, оцепеневшие мужики увидели, что ямы больше нет, а на том месте, где только что стоял Витчак, расплзлась по земле огромная пузырящаяся и булькающая лужа грязи.

Глава первая

1

– Хлынь... Хлынь... К черту схлынь!

Настроение у Глеба Орлова было поганое. И дернул же его черт вернуться в Хлынь-град. Видите ли, соскучился по друзьям-приятелям. Где они – эти приятели? Ау! Да и могут ли у такого человека, как Глеб, вообще быть приятели?

Первоход, угрюмо кутаясь в плащ, шагал по грязной, заснеженной, покрытой нестойкой наледью улице. Он был в Хлынь-граде уже два дня, но за это время так и не сумел отыскать ни толстяка Хлопушу, ни жеманного красавчика Рамона. Из не совсем достоверных источников удалось выяснить, что оба они в последние месяцы крепко бражничали и ввязывались почти в каждую большую драку, которая происходила в городе. А недавно, не сумев выпутаться из очередной темной истории, увязались за обозом гофских купцов и ушли с ними, подрядившись охранять товар.

Все это не совсем вязалось с образами Хлопуши и Рамона, но Глеб давно их не видел, а здесь, в Хлынь-граде, с человеком может произойти любая метаморфоза. Порочный град-то вон он где – рукой подать!

Узнав, что толстяка и красавчика нет в городе, Глеб с удивлением понял, что страшно соскучился по обоим. Почти год прошел с тех пор, как втроем они ходили в Гиблое место. После того удачного дела Глеб и его новые друзья-приятели две недели гуляли на полученные от советника Кудеяра деньги. Но, кажется, для его приятелей тот полный куража запой не прошел даром, и после отъезда Глеба оба решили продолжить лихую жизнь. Поговаривали, что Хлопуша и Рамон не только охраняли караваны и обозы, но и брались за дела покруче и чуть ли не стали наемными убийцами.

Если это так, то Глеб виноват в том, что превратил двух нормальных парней в головорезов и пьяниц.

Подумав об этом, Глеб в очередной раз поморщился – глупости! Единственная голова, которую толстяк Хлопуша способен срезать, – это голова петуха перед его путешествием в котелок с бурлящим супом.

Встреча с сестрами-близняшками Роженой и Боженой тоже не принесла Глебу особой радости. Девушки по-прежнему бедствовали, едва сводя концы с концами. Обе были отличными целительницами, однако горожане, не брезгующие помощью самых отвратительных колдунов и ведьм, считали дурным знаком общение с двумя безвредными хромоножками.

Глеб сплюнул себе под ноги, не в силах избавиться от раздражения и досады.

Ладно. Сестры не должны видеть его таким. Он будет улыбаться им и делать вид, что все хорошо. Потом пойдет к хозяину постоялого двора Дулею Кривому и заплатит за проживание сестер на полгода вперед. И будет терпеливо сносить глумливую ухмылку Дулея, его сальные намеки и суеверные предостережения. А может, и не будет. Может, двинет его кулаком в рыло и поддаст сапогом по заплывшим жиром ребрам.

Возле кружала «Три бурундука» Глеб увидел обычную для последнего неурожайного года картину. Какие-то бродяги с кистенями в руках окружили богатого мужика, шапка и кафтан которого были усыпаны блестящими полудрагоценными и драгоценными камушками.

Бродяги покамест не пустили в ход ни кулаки, ни железные кистеньки, но дело стремительно шло к этому. Хотел Глеб пройти мимо, какое ему дело до очередного толстосума, забредшего туда, куда не следовало забредать? Хотел, да не вышло.

Уже взявшись за тяжелую ручку дубовой двери, Глеб остановился и пристально взгляделся в лицо богача. Лицо это показалось ему знакомым. Тряхнув головой, словно не верил своим глазам, Глеб изумленно спросил:

– Княжий советник Кудеяр? Ты ли это?

– Так ты советник? – прорычал один из бродяг. – А ну – сымай кафтан и выворачивай карманы!

– А ты, патлатый, тоже поди сюды! – окликнул Глеба второй бродяга, рослее и мощнее первого. – Поди, говорю, сюды!

Глеб отпустил дверную ручку и вздохнул.

– Каждый раз одно и то же, – с досадой произнес он. И добавил, устремив взгляд на самого рослого бродягу: – Не жалеете вы себя, ребята.

– Чего?

– Говорю: жизнь вас ничему не учит. Ты, кажется, меня не признал?

– Незачем мне тебя признавать. Выворачивай карманы! Не то сгублю! – Громила дернул рукавом, и в ладонь ему из рукава выпал нож. – Ну!

Глеб, гневно нахмурившись, шагнул вперед. Громила, поняв, что имеет дело со строптивцем, взмахнул ножом. Глеб увернулся и ударил его кулаком в грудь, вложив в этот удар всю силу. Верзила упал навзничь и замер на земле с посиневшим лицом.

– А мы-то чего смотрим, братцы? – заорал один из бродяг. – Этот гад Талалая зашиб! Бей его!

Бродяги, размахивая кистенями, ринулись на Глеба. Глеб увернулся от ухнувшего возле головы кистеня, схватил первого из бродяг поперек туловища, резко поднял, перевернул в воздухе и ткнул головой в землю. Другому перехватил руку и резко вывернул запястье. Кистень упал в грязь. Четвертого бродягу Глеб сшиб с ног ударом сапога в живот.

Советник Кудеяр сбросил, наконец, оцепенение, выхватил из-за пояса плеть и ошпарил одного из разбойников по физиономии. Потом схватил его за космы, швырнул на землю и принялся хлестать плеткой по голове и плечам. И забил бы насмерть, не перехвати Глеб его руку.

– Хватит, – спокойно сказал Глеб. – Будет с него.

Советник Кудеяр остановился, тяжело дыша и обливаясь потом. Русая чистая и ухоженная борода его растрепалась. Красивое лицо с голубыми глазами покраснелось.

Глеб легонько оттолкнул Кудеяра к стене и внимательно его оглядел. Одет советник княгини был роскошно. На голове – шапка с опушкой из черно-бурой лисицы и жемчужной канителью на тулье. Парчовый кафтан с бархатными вставками подпоясан алым кушаком с кручеными кистями, а на концах кистей – искрящиеся яхонты.

– Отличный прикид, – похвалил Глеб. – На выставке безмозглых павлинов ты бы занял первое место. Ты, должно быть, совсем рехнулся, если пришел сюда в такой одежде?

Кудеяр вытер потный лоб рукавом, сунул плеть за пояс и, натянуто улынувшись, ответил:

– Я тебя искал, Первоход. Все кружечные дома в городе обошел.

– Вот как? – Глеб снова окинул взглядом роскошную одежду Кудеяра. – Удивляюсь, как ты еще жив.

– При мне была охрана. Но я отправил охоронцев прочь, когда решил вернуться домой.

– Чего ж не вернулся?

– Вспомнил, что в этом кабаке я еще не был. Вот и пришел.

Глеб насмешливо прищурился:

– Видать, сильно я тебе понадобился, коли на такой риск заради меня пошел. Но вот я пред тобой. Говори, чего нужно?

Кудеяр пригладил красивой ладонью русую бороду, отчего перстни на его пальцах

заискрились, лукаво прищурился и проговорил:

– Я видел, ты шел в кружечную избу.

– И что?

– Хочу тебя угостить. Надеюсь, ты не откажешь мне в этой любезности.

2

Десять минут спустя Глеб и Кудеяр сидели за стойкой кружала, пили пиво и заедали его холодной бараниной. Съели по куску, выпили по несколько глотков, после чего Кудеяр приступил к разговору.

– Есть у меня к тебе, Первоход, дело, – сказал он, внимательно и настороженно глядя на Глеба. – Дело очень важное. Такое, что важнее, пожалуй, и не сыщешь.

– Правда? И что за дело?

– Видишь ли... – Кудеяр на секунду замолчал, подбирая нужные слова, потом покосился на целовальника, натирающего рушником стаканы, и сказал: – Давай-ка переберемся за стол. Разговор у нас будет важный.

– Что ж, давай.

Они взяли со стойки кружки и тарелки и перебрались за стол. Дождавшись, пока Глеб снова отхлебнет из своей кружки, Кудеяр слегка подался вперед и, понизив голос, проговорил:

– Меня послала к тебе княгиня Наталья.

Глеб пару мгновений молча смотрел Кудеяру в лицо, затем отвел взгляд, достал из кармана коробку с бутовыми сигаретами, вытряхнул одну и сунул в губы.

– И что ей от меня понадобилось? – хмуро спросил он.

Кудеяр огляделся, чтобы удостовериться, что их разговор не коснется чужого слуха. Затем сказал:

– В княжестве нашем беспокойно, Первоход. С тех пор как открылось, что князь Егра мертв, все в княжестве разладилось. Бразды правления выскользнули из рук Натальи. Дружинники беспредельничают, вотчинники противятся приказам. Бояре с купцами спелись и вместе на бурой пыли наживаются. Мало им холопов, так повадились лесной люд отлавливать и к делу своему пакостному привлекать. Всяк тянет одеяло на себя, и долго так продолжаться не может.

Кудеяр перевел дух, отхлебнул холодного пива и снова взглянул на Глеба своими голубыми чистыми глазами.

– В соседних княжествах прознали про наш разлад и собирают войско, – сказал он, понизив голос почти до шепота. – Будут земли наши воевать.

Глеб, загнав сигарету в угол хмурого рта, молчал. Чем больше говорил Кудеяр, тем мрачнее делалось его лицо. Советник тяжело вздохнул и добавил:

– Еще немного – и от княжества нашего не останется камня на камне.

Глеб затаился сигаретой, выдохнул густое облако дыма, посмотрел сквозь него на советника и четким, сухим голосом заявил:

– Кудеяр, мне нет дела до вашего княжества. И мне нет дела до княгини. Я приехал сюда всего на пару дней, провести друзей. И уже завтра укачу отсюда прочь.

Советник чуть склонил набок свою красивую голову и спокойно и незлобливо посмотрел на Глеба.

– Княгиня знала, что ты так ответишь, Первоход. Она сказала, что заслужила твою нелюбовь и что ты волен говорить о ней все, что тебе вздумается. Но дело сейчас не в княгине.

– Вот как? – Глеб прищурился сквозь дымовую завесу. – Тогда в ком?

– Наталья помнит, как ты рассказывал ей о стране, из которой прибыл. Она хочет, чтобы ты помог ей устроить в Хлынском княжестве такую же великолепную жизнь.

Лицо Глеба слегка вытянулось от удивления. Затем он насмешливо прознес:

– Забавно. А она меня ни с кем не путает? Я простой огородник, и если устраиваю благолепную жизнь, то не людям, а клубнике с морковью.

Кудеяр слегка качнул белокурой головой, как бы отметаая все доводы Глеба, и проговорил твердым, настойчивым голосом:

– Ты умен, смел и дерзок, Первоход. Бояре знают, на что ты способен, и не посмеют тебе перечить. Ежели согласишься помочь, княгиня Наталья сделает тебя своим первым советником и будет во всем тебя слушаться.

Кудеяр замолчал, ожидая ответа, но Глеб с ответом не спешил. Княжество и впрямь катилось в тартарары. Глеб понял это, пробыв в Хлыни всего два дня. На улицах тати вершили беспредел. Не уступали им в этом и вольнонаемные охоронцы. Да и княжьи дружинники с каждым днем становились все лютее. Алчность побеждала долг, и дружинники думали не о служении княжеству, а о звонкой монете и собственных кошельках.

Купцы вели между собой настоящую войну за делянки, на которых добывалась бурая пыль. Бояре тайно им помогали, улыбаясь друг другу в лицо и воюя друг с другом за спинами.

Благодаря всеобщему раздраю степняки нагло, посреди белого дня, набегали на деревни и села, мужчин и детей убивали, а женщин насиловали и уводили в полон. Те, кто уцелел, бежали из сожженных сел и пополняли полчища тощих, вечно голодных бродяг. Умерших с голоду уже не бросали в овраг на съедение бродячим псам, а вывозили к меже и оставляли там на растерзание оборотням, упырям и волколакам. Счет потерям никто не вел.

Н-да... Неладно было в Хлынском княжестве, весьма неладно. Однако вмешиваться во все это Глеб не собирался. Куда одному человеку справиться со всеобщим беспределом? Пусть даже в руке у этого человека есть ружье, а на боку – обоюдоострый меч.

Глеб неторопливо стряхнул пепел в пустую плошку, снова глубоко затянулся, скосив глаза на раскаленный кончик сигареты, затем выпустил облако дыма и медленно проговорил:

– Значит, предлагаете мне стать серым кардиналом. Интересное предложение. – Он глянул на боярина спокойным, холодным взглядом и иронично поинтересовался: – Ну, а как же ты, Кудеяр? Если я стану первым советником, то кем будешь ты?

Кудеяр чуть прищурил чистые голубые глаза и ответил:

– Я не ревнив и не властолюбив, Глеб. Коли ты станешь первым советником, то я довольствуюсь званием второго. Главное, чтобы это пошло на пользу княжеству.

– Так ты патриот?

На благородном лице Кудеяра отразилось замешательство.

– Прости, я не...

Глеб дернул щекой.

– Ладно, не важно. Как ты узнал, что я снова в Хлынь-граде, Кудеяр?

Боярин смиренно опустил взгляд и тихо ответил:

– Слухами земля полнится.

– Ясно. У тебя тут везде свои соглядатаи да наушнички, верно? Едва я въехал в город, тут же доложили?

– Так ведь ты и не прятался, – пожал плечами Кудеяр. – Награду за твою голову уж давно отменили. Тебе нечего бояться. – Советник замолчал, ожидая, что скажет на это Глеб, но тот молчал, и тогда Кудеяр осторожно спросил: – Так что мне передать княгине, Первоход? Согласен ли ты нам помочь?

Глеб отхлебнул пива, облизнул губы и хмуро произнес:

– Скажу тебе честно, Кудеяр: я не думаю, что княжество можно спасти. Я понимаю, что вы ждете Великого Спасителя, но я не реформатор. Не того княгиня задумала брать в советники.

Лицо Кудеяра потемнело, а уголки красивых, мягко очерченных губ опустились вниз.

– Стало быть... отказываешься? – тихо произнес он.

– Стало быть, так, – ответил Глеб.

Несколько секунд Кудеяр молчал, словно не мог до конца поверить в то, что надежды

его рухнули. Потом разлепил алые, будто у девицы, губы и выдохнул:

– Жаль. Княгиня очень на тебя надеялась... Прости.

Кудеяр встал, положил на стол несколько медных монет, повернулся и, так больше и не взглянув на Глеба, побрел к двери. Глеб молча глядел ему вслед. Когда дверь за советником закрылась, он взял со стола кружку и встал с лавки. Подошел к стойке, брякнул кружку на отшлифованную до блеска дубовую доску, посмотрел на целовальника и сказал:

– Налей еще.

Наполняя кружку Глеба пивом, целовальник глянул на него любопытным взглядом и поинтересовался:

– А чего это к тебе княгинюшкин советник приходил? Никак на службу звал?

– Звал, – проговорил Глеб, о чем-то напряженно размышляя.

– А ты отказался?

– Отказался.

– И правильно сделал.

Глеб поднял на целовальника глаза и недобро прищурился.

– Это почему же?

– Недолго княгине осталось на троне восседать, – сказал целовальник. – Нынче с ней никто не связывается, все испачкаться боятся.

– Как это «испачкаться»? – не понял Глеб.

– Да так. Повесят ее бояре на Сходной площади, а вместе с ней и всех ее советничков. И Кудеяр среди них будет первым.

Глеб нахмурился.

– Думаешь, и впрямь повесят?

– Конечно, – небрежно ответил целовальник. – Давно бы уж вздернули, да руки у бояр не доходят. Все казну делят да никак поделить не могут.

Глеб помолчал, потом холодно взглянул на целовальника и уточнил:

– А ты сам-то беспредела не боишься?

Тот усмехнулся:

– Я уже ничего не боюсь. Через три дня закрываюсь. Поеду к брательнику в Полоцк. И гори оно синим пламенем, это Хлынское княжество.

Целовальник пододвинул к Глебу кружку с пивом, затем снял с гвоздя мягкую тряпицу и, легкомысленно что-то насвистывая, принялся протирать вымытые стаканы.

3

На улице похолодало. Глеб достал из кармана берестяную коробку с бутовыми сигаретами, взял одну и закурил. Выпустил изо рта косматое облако дыма и посмотрел, как расплывается оно в холодном воздухе.

Огромное черное небо было ясным и звездным. Над заиндевевшей землей сверкала Большая Медведица. В тишине звонко скрипели по снегу полозья проезжающих мимо саней.

В стороне от входа, рядом с кладкой дров, огороженной обледенелым скользким частоколом, горел костерок. У костерка, на черном бревне, сидел закутанный в тряпье бродяга. Лицо его было скрыто наголовником. Когда Глеб проходил мимо костерка, бродяга поднял голову и хрипло пробурчал:

– Все сражаешься с демонами, Первоход?

Глеб остановился и, повернув голову, взглянул на бродягу.

– Кто ты? – спросил он.

– Я? – Бродяга улыбнулся под своим балахоном. – Просто странник.

Глеб подозрительно прищурился:

– Откуда ты про меня знаешь?

– В Хлынском княжестве нет человека, который не знал бы или не слышал о тебе. – Бродяга взял палку и поворочил угли. – Беда пришла в Хлынь, Первоход, – со вздохом

проговорил он. – Коли заваруха начнется, никому из простого люда не выжить. Не забьют мечами, так пожгут огнем.

– Заваруха? – Глеб хмыкнул. – Уж не прорицатель ли ты?

– На свете много людей, способных прорицать будущее, – спокойно ответил бродяга. – Что до меня, то я всего лишь вижу изнанку настоящего.

– И что ты там видишь, в этой изнанке?

Бродяга повернул к Глебу голову, несколько мгновений молчал, а потом тихо проронил:

– Демонов.

Глеб поморщился:

– Каких еще демонов?

– Тех, которые населяют твою собственную душу.

Глеб разочарованно хмыкнул:

– Ясно. Обычная христианская проповедь. Интересно было с тобой поболтать, поклонник плачущего бога. Но сейчас мне пора идти. Благоденствия тебе.

– А тебе – удачи!

Глеб повернулся и зашагал прочь. Бродяга откинул наголовник поношенного плаща и задумчиво посмотрел Глебу вслед. Если бы Глеб оглянулся, он бы сильно удивился, поскольку под драным плащом у бродяги обнаружилась добротная охотничья куртка, на перевязи у него висел меч, а лицо его – гордое, спокойное, испещренное тонкими шрамами – было лицом воина или охотника.

* * *

Хороши были сани у советника Кудеяра. Добротные, резные, крытые пологом. Сидел Кудеяр в саниах и смотрел на приближающегося Глеба так спокойно и смиренно, будто Глеб сам повелел ему дожидаться своего прихода.

Вместе с ним сидели два огромных охоронца в полном вооружении. Несколько секунд Глеб недоуменно таращился на Кудеяра и охоронцев, потом усмехнулся и выдохнул:

– Ясно. Ну, и на кой черт тебе понадобился весь этот спектакль?

Кудеяр улыбнулся и сказал:

– Садись в сани, Первоход. Княгиня ждет.

Глеб прищурился и недовольно спросил:

– Ты думаешь, я сяду?

– Думаю, сядешь.

Глеб холодно посмотрел на охоронцев. Небрежно поинтересовался:

– А если нет? Натравишь на меня своих псов?

По губам Кудеяра скользнула улыбка.

– Зачем? Я еще не выжил из ума.

Глеб помолчал, поглядывая на советника, потом спросил недовольным голосом:

– Выходит, ты знаешь меня лучше, чем я сам?

– Выходит, что так, – кивнул Кудеяр.

– Ладно. – Глеб шагнул к саниах и ловко на них запрыгнул. – Но имей в виду: я еще ни на что не согласился.

– Зачем же сел в сани?

– Хочу встретиться с княгиней.

– Зачем?

Глеб усмехнулся и ответил:

– Соскучился. – Он толкнул в плечо сонного толстозадого возчика. – Эй, хомяк, правь к царскому терему!

Возчик встрепенулся, привстал на козлах и, хрипло гаркнув «А ну пошли, милые!», стегнул лошадок плетью.

Княгиня Наталья была так же хороша, как прежде, но не так холодна и неприступна. Тень суровости и мрачной озабоченности покинула ее чело. Она словно бы вновь ожила после того, как призналась всем в том, что князь Егра давно мертв. Правда, об истинном положении вещей поведали только домовым боярам, а народу рассказали байку о том, что князь Егра завис между Явью и Навью и несколько лет не мог окончательно перейти границу, отделяющую мир мертвых от мира живых.

Как бы то ни было, но теперь страшной лжи о величественном мертвеце пришел конец, с души Натальи упал камень, и она снова смогла расправить плечи.

Едва Глеб переступил порог горницы, как Наталья тут же приказала слугам и приближенным выйти вон, и они остались наедине. Усадив Глеба рядом с собой, Наталья долго разглядывала его лицо, после чего приветливо и почти ласково сказала:

– Ты изменился, Первоход.

– Да, – ответил Глеб, – знаю. Я целый год жил в мире с собой и с окружающими, и это не могло не наложить отпечаток на мою физиономию.

Княгиня улыбнулась.

– Так и есть. Черты твои не так грубы и жестоки, как прежде. А глаза... когда-то они были мрачнее бездны и холоднее льда, а теперь в них мерцает теплый огонь. – Княгиня неуверенно повела плечами. – После того как ты расправился с Пастырем, я искала тебя, чтобы наградить. Но ты быстро уехал из княжества.

«Плоховато ты искала», – хотел было сказать Глеб, но сдержался и небрежно пояснил:

– Я должен был спешить, ведь меня ждал мой огород.

Наталья кивнула:

– Да, я помню. Слава о дивных плодах, которые ты выращиваешь, дошла и до нашего княжества. Должно быть, ты богат и ни в чем не нуждаешься?

Глеб усмехнулся:

– Смотря что считать богатством. Не думаю, что я богат, но я действительно преуспел.

Несколько секунд Наталья молчала, а потом тихо спросила:

– Не тоскуешь по былым временам, Первоход?

– По былым временам? Что ты имеешь в виду?

– Когда-то ты был лучшим ходоком и охотником в княжестве. Самым храбрым, ловким и сильным. Трудно представить, что ты отложил меч и все свое время отдаешь борьбе с жуками-короедами.

– Короеды не так безопасны, как кажется, – ответил на это Глеб. – Что до прочего, то капустный кочан приятнее упырьей головы. А россыпь ароматной клубники выглядит красивее, чем лужа крови.

Княгиня сдвинула брови и сказала:

– Ты возделываешь огород и доволен своей участью. Но представь себе, что твой огород – это все наше княжество. На нем полно сорняков и паразитов. И никто, кроме тебя, не сможет одолеть это зло.

Несколько секунд Глеб молчал, а потом вдруг качнул головой и засмеялся.

– Ох, княгиня! – выговорил он, посмеиваясь. – Ты всегда умела убеждать!

Наталья тоже улыбнулась.

– А ты всегда умел быть полезным, когда речь шла о чем-нибудь спасении. Принеси пользу и сейчас.

Глеб смахнул рукой выступившие от смеха слезы.

– Что ж... Всегда мечтал порулить каким-нибудь княжеством. Я принимаю твое приглашение, княгиня. Но с одним условием. Что бы ни случилось – слова мои слушать беспрекословно. Что прикажу – делать немедленно и без рассуждений. Согласна ли ты на это?

– Твои слова будут законом, – твердо ответила Наталья. – Клянусь Сварогом и

Велесом!

– Ну так тому и быть. Времени, насколько я понял, у нас немного. Значит, возьмемся за дело прямо сегодня. Мне понадобятся лучшие мастера и хлеборобы. Пошли дружинников по селам и деревням, пусть разыщут таковых и доставят сюда.

– Хорошо, Первоход.

– И прикажи своим головорезам вести себя с мастерами и хлеборобами вежливо. Мы ведь не в плен их берем. Начальником над мастерами поставим кузнеца Вакара. Лучшего умельца, чем он, во всем княжестве не сыщешь.

– А коли откажется?

Глеб усмехнулся.

– Заплатим серебром, не откажется.

Лицо княгини погрузнело.

– Казна почти пуста, Глеб, – вздохнув, сказала она. – И пополнения ждать неоткуда.

– Вот как? Так какого же лешего ты меня... – Глеб осекся, заметив, как побледнело и помрачнело лицо княгини. Несколько секунд он молча и мрачно размышлял, потом дернул щекой и небрежно проговорил: – Ладно. С этим мы разберемся позже. А пока...

Наталя остановила его жестом и сказала:

– Глеб, прежде чем ты продолжишь, я хочу познакомить тебя с моими советниками. С теми, кто послужит тебе опорой во всех твоих делах. – Княгиня повернулась к двери и громко окликнула: – Липок!

Двери почти тотчас же распахнулись, и в горницу вошел княжий холоп Липок.

– Позови ко мне Будислава и Рогдая! – распорядилась княгиня Наталя.

Липок кивнул, повернулся и быстро исчез. А вскоре вернулся в сопровождении двух бородатых мужчин. Первый был седой и полный, второй – сухой, мрачный и черный как ворон. Седой был одет богато и даже роскошно, второй – аскетично и сурово, как подобает воину. Впрочем, кольчуга его, надетая поверх шерстяного подклада, была первоклассной и стоила, должно быть, целое состояние.

Войдя в горницу, оба бородача низко поклонились княгине Наталье, поприветствовали ее в самых торжественных выражениях и только потом позволили себе взглянуть на Глеба.

– Познакомься, Глеб, – сказала Наталя. – Это самые верные мои люди. Те, на кого ты сможешь положиться. Этот вот, с седой головой, советник Будислав. Он понимает грамоте, знает и клинопись, и новую глаголицу. А помимо того – владеет языками гофов и византийцев.

Глеб протянул боярину руку:

– Приятно с тобой познакомиться, Будислав.

– Мне тоже, Первоход. Я много о тебе слышал.

Княгиня Наталя перевела взгляд на второго советника.

– Этот черноусый молодец – мой советник по военным делам Рогдай, – представила она.

Черноусый боярин с моложавым хмурым лицом выдвинулся вперед и протянул Глебу руку. Пожатие советника Рогдая было таким же твердым и крепким, как его взгляд.

– Первоход, ты можешь всецело доверять этим двум, – сказала княгиня. – Они, так же как я, болеют сердцем за княжество и не хотят его гибели.

Глеб внимательно посмотрел на советников княгини.

– Хорошо, если так. Впереди у нас с вами много работы, парни. И если уж я ввязался в это дело, то хочу, чтобы вы выполняли мои поручения, не рассуждая. Могу ли я на вас рассчитывать?

– Ты можешь на меня рассчитывать, – сухо и веско проговорил Рогдай.

– И на меня тоже, – мягко произнес Будислав.

В комнату вошел лакей в пестром одеянии, отдаленно похожем на ливрею. Преклонив голову и не глядя никому в глаза, он громко возвестил:

– Светлейшая княгиня, купец Добровол и волхв Чтибогх просят войти к тебе в

горницу для разговору!

– Скажи, пусть войдут, – разрешила Наталья, сразу выпрямившись и посуровев лицом.

– Эти двое – главные недруги княгини, – шепнул на ухо Глебу советник Кудеяр.

Обе створки двери распахнулись, и в горницу вошли два человека весьма примечательного вида. Первый – высокий, плотный, с каштановой, очень ухоженной бородой и грозным, величественным лицом. Одевание его было так густо усыпано яхонтами и жемчугом, что блеск их слепил глаза.

Второй вошедший был полной противоположностью первого – невысокий, сутулый и согбенный, в простой серой хламиде и с лицом, более приличествующим лесному жителю, чем горожанину. Кожа его была смугла и испещрена морщинами, и из этого переплетения морщин выглядывали два сверкающих глаза, а взгляд этих глаз был таким жгучим, мрачным и нетерпимым, что заставил бы поежиться и самого Глеба, если бы не присутствие княгини и ее советников.

– Мир тебе, пресветлая княгиня! – поприветствовал Наталью боярин.

– Мир и тебе, Добровол. Ты хотел со мной поговорить?

Боярин Добровол почтительно склонил голову и сипловатым, негромким голосом произнес:

– Дошел до нас слух, княгиня, что ты призвала на службу нового советника. Правда ли это?

– Слух? – Наталья нахмурилась. – Я вижу, слухи доходят до тебя гораздо быстрее, чем до прочих, боярин. И эта быстрота не может не удивлять.

– Так это правда или нет?

– Правда. Этот советник стоит по правую руку от меня, и теперь он – мой первый помощник.

Боярин Добровол и волхв Чтибогх усталились на Глеба.

– Моего нового советника зовут Первоходом, – сказала княгиня. – Вы наверняка слышали о нем.

– Мы о нем слышали! – прокаркал волхв. – Говорят, он был первейшим смутьяном в княжестве, пока не уехал!

– Люди много чего говорят, Чтибогх, – заметил советник Кудеяр. – Но не всему из этого следует верить.

Волхв повернулся к княгине и взглянул на нее своими безумно сверкающими глазами.

– Я пришел к тебе не просто так, пресветлая княгиня! – прокаркал он. – Твой муж, князь Егра, взывает к тебе из глубины мрака! Он требует слова, и я хочу стать его устами! – Волхв прищурился. – Впрочем, если ты не пожелаешь его выслушать...

– Я его выслушаю, – холодно проронила Наталья.

Волхв закрыл глаза и напрягся. Глеб повернулся к Кудеяру и вопросительно на него посмотрел. Тот чуть наклонился навстречу и тихо шепнул:

– Его устами с нами говорит покойный князь Егра.

– Ясно, – так же тихо отозвался Глеб.

Он внимательнее взгляделся в морщинистое, жесткое лицо волхва. «Похоже, с этим стариком будут проблемы», – подумал Глеб. И не ошибся. В следующую секунду волхв открыл глаза, уставился на княгиню жестким взглядом и вдруг разлепил старческие губы и громко изрек:

– Я здесь, Наталья! И я хочу с тобой говорить!

Глеб почувствовал, как по спине его пробежала холодная волна. Голос, которым говорил волхв, был изумительно, просто неправдоподобно похож на голос покойного князя. Глеб незаметно покосился на советников княгини Натальи. Те стояли со спокойными лицами, и губы их были плотно сжаты, однако побледнели и они.

Наталья стиснула пальцами подлокотники резного кресла и слегка подалась вперед.

– Это и впрямь ты, князь? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Да! – властным голосом ответил волхв. – Это я, твой муж Егра!

Наталья облизнула кончиком языка пересохшие губы и тихо пробормотала:

– Что ты хочешь мне сказать?

– Что я хочу сказать? Неладное дело задумала ты, княгиня! – Волхв повернул голову и уставился на Глеба. – Ты призвала Первохода и сделала его своим первым советником! Уж не свихнулась ли ты, жéно?

– Он... нам поможет, – пролепетала Наталья. – Он знает как.

– Он знает как? – Морщинистые губы волхва растянулись в усмешку. – Не тот ли это Глеб Первоход, который утопил в болоте огнестрельные посохи?

– Да, – тихо отозвалась княгиня. – Но сперва он помог нам справиться с лютыми нелюдьми и вероломной Голядью.

– Прогони самозванца! – гаркнул волхв и грянул о дубовый пол своим тяжелым посохом. – Прогони!

От этого гневного, неистового крика вздрогнули и побелели даже советники Натальи, не говоря уж про саму княгиню. Она вдруг вся сжалась на своем массивном резном троне, превратившись из величественной княгини в перепуганную девочку, нарушившую запрет взрослых.

– Прогони самозванца! – холодно и властно повторил волхв, испепеляя Глеба взглядом. – Сию же минуту!

Несколько мгновений Наталья молча и неподвижно сидела на своем троне, потом повернула голову к Глебу и пробормотала, стараясь не смотреть ему в глаза:

– Сам видишь, как все повернулось, Первоход. Тебе... Тебе придется уйти.

Внезапно в груди Глеба поднялась ярость. Он выступил вперед, обвел присутствующих недобрый взглядом и отчеканил:

– А теперь послушайте, что я вам скажу, бояре. Слушай и ты, волхв! Княгиня Наталья призвала меня, чтобы я помог ей навести порядок в княжестве и защитить его от набегов соседей и степняков. Я не горел желанием браться за эту работу и сперва отказался. Отказался, потому что не знал, насколько глубоко вы тут все увязли. Но теперь я здесь. Я принял предложение княгини, и она дала мне слово, что будет слушаться меня беспрекословно. Княгиня поклялась Сварогом и Велесом, а эта клятва нерушима. Слышишь ли ты меня, боярин Добровол?

Добровол встретил взгляд Глеба прямо и твердо. Несколько секунд мужчины молчали, затем Добровол разомкнул широкие, выпуклые, властные губы и холодно изрек:

– Значит, не уйдешь?

– Не уйду, – ответил Глеб.

Боярин Добровол перевел взгляд на княгиню:

– Выходит, князь Егра тебе больше не указ?

Наталья понурила голову.

– Ты сам все слышал, боярин, – тихо сказала она. – Я дала клятву. Столь страшную, что не смогу ее нарушить.

Добровол пробежал взглядом по лицам Будислава и Рогдая и вдруг рывкнул:

– Охоронцы!

Дубовые двери распахнулись, и в зал вбежали четыре коренастых, жилистых ратника, по виду очень сильные, опытные и умелые. Остановились за спиной Добровола и, положив пальцы на рукояти мечей, замерли в напряженных позах.

Добровол и волхв смотрели на Глеба с такой лютой ненавистью, что на мгновение Глеб понял – вот-вот он дрогнет, но уже в следующий миг взял себя в руки. Глядя Доброволу в глаза, он спокойно вынул из чехла обрез охотничьего ружья и положил его цевьем на левое предплечье.

Добровол посмотрел на ружье и нахмурился.

– Тяжкую ношу ты на себя взвалил, Первоход, – проговорил он своим густым властным голосом. – Гляди, не надорвись.

– Не надорвусь, – в тон ему ответил Глеб. – Если бы ты знал, сколько раз я слышал эти

слова, ты бы сильно удивился.

Добровол жестко и насмешливо прищурился:

– И где все те, которые тебе их говорили?

– Пьют сбитень с Велесом в царстве Нави.

Прищур боярина стал насмешливым.

– Ты и супротив меня пойдешь, ходок? И меня сметешь со своей дороги?

– Встанешь на пути, смету, – честно ответил Глеб.

«А ведь это объявление войны, – понял он вдруг. – Вот дьявол! Далековато же меня занесло».

Добровол тяжело вздохнул:

– Что ж... Так тому и быть. Идем, волхв!

Он хотел развернуться, но Глеб, багровея от ярости, громко окликнул:

– погоди, боярин!

Добровол, волхв и охоронцы замерли, уставившись на Глеба.

– Вы останетесь тут, пока я вас не отпущу, – заявил Глеб. – Отныне здесь, в княжьем тереме, вы будете делать только то, что я вам скажу. Понятно?

Добровол гневно сверкнул серыми ледяными глазами. Глеб вдруг отметил, что пышные волосы боярина, выбивающиеся из-под дорогой шапки, походят на львиную гриву. Все в его облике говорило о жажде власти и способности этой власти добиваться: большое сильное тело, громовой грубый голос, пылающие холодным огнем глаза.

– Есть ли у тебя право распоряжаться нами, ходок? – процедил Добровол сквозь зубы.

Глеб взглянул на княгиню Наталью. Она была бледна как смерть, но все же кивнула. Глеб снова перевел взгляд на боярина.

– Отныне я – главный распорядитель, – отчеканил Глеб. – И все, что я говорю вам, говорит сама княгиня. Отныне я – ее уста.

– Моими устами говорит князь Егра! – каркнул волхв и ударил посохом об пол.

Глеб перевел на него взгляд и негромко возразил:

– Егра более не принадлежит этому миру. Передай ему мои слова, если встретишь.

Волхв крепко стиснул в сухих пальцах свой посох и сипло пролаял:

– Негоже живому гневить мертвецов!

По губам Глеба, подобно молнии, пробежала усмешка.

– Если бы ты только знал, волхв, скольких мертвецов я изрубил на куски в Гиблом месте. Знаешь, что про меня говорят?

– Ты убиваешь темных тварей, – ответил вместо волхва Добровол.

Глеб кивнул.

– Верно. Однако я не посоветую ни одному из людей красться за мной в темноте. Иначе могу перепутать с темной тварью и... – Глеб не договорил. – В общем, вы меня поняли. Это и вас касается, боярские охоронцы!

Добровол едва заметно усмехнулся, затем перевел взгляд на княгиню и небрежно осведомился:

– Мы можем идти, княгиня? Или ты должна спросить разрешения у ходока?

Наталья растерянно посмотрела на Глеба. Тот нахмурился, хотел ответить грубостью, но вдруг – по какому-то мгновенному наитию – протрезвел от своей пьяной ярости и решил сменить тактику.

– Добровол, – заговорил он спокойным, примирительным голосом, – пожалуй, мы не с того начали. Я не хочу ссориться. Правда. У нас впереди общее дело, и мне не помешают новые друзья.

Глаза боярина, серые, матовые, жутковатые в своей непроницаемости, чуть сузились.

– Ты хочешь, чтобы я стал твоим другом?

– Да, хочу, – серьезно ответил Глеб. – И нет лучшего способа подружиться, чем совместная попойка. Мы скрепим нашу дружбу кубком вина. Ты согласен?

Боярин, похоже, слегка растерялся от такого предложения, а Глеб, зная, что нужно

ковать железо, пока горячо, быстро «дожал» его:

– Послезавтра вечером княгиня устраивает пир. На нем мы будем не только пировать, но и обсудим, между трапезой и питием, все хлынские дела. Княгиня желает, чтобы на пиру были все ее домовые бояре. Само собой, мы будем ждать и тебя. Придешь?

Добровол помолчал, пригладил ладонью широкую каштановую бороду, чуть склонил голову набок и уточнил:

– Ты уже поведал нам, что отныне ты – уста княгини. Но все, что ты сейчас сказал, могла бы сказать и она.

– Я жду тебя на пиру, Добровол, – подтвердила Наталья.

Боярин прищурился и величественно кивнул тяжелой головой.

– Хорошо, – изрек он. – Я буду сам и передам остальным. Теперь я могу идти?

– Можешь, – разрешил Глеб. – И прости, если я говорил с тобой излишне жестко. Это старая привычка, и я постараюсь от нее избавиться.

Добровол несколько секунд сверлил Глеба взглядом, стараясь проникнуть в его мысли, потом кивнул, повернулся и зашагал к выходу. Волхв Чтибогх засеменил рядом. Пропустив боярина и волхва мимо, охоронцы дружно развернулись и, чеканя шаг и не отнимая пальцев от рукоятей мечей, направились за ними.

– Ну? – спросил Глеб княгиню и советников, когда незваные гости скрылись за дверью. – Чего приуныли?

Наталья посмотрела на него недовольным взглядом и сказала:

– Ты очень дерзок на язык, Первоход.

– Что есть, то есть, – признал Глеб. – Но ты ведь это знала, когда звала меня в советники.

– Да, знала. – Княгиня слегка покраснела, потом вздохнула и тихо добавила: – Надеюсь, я не ошиблась в своем выборе.

5

Размышляя о том, с чего следует начать, Глеб пришел к выводу, что перво-наперво следует привлечь на свою сторону самых авторитетных людей Хлын-града. Побродив по городу и порасспрашивав жителей, он составил в уме что-то вроде рейтинга «самых крутых авторитетов». Первую строчку в этом рейтинге занимал он сам. А вторую – лекарь по имени Хвалимир.

Глеб пару раз встречался с Хвалимиром. Мужик был умный, но упертый и жутко самонадеянный. Жил лекарь Хвалимир анахоретом и был уверен, что не нуждается ни в чьем совете и ни в чьей помощи.

Глебу Хвалимир всегда напоминал алхимика. В сарае у него было что-то вроде лаборатории. Перегонные кубы, колбы, замысловатые котлы для кипячения трав с кучей отводов и трубок. В своей лаборатории лекарь Хвалимир готовил целебные зелья, которые затем продавал народу по ломовым ценам. Народ жаловался, но зелья покупал, потому как – помогали. За глаза Хвалимира называли «нашим шкуродером», однако работу его ценили, а самого его жутко уважали.

На дворе лекаря, крытом плотной крышей и превращенном в подобие приемного покоя, как всегда, толклось много народа. На самом почетном месте – на топчане, крытом волчьими шкурами и расположенном возле железой бочки, в которой пылали дрова, лежал пожилой мужик со всклокоченной бородой и бледным лицом. Судя по тому, сколько вокруг мужика было заплаканных людей, был он какой-то местной «шишкой», навряд ли районного старосты.

Глеб протолкался к сараю и распахнул дверь.

Хвалимир сидел на лавке и толоч в ступе очередную адскую смесь. Был он сед как снег, коротко стрижен, высок и угрюм. В ответ на приветствие Глеба он небрежно кивнул (Хвалимир со всеми здоровался кивком) и спросил:

– Что случилось, Первоход? Опять понадобилась моя заживляющая мазь?

– На этот раз мне от тебя нужно кое-что другое.

Глеб уселся на лавку и осмотрел верстаки, уставленные перегонными кубами и котлами. В сарае, освещенном факелами и светом, льющимся из слюдяных окон, было прохладно, но не холодно. Отчасти из-за того, что на улице потеплело, отчасти – из-за маленькой, но чрезвычайно умело и грамотно сложенной печурки, в которой пылали березовые дрова.

– Ты – один из самых уважаемых людей в городе, – продолжил Глеб, осмотревшись. – Люди считают тебя чуть ли не богом и прислушиваются к каждому твоему слову. Мне нужна твоя помощь.

Седовласый целитель перестал толочь зелье и пристально посмотрел на Глеба.

– Помощь?

Глеб кивнул:

– Да. Ты должен стать распространителем моих идей.

На лице Хвалимира не отразилось ни удивления, ни интереса. Он снова опустил взгляд на ступку и продолжил толочь свою смесь.

– Ну так как? – спросил Глеб. – Поможешь мне?

– В народе поговаривают, что ты задумал перемены, – сухо проговорил седовласый кудесник, размеренно и спокойно работая медной толкушкой. – А я не люблю перемен.

– Это будут полезные перемены, – заверил лекаря Глеб.

Хвалимир стукнул толкушкой об ступку, остановился и медленно и сухо произрек:

– Все перемены – к худшему. Мы с тобой идем разными дорогами, Первоход. Если тебе нужна мазь, я ее тебе продам, но говорить людям о том, что твои перемены несут пользу, я не стану.

Лекарь замолчал и снова продолжил свою работу. Глеб сидел на лавке с хмурым лицом и мучительно пытался что-нибудь придумать. Для людей, жизнь которых была постоянной схваткой со страшными и плохо излечимыми болезнями, Хвалимир был настоящим Спасителем. А таких людей в Хлын-граде и окрестностях большинство. Львиная доля всех хлынских лекарей были обыкновенными шарлатанами. На их фоне Хвалимир с его чудодейственными снадобьями выглядел титаном.

В голову ничего не приходило, и, чтобы не сидеть молча, Глеб спросил:

– Там у тебя во дворе, у горячей бочки, лежит какой-то «бугор». Кто он?

– Староста Лычезар, – ответил лекарь.

– И что с ним?

– Он умирает.

– От чего?

– Застуда поедает ему легкие. А жар заставляет его кровь закипать.

– Вот оно что. – Глеб задумчиво нахмурился. – По всей вероятности, у старосты пневмония. Есть хоть какая-то надежда его вылечить?

Хвалимир качнул седой, коротко стриженной головой.

– Нет. Этому человеку ничто уже не поможет. Он умрет.

– И ты сказал об этом людям?

– Да. Я сказал им, что Лычезару может помочь только чудо. А я – лекарь. Лекарь, а не кудесник.

– Да-да, – задумчиво проговорил Глеб. – Ты лекарь. И хороший ле...

Он вдруг осекся. В голову Глебу пришла идея. Он взглянул на Хвалимира, прищурил глаза и уточнил:

– Так, говоришь, все перемены – к худшему?

– Да, – не прекращая своей работы, отозвался лекарь.

– И говоришь, что староста неизлечимо болен?

– Он почти мертвец, – тем же сухим, безразличным голосом ответил Хвалимир.

Глеб облизнул пересохшие губы.

– А если я это сделаю? Если я поставлю старосту Лычезара на ноги?

Хвалимир усмехнулся:

– Тогда ты будешь самым великим лекарем в мире.

– И ты поможешь мне уговорить людей? Убедишь их не бояться перемен, которые я им принесу?

– Если ты излечишь старосту, я сделаю все, что ты попросишь, – спокойно изрек лекарь. – Но кто бы из богов ни пришел тебе на помощь, а оживить мертвеца с изъеденными болезнью внутренностями не под силу ни одному человеку.

Глеб поднялся с лавки, глаза его возбужденно блестели.

– Я скоро вернусь, – сказал он лекарю. – Мне понадобятся твои перегонные кубы и ты сам.

– Если ты не заметил, я занят, – сухо и неприязненно проговорил Хвалимир.

– Я это заметил. Но тебе придется мне помочь. Иначе я разобью твои чертовы колбы, дотла спалю твой дом, а тебя самого упрячу в узилище. И мне плевать, что об этом скажут люди.

Глеб поправил на перевязи меч и вышел из сарая.

Полчаса спустя Глеб вернулся и положил на стол берестяную коробку.

– Взгляни, – сказал он Хвалимиру, который стоял у горелки и помешивал деревянной лопаткой варящееся в котле зелье.

Лекарь отложил лопатку, вытер руки о фартук и подошел к столу. Заглянул в открытую коробку и хмуро спросил:

– Плесень?

– Верно, плесень. В вашем мире ее полно, и это впервые меня радует. Заводи свои перегонные кубы, Хвалимир. Мы приступаем к работе.

Хвалимир хотел возразить, но глянул на рукоять меча, торчащую из-под плаща Глеба, и предпочел оставить возражения при себе.

Вскоре работа закипела. Глеб разбавил плесень водой, вымочил ее, а получившуюся массу прогнал через фильтры, которые выдал ему Хвалимир. Затем Глеб приступил к самому процессу. Когда-то он писал статью о парфюмерах и видел, как изготавливают эссенции. Главные этапы – это выделение и очистка. Перегонные кубы и колбы Хвалимира вполне годились для этого. Этим Глеб и занялся. Работа была кропотливая и тяжелая, но Глеб был на взводе и не чувствовал усталости.

Вскоре, пропотев от жара горелок, Глеб снял плащ и куртку и продолжил работу в одной рубахе. (Пояс с перевязью и мечом уже давно лежал на лавке, и про него забыл не только Глеб, но и Хвалимир.)

Получив экстракт, Глеб приступил к следующему этапу – выпариванию и сушке. Хвалимир вначале помогал неохотно, но вскоре азарт Глеба передался и ему, и он с любопытством наблюдал за работой Глеба и без всяких возражений выполнял все, что ему приказывал Первоход.

Наконец Глеб закончил работу и вытер рукавом потный лоб.

– Кажется, готово, – проговорил он усталым, но удовлетворенным голосом. – Не уверен, что мы получили то, что нужно, однако попробовать, в любом случае, стоит.

Немного передохнув, Глеб соскреб с глиняной площадки сероватый порошок и пересыпал его на бересту. Показал Хвалимиру. Тот взглянул на порошок, понюхал его, попробовал на вкус, после чего спросил:

– И что толку в этом порошке?

– Я намерен дать его старосте Лычезару, – ответил Глеб, повернулся и зашагал к двери.

Во дворе Глеб властным голосом заставил народ потесниться и прошел к топчану, на котором лежал в горячечном бреду умирающий староста. Затем, не медля и не церемонясь, Глеб раскрыл старосте кинжалом зубы и всыпал ему в рот порошок. После взял кружку с водой, приподнял больному голову и влил ему в рот немного воды.

Староста сглотнул кадыком, и Глеб снова положил его голову на соломенную подушку.

– И что теперь? – услышал он за спиной хмурый голос Хвалимира.

– Теперь будем ждать.

6

– Первоход, проснись!

Глеб вздрогнул и открыл глаза.

– А? Что?

Он не сразу вспомнил, где находится, а вспомнив, поежился и выпрямился на лавке. Лекарь Хвалимир опустился перед ним на колени и низко поклонился. Глеб протер кулаками глаза.

– Вечерний намаз? – насмешливо осведомился он. – Не знал, что ты мусульманин.

Лекарь поднял седую, коротко стриженную голову и торжественно произнес:

– Я чту в твоём лице величайшего лекаря, Первоход!

– Вот оно что. – Глеб зевнул и потянулся. – Значит, наш мертвец ожил?

– Староста попросил ествы и питья, – с улыбкой доложил Хвалимир. – Голова его уже не объята жаром. Старый Лычезар пошел на поправку.

Глеб облегченно вздохнул:

– Ну, слава богу. Я боялся, что мы уже опоздали. Пойдем посмотрим на твоего Лычезара.

Во дворе Глеба встретили как бога. Очевидно, лекарь уже успел рассказать людям о зелье, оживляющем мертвецов, которое сварил Первоход. Глеб поинтересовался у ожившего старосты, намерен ли тот выздороветь, и получил утвердительный ответ. Потом последовала череда благодарностей, которые Глеб выслушал хмуро, но терпеливо.

Жена старосты, женщина дородная и румянощекая, бросилась Глебу на шею, облобызала его и взволнованно спросила:

– Чем нам отблагодарить тебя, Первоход? Чем отплатить за твоё добро?

Глеб осторожно высвободился из её цепких объятий и сказал:

– Благодарите лекаря Хвалимира. Кабы не его перегонные кубы, у меня бы ничего не получилось.

Поблагодарив в самых возвышенных выражениях смущенного Хвалимира, стоявшего рядом, старостиха снова повернулась к Глебу.

– Как называется волшебное зелье, которое ты дал моему мужу, Первоход?

– Зелье-то? Оно называется антибиотик.

– Как?

– Антиби... – Глеб махнул рукой. – Не важно. Можешь сама придумать ему название.

– Называй его «зелье Первохода»! – крикнул кто-то. Другие тут же подхватили и загалдели: – Зелье Первохода! Зелье Первохода!

Глеб усмехнулся.

– И кто теперь осмелится утверждать, что пенициллин изобрел Александр Флеминг. – Он повернулся к лекарю: – Хвалимир, надеюсь, ты запомнил, как мы его изготовили?

– В общих чертах, – ответил тот.

– В общих не годится. – Глеб на секунду задумался, затем спросил: – Грамотой владеешь?

– Я легко читаю и славянскую, и гофскую клинопись, – не без гордости сообщил Хвалимир.

– Это хорошо. Я напишу тебе рецепт. Будешь делать антиби... то есть «зелье Первохода» с утра до вечера. Нам его много понадобится.

Глеб снова повернулся к толпившимся на дворе людям.

– Народ, у кого-нибудь есть береста и писало?

– Есть! – откликнулись из толпы. – Писарь живет недалеко! Мигом принесу!

– Отлично. Мы с Хвалимиром будем ждать в сарае.

Вернувшись в сарай, Глеб и лекарь Хвалимир уселись на лавки.

– Ты победил в нашем споре, Первоход, – проговорил Хвалимир, почтительно глядя на Глеба. – Сварил зелье из простой плесени, и оно победило страшную хворь. Это чудо.

– Зелье еще не победило, – возразил Глеб, доставая из кармана сигареты. – Но, скорее всего, победит. Староста мужик пожилой, однако крепкий. Должен выкарабкаться.

Закурив, Глеб помахал перед лицом рукой, отгоняя дым и сказал:

– Будешь давать ему порошок по три раза в день. Пока не выздоровеет.

– Как скажешь, Первоход, – смиренно заверил Хвалимир.

Дверь распахнулась, и в сарай вошел отрок в сермяжном кафтанчике. Почтительно поклонился Глебу и протянул ему бересту и писало. Глеб поблагодарил мальчишку, дождался, пока тот выйдет из сарая, и принялся писать рецепт. Однако бронзовое писало плохо его слушалось, клинышки выходили кривыми и малоразборчивыми. В конце концов Глеб вспылil.

– Дьявол! – выругался он. – Как же не хватает настоящей... – Тут Глеб вдруг замер. На челе его отобразилась дума. Поразмыслив несколько секунд, он быстро встал, прошел к двери, распахнул ее и громко осведомился:

– Народ, есть среди вас изготовители конопляной пеньки?

– Да, Первоход, – откликнулся шупленький мужичок. – Это я.

– Пенька – это ведь целлюлоза, – задумчиво проговорил Глеб. – А если это целлюлоза... – Он внимательно воззрился на мужичка. – Ты далеко живешь?

– В трех избах отсюда.

– Отлично. Неси сюда пеньку! Полную сумку! И не бойся, я хорошо за нее заплачу.

Мужичок поклонился и, протолкнувшись через толпу, быстро выбежал со двора.

– У меня к вам еще одна просьба! – снова обратился Глеб к толпе. – Принесите мне древесную золу и какие-нибудь старые тряпки. Да – и еще рыбий клей. Только побыстрее. За быстроту заплачу щедро!

Вскоре все, что просил Глеб, было доставлено.

– Хвалимир, я воспользуюсь твоим сараем? – не столько спросил, сколько констатировал Глеб.

– Конечно! Ты можешь делать здесь все, что захочешь.

Глеб улыбнулся, кивнул и, засучив рукава, принялся за работу. Ни он, ни Хвалимир не заметили, как народ постепенно набился в сарай и с любопытством наблюдал за тем, что делает Первоход.

А делал он странные вещи. Смешал пеньку и древесную золу. Потом мелко нарезал кинжалом тряпицы. Получившуюся смесь Глеб залил водой, снова хорошенько перемешал, а затем так же хорошенько отжал. Затем залил мокрую «кашицу» водой и рыбьим клеем.

Хвалимир наблюдал за действиями Глеба с величайшим интересом. Пару раз он пытался узнать у Первохода, что тот хочет получить на выходе, но Глеб отделялся шутками, а то и просто не отвечал.

Жидковатую клейкую массу, получившуюся после всех смешиваний и отжимов, Глеб выложил на широкий железный поддон, а затем раскатывал ее валиком до тех пор, пока она не стала идеально ровной.

– Ну вот, – сказал он затем. Перевел дух и вытер рукавом потный лоб. – Кажется, то, что нужно. А теперь, Хвалимир, разожги духовку. Да не сильно. Массу нужно хорошенько просушить, но не поджарить.

Лекарь сделал все, как он велел. Когда духовка разогрелась до нужной температуры, Глеб сунул туда поддон с выложенной на ней массой, сложил на груди руки и приготовился ждать.

Когда, наконец, пришло время, Глеб, порозовев от волнения и нетерпения, достал из духовки поддон, поддел тончайший лист засохшей массы ножом и осторожно отделил его от поддона. Затем взял лист двумя пальцами за кончик, повернулся и, высоко его подняв, предъявил людям.

– Готово! – радостно сообщил он.

Народ, раскрыв рты, смотрел на лист.
– Что это? – спросил лекарь Хвалимир.
– Бумага.
– И для чего она нужна?
– Мы будем на ней писать. Да что писать, мы будем печатать на ней книги! Она тоньше, лучше и прочнее бересты!

Тут листок с легким треском разошелся пополам, нижний кусок спланировал на пол сарая, а верхний остался у Глеба в руке.
– Ничего, – ничуть не смутившись, проговорил Глеб. – Первый блин комом.
Он положил оставшийся клочок на стол и отряхнул руки. Затем уверенно заявил:
– Нам нужен типографский станок. И, кажется, я знаю, как его сделать. Вырежем из дерева буквы, выложим их в матрицу, намажем краской и накроем сверху листом бумаги. Несколько движений валиком, и страница с текстом готова! – Глеб подмигнул Хвалимиру и с улыбкой спросил: – Черт, и в кого я такой умный?

Один из мужиков, маленький, ухоженный, одетый в довольно дорогой и очень изящный кафтанчик, взял обрывок листа в руки и осторожно поковырял его ноготком.
– Удивительно! – выдохнул он. – Если наложить несколько слоев бумаги друг на друга и поставить их под пресс, выйдет отличная ткань!
– А ты кто? – поинтересовался у него Глеб.
Мужик отложил бумагу и со смущенной улыбкой ответил:
– Я Юдаша. Здешний портной.
– Что ж, портной, переписывай рецепт и готовь свою ткань! Если ткань будет крепка, я первый закажу тебе дюжину рубашек!

Кто-то дернул Глеба за рукав.
– Дяденька, а дяденька!
Глеб опустил взгляд и увидел тощего лохматого мальчишку.
– Дяденька, тебя всему этому научили боги? – с любопытством и почтительным страхом глядя на Глеба, спросил мальчишка.
Глеб положил ему руку на голову и ответил:
– Нет, сынок. Просто когда-то я был журналистом.
– Кем?
Глеб усмехнулся и пояснил:
– Человеком, которому платят деньги за то, что он всюду сует свой нос и запоминает кучу ненужной информации. Голова журналиста похожа на помойку. И, кажется, теперь эта «помойка» сослужит мне добрую службу. Запомни, сынок: тот, кто владеет информацией, владеет миром.

Глеб погладил мальчишку по волосам, подмигнул ему и весело рассмеялся.

7

Последующие дни прошли для Глеба, как в горячем тумане. Одержимый идеей реформ, он почти не спал и не сидел на одном месте более десяти минут. Новое дело целиком захватило его и изменило не только внутренне, но и внешне. От угрюмости Первохода не осталось и следа. Лицо его сияло, усталые глаза сверкали молодым блеском. Казалось, у Глеба вновь появились надежда и цель.

«Если я не могу вернуться в свой мир, я могу переделать этот, – размышлял он. – Сделать его похожим на свой. Конечно, это потребует много времени и труда, но я готов потрудиться. Главное – не тратить время попусту, а действовать. Обладая знанием человека XXI века и властью, подкрепленной огнестрельным оружием, можно пройти путь, на который человечеству понадобилось тысячелетие, за одно, максимум – за два поколения! Разве не так?»

– Так! – отвечал сам себе Глеб.

За время, проведенное в Гиблом месте, он повидал множество чудес. А раз можно обойти законы природы, значит, можно обойти и законы развития человеческого общества. Базисы, формации... Чушь собачья! В мире мечей и копий прав тот, у кого есть ружье!

На исходе второго дня Глеб сидел с кузнецом Вакаром в углу огромной княжьей кузницы. Кузнец за то время, что Глеб его не видел, слегка раздобрел, но вид имел такой же дикий, как прежде. Массивная голова, длинные рыжеватые волосы, тронутые сединой, клочковатая пепельная борода.

Прежде чем приступить к серьезному разговору, Глеб заявил:

– Вакар, хочу еще раз перед тобой повиниться.

– О чем это ты? – вскинул густые брови кузнец.

– Ты починил мое ружье и выковал мне меч Рудгор. Взамен я должен был принести тебе из Гиблого места гриб бессмертия. Но я не сумел его найти.

Вакар усмехнулся.

– Забудь про гриб, – сказал он. – Я сглупил. Не того возжелал. Болотный дух меня попутал. Давай лучше о деле.

Глеб раскатал на столе один из принесенных свитков и прижал его железным кузлом. Вакар прищурился на свиток и спросил:

– Это чего?

– Чертежи, – ответил Глеб. – Тут, конечно, не совсем все точно, но я старался как мог. Ты у нас Кулибин, ты все поймешь, а чего не поймешь – домыслишь сам.

Вакар склонился над чертежами. Долго смотрел, потом ткнул пальцем в один из рисунков:

– Это чего?

– Трехполье, – ответил Глеб. – Такая земледельческая система. В первый год поле засеивается озимым зерном, на второй – яровым, а на третий год поле стоит под паром и отдыхает. Земля истощается и требует отдыха, Вакар. Мы дадим ей этот отдых.

Кузнец несколько секунд размышлял, затем кивнул головой:

– Это я понимаю. Ежели земля будет отдыхать, то и лес под новые поля рубить будет незачем, так?

– Так, – кивнул Глеб.

– Ну, а коли засуха выжжет все посевы? Что тогда? У тебя и на этот случай припасены задумки, Первоход?

– Конечно. – Глеб разложил перед кузнецом следующий чертеж. – Взгляни сюда. Мы пророем каналы и проведем акведуки. Я был в командировке в Средней Азии и видел, как это делается. Для хранения воды мы создадим водохранилища. Дело, само собой, хлопотное, однако со временем мы справимся и с этим. Поставим водонапорные башни, которые будут качать воду. Ну, а насосы для водонапорных башен ты сделаешь сам.

Вакар углубился в чертеж, а Глеб добавил:

– Первое, что мы должны сделать, – это победить голод. Второе – поприжать разбойничков. С темнотой нормальному человеку опасно выходить из дома. Это никуда не годится.

Вакар поднял взгляд от чертежа и недоверчиво осведомился:

– И как же ты с этим будешь бороться?

– Как все, – ответил Глеб. – Создам полицию. Ну, то есть ночную стражу. Пущу конные разъезды по всему городу. Пойманных с поличным разбойников будем наказывать плетью и бросать в узилища.

Глеб взял следующий чертеж и разложил его перед Вакаром.

– А это что такое? – поинтересовался тот.

Глеб слегка смутился.

– Думаю, до этого руки дойдут не скоро, – сказал он. – Но со временем обязательно дойдут. Это школа. Парты, доска, стеллажи для учебных пособий.

– Школа?

– Изба, в которой мы будем обучать детей и взрослых грамоте, – пояснил Глеб. – Вот погоди, кузнец, мы и тебя грамоте обучим.

Вакар нахмурился и сказал:

– Мне не нравится школа.

– Школа никому не нравится, – заметил Глеб. – Но без школы никуда. Относись к ней как к неизбежному злу.

Глеб разложил следующий чертеж.

– А это – типографский станок, – объяснил он. – На нем мы будем печатать книги и учебники для школы. Я когда-то работал в типографии и кое-что усвоил. В целом ничего сложного – наборный шрифт, чернила, валик. Обучим людей грамоте, напечатаем для них книги. Пускай читают.

Вакар поднял на Глеба удивленный взгляд и спросил:

– На что тебе это?

– Как тебе сказать... Чем грамотнее будут люди, тем они больше будут знать. А чем больше они будут знать, тем лучше захотят жить. А чем лучше они захотят жить...

– Тем горестнее станет их жизнь, – докончил за Глеба кузнец. Он долго изучал чертеж, потом вздохнул и сказал: – Это все, конечно, хорошо. Но пока ты будешь печатать книги и поливать сухую землю, степняки и кривичи пожгут наши жилища, а самих нас сотрут в порошок.

– Ты прав. Поэтому начнем мы не со школ, а с мушкетов и пушек. – И Глеб вновь потянулся за чертежом. Разложил на столе, придавил куском железа и спросил: – Понимаешь, что это?

Вакар взглянул на чертеж. Брови его слегка приподнялись, а уголки губ дрогнули и сложились в удовлетворенную полуулыбку.

– Новое оружие?

– Да, – кивнул Глеб. – Я видел в книжках по истории. Эти штуки называются мушкеты. В принципе, устройство довольно простое. Вот смотри: это – ствол, а это – приклад. Вот тут – фитильный замок, а вот тут – шептало. В ствол... вот сюда... мы засыпаем огневое зелье. Утрамбовываем сверху шомполом. Потом кладем сверху пулю и снова утрамбовываем. Закрепляем сверху пыжом. Вот это – фитиль. Подносим к нему огонь и...

– Огневое зелье взрывается и выталкивает пулю, – договорил за него кузнец. – Это понятно. Но ведь твоя ольстра намного лучше.

– Лучше, – согласился Глеб. – Но устроена она сложнее и тоньше, и мы с тобой не сможем наладить ее серийное производство. А мушкетов нам понадобится много.

Вакар глянул на Глеба из-под кустистых бровей, пробормотал что-то неопределенное, затем снова склонился над чертежом.

– На этом рисунке – пушки, – объяснил Глеб. – Пушки действуют по тому же принципу, что и мушкеты. Они будут стрелять полыми железными ядрами. Ядра мы начиним огненным зельем и железной картечью.

– Страшное оружие, – одобрил Вакар. – Но сможем ли мы его построить?

– Сможем. Если этим займешься ты, то сможем. Когда-то ты сумел скопировать мое ружье и сделать двенадцать новых. А с этим и подавно справишься. Работы предстоит много, и нам понадобятся большие человеческие ресурсы. Для этого мы наберем по селам крепких и умных мужиков. Я научу их...

– Казна пуста, Первоход, – перебил Вакар. – Об этом знают все. А с пустой казной ты ничего не сделаешь.

По лицу Глеба пробежала тень.

– Ты прав, Вакар, но лишь отчасти. Казна действительно пуста, однако ее можно пополнить. Хлынские купцы не платят налогов, а сами жируют. Посмотри на их кафтаны и шапки! Эти щеголи увешаны драгоценными камнями, как новогодние елки – игрушками. На пальцах у боярина Добровола я видел полдюжины алмазов.

– Но это *его* алмазы, – поправил Глеба кузнец. – И вряд ли он с тобой поделится.

– Верно, его. Но куплены они на деньги, уворованные из казны. А то, что не из казны, то получено за бурую пыль. То есть – в обход указов княгини.

– Бурой пылью нынче торгуют все, – снова возразил кузнец.

Глеб усмехнулся и сухо уточнил:

– *Пока* торгуют. Но скоро я эту лавочку прикрою. Сегодня утром я видел у блажной избы три трупа. Их просто выволокли из избы и вышвырнули на улицу, как ненужный хлам.

– За бурую пыль купцы и бояре будут сражаться, – возразил Вакар. – Словом ты их не остановишь.

– Знаю. Гангстеры не понимают слов. Но они хорошо понимают язык силы. После сухого закона в Америке гангстеры чувствовали себя настоящими хозяевами жизни. Они просто плевали в лицо полицейским и фэбээровцам. Тогда те сколотили убойные отряды и стали отстреливать гангстеров, как бешеных собак. Да и в Италии было то же самое. – Глеб прищурил недобрые глаза и добавил: – Мафию можно победить только ее методами, Вакар. И в этих методах я силен.

На этот раз кузнец не стал возражать. А Глеб задумчиво потер пальцами подбородок и сказал:

– Начнем мы с бояр. Эти парни здорово поживились за счет казны. Но я заставлю их отдать все обратно.

– Будешь их уговаривать?

Глеб усмехнулся и отрицательно покачал головой.

– Не я – мушкеты. Мушкеты помогут нам их уговорить.

Вакар обдумал его слова, затем поинтересовался:

– Положим, мушкеты я смастерю, наука нехитрая. Но кто ж будет из них стрелять?

– Мы создадим особый отряд, – с воодушевлением ответил Глеб. – Сделаем тридцать мушкетов и наберем тридцать самых метких лучников. Научим их пользоваться мушкетами, а когда они овладеют искусством стрельбы, они станут нашей опорой в борьбе с хлынской мафией. Как тебе мой план?

Вакар помедлил, размышляя над словами Глеба, потом сказал:

– План хороший. Но хватит ли у тебя духу довести его до конца?

– Хватит, – твердо ответил Глеб.

Кузнец вздохнул и покачал головой:

– Я в этом не уверен. Прежде ты убивал темных тварей, но теперь тебе придется вести войну против людей. И не против печенегов с Голядью, а против своих, русичей. Купцы – народ тертый. Почти у каждого из них имеется отряд охоронцев. И все они вооружены до зубов.

– Когда они поймут, на что способны наши мушкеты, они станут сговорчивее, – убежденно заявил Глеб.

Кузнец нахмурился:

– Пока мы сделаем мушкеты и обучим стрелков, пройдет время. А бояре злы и коварны. Они ужалят тебя в спину.

– Значит, нужно вырвать у них жало, – отчеканил Глеб.

Кузнец все еще смотрел на Глеба с сомнением.

– Но у тебя всего лишь одна ольстра, а у них – мечники, копьеносцы и лучники. Изрубят тебя в капусту, оторвут голову, нашпигуют стрелами, насадят на вертел и...

Глеб поморщился.

– Не слишком-то увлекайся, – сухо одернул он. – Но в целом ты прав. Действовать надо быстро. И если одной ольстры мало, значит, я должен раздобыть другое оружие. И будь уверен, я это сделаю. Сделаю, пока еще моя голова крепко сидит на плечах.

названием Порочный град, жил своей обычной жизнью. Порочному граду не угрожали набеги коварных степняков и кровожадных соседей, поскольку слава о нем шла почти такая же дурная, как и о Гиблом месте.

Степняки были уверены, что тот, кто хотя бы однажды попал в Порочный град, уже проклят богами и обречен на вечные муки. Примерно такого же мнения, хотя и сформулированного не столь радикально, придерживались и соседи хлынцев – кривичи, радимичи и дреговичи.

Порочный град, город пропащих душ, не бедствовал в любые, даже самые лютые времена. Поскольку в любые времена в мире было полно сумасшедших богатеев, готовых выложить кошель с золотыми монетами за возможность напиться водки и поглазеть на бои оборотней с волколаками. Или сыграть в кости, поставив на кон золото, а после, когда кошель опустеет, – и саму жизнь. Желаящие переспать с красивой волколачихой также не переводились.

Глеб шагал по Порочному граду, таращась на пестрые, подсвеченные смоляными плашками вывески с перечнями удовольствий. А для тех, кто не силен в клинописной грамоте, все объясняли яркие картинки. Где-то голая баба, где-то кружка с пенистым олусом, где-то игральные кости, а где-то и вовсе такое непотребство, что тошнота подкатывала к горлу от одного только вида.

Когда-то Глеб и сам был не прочь потягаться с «зеленым змием» в здешних кабаках, поставить пару серебряных монет на нового оборотня или провести ночь в компании румяной девки.

Вот и сейчас, глянув на вывеску с игральными костями, Глеб на мгновение задумался: не зайти ли? Два года назад он сорвал в этом игральном доме большой куш. Выигранных денег тогда хватило на два месяца безбедной и даже роскошной жизни.

Пару секунд Глеб размышлял, а потом тряхнул головой: нет. Только не сейчас. Он с трудом отвел глаза от вывески, вздохнул и зашагал дальше.

Возле главного кружала стоял тощий мужик в потертом кафтане и считал ворон. Глебу хватило одного взгляда, чтобы понять, что это «вестовой». Так местные разбойники называли проныр, шныряющих по заулкам Порочного града и подыскивающих для них добычу.

Площадь и примыкавшую к ней улочку разбойный люд облюбовал издавна, драки и поножовщина случались здесь постоянно – но переулочек специально не перегораживали, чтобы после смертоубийства злоумышленники могли юркнуть в него и раствориться во тьме. В Порочном граде каждый промышлял как мог, и Крысун Скоробогат, хозяин всех местных заведений, препятствовал этому лишь по мере огромной необходимости и с большой неохотой.

Зная, что порочноградские вестовые всегда в курсе всех дел, Глеб двинулся к мужику, остановился перед ним и прямо сказал:

– Мне нужен Бельмец. Где мне его найти?

Вестовой, плешивый, невзрачный, с костлявыми, обезображенными оспой щеками, окинул высокую фигуру Глеба подозрительным взглядом.

– А ты кто таков? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Я охотник, – ответил Глеб. – Только что с промысла. Привез Бельмecu кучу пушнины и целую бочку вяленого лосиного мяса.

Глеб достал из кармана несколько медных монет и подбросил их на ладони.

– А это я нашел на большаке, – так же спокойно проговорил он. – Может, знаешь – чьи?

Вестовой уставился на монеты и облизнул губы. Затем поднял на Глеба угрюмый взгляд и сухо изрек:

– Чьи монеты, не ведаю. Поспрашивай в кабаке: может, хозяин и сыщется.

Вестовой предпочел не рисковать. Быть в курсе всех дел полезно. Но еще полезнее – знать да помалкивать. Распускать язык в Порочном граде, бахвалясь своей осведомленностью, – еще опаснее, чем погореть по незнанию и неведению.

Вестовой повернулся и хотел юркнуть в черный переулок, но Глеб схватил его за плечо и резко развернул.

– Братва! – заорал вдруг вестовой, вытаращив на Глеба воспаленные глаза. – У него полные карманы денег!

Из темного переулка, как серые волки из чащобы, стали выскальзывать душегубы. Один, второй, третий...

«Опять! – с досадой подумал Глеб. – Да когда же это кончится?!»

Он выхватил меч-всеруб, увернулся от удара кривой печенегской сабли, сделал резкий выпад и рассек одному из душегубов руку. Затем быстро развернулся и ударил второго душегуба голом клинка по голове. Третьего он сшиб с ног плечом, а когда тот попытался подняться, припечатал к земле ударом кулака.

Вестовой бросился наутек. Глеб быстро поднял с земли камень, тщательно прицелился и швырнул его улепетывающему бродяге в голову. Удар пришелся аккуратно по макушке. Вестовой вскрикнул, споткнулся и рухнул лицом в грязь.

Глеб неторопливо подошел к вестовому. Тот лежал на земле, обхватив ладонями окровавленную голову, и тихонько поскуливал. Глеб присел рядом с ним, глянул ему в лицо жесткими холодными глазами и поинтересовался:

– Что – больно?

– Больно, – прохныкал мужик.

– Не надо было тебе от меня убегать. Но что сделано, то сделано. Теперь скажешь, где Бельмец?

Вестовой скосил на Глеба выпуклый глаз и хрипло прошептал:

– Теперь скажу.

9

Барыга Бельмец ничуть не изменился за те полтора года, что Глеб его не видел. Такая же паскудная физиономия, такой же белый глаз, такие же рыжеватые, длинные, реденькие патлы, невесть как держащиеся на плешиной, будто обглоданная кость, голове.

Остановившись у стойки кружала, Глеб взглянул на Бельмеца и негромко произнес:

– Ну, здравствуй, барыга.

Бельмец побледнел и пугливо стрельнул единственным зрячим глазом по сторонам, выискивая пути к бегству. Однако бежать было некуда. Тогда Бельмец взглянул на Глеба, растянул губы в улыбку и приветливо воскликнул:

– Сколько лет, сколько зим, ходок! Если я не ослышался, ты пожелал мне здоровья, а это значит, что ты не станешь меня убивать.

Глеб мрачно усмехнулся:

– Порочный град кишит змеями. И если я убью одну из них, это ничего не изменит.

Барыга хихикнул и облизнул красные губы.

– А ты все такой же шутник, Первоход. Что будешь пить?

Глеб повернулся к целовальнику и громко распорядился:

– Стопку «порочноградской»!

Широкоплечий, грудастый, как баба, целовальник кивнул, наполнил оловянный стаканчик водкой из покрытого изморозью кувшина и поставил перед Глебом.

Водка показалась Глебу не такой хорошей, как раньше. Он поморщился, а Бельмец, заметив это, быстро проговорил:

– Водочка-то уже не та, что прежде, верно?

Глеб не ответил. Тогда Бельмец добавил:

– При Баве Прибытке все было иначе. Жаль, что ты его убил.

– Его убил не я, – возразил Глеб. – Его убила темная тварь.

– Пусть так, – тут же согласился Бельмец. Он промочил губы в кружке с олусом, вытер их рукавом и снова воззрился на Глеба. – Так зачем я тебе понадобился, Первоход?

Глеб глянул на барыгу таким взглядом, что тот поежился, и негромко отчеканил:

– Мне нужны чудные вещи.

Лицо барыги легонько дернулось, словно у него внезапно заболел зуб, и он скорбно вздохнул:

– Прости, Первоход, но нынче ты обратился не по адресу. Я больше не приторговываю чудными вещами.

Глеб свирепо усмехнулся.

– Это ты расскажи своей ручной куропатке и свирепому хорьку, – презрительно и небрежно проронил он.

Бельмец суетливо повел узкими плечами и сказал:

– Но это в самом деле так. Нынче торговать чудными вещами невыгодно. Богатые стали такими богатыми, что не нуждаются в чуде. Оно им просто ни к чему. А бедным чудо не по карману.

Глеб дал знак целовальнику вновь наполнить стопку, затем повернулся к Бельмecu, посмотрел на него спокойным, прямым взглядом и уточнил:

– Значит, не торгуешь?

– Не торгую, – мотнул головой барыга.

– А если я переверну тебя вверх ногами и потрясу? Может, что и выпадет, а?

Бельмец нахмурился и обиженно шмыгнул носом:

– Откуда столько недоверия, Первоход. Я, кажется, никогда тебя не обманывал. Не обманываю и сейчас. А потому повторяю: я больше не торгую чудными ве...

– Кончай трепаться, – оборвал его Глеб, взял стопку и залпом ее опустошил. Поморщился, глянул искоса на барыгу и сказал: – Ты, кажется, забыл, с кем имеешь дело.

Бельмец недовольно нахмурился и слегка передернул плечами.

– Я-то как раз помню. В прошлый раз ты забрал у меня амулеты силой. И до сих пор не заплатил за них.

– Тогда у меня были кое-какие проблемы с наличностью. Но я их благополучно разрешил. Сегодня я заплачу тебе все, что ты попросишь. Если, конечно, цена будет справедливой.

Барыга с облегчением улыбнулся.

– Ты знаешь, Первоход, – моя цена всегда справедлива, – произнес он примирительно и приветливо. Затем быстро и незаметно огляделся, сунул руку в карман кафтана, достал что-то и протянул Глебу.

– Только осторожно, – предупредил он. – Этот Собиратель очень силен. Ходок Ясень нашел его в болоте. Выцарапал ножом из торфа.

Собиратель и впрямь был хорош. Он напоминал по виду горошинку черного перца. Отыскать такую «горошину» в Гиблой чащобе было очень нелегко. Собиратели лежали на одном месте сотни лет. Подобно маленьким аккумуляторам, накапливали они Силу, которой был пронизан воздух Гиблого места. А потом могли отдать всю накопленную Силу в один миг. Для людей они были почти безвредны, а вот для темной нечисти взрыв Собирателя был сродни взрыву небольшой атомной бомбы.

Глеб осмотрел Собиратель, вернул его барыге и сказал:

– Вещица хорошая. Но на этот раз мне нужны другие амулеты.

– Другие? – Бельмец недоуменно приподнял брови. – Это какие же? Для темных тварей нет ничего страшнее Собирателя.

– Я собираюсь охотиться не на нечисть, – сказал Глеб.

Несколько секунд барыга недоверчиво смотрел на Глеба, потом нахмурился и сказал:

– Вот оно что. Великий убийца темных тварей решил воевать с людьми? Воистину, странные и непостижимые дела вершатся в этом мире.

Глеб прервал его трепотню нетерпеливым жестом и сухо спросил:

– Что еще у тебя есть? Говори скорей, не томи.

Бельмец вздохнул, сунул руку в карман и достал небольшой светлый камушек. Показал

его Глебу и сказал:

– Только для тебя, Первоход.

– Это чего? – прищурился Глеб.

– Мелок, – ответил Бельмец. – Но не простой. Я называю его Довесок.

– И в чем его ценность?

– Довесок усиливает мощь любого оружия. Если ты проведешь мелком по лезвию меча, меч станет в твоей руке легким, как перышко, и смертоносным, как десять мечей. Если смажешь стрелу, она обязательно попадет в цель.

Бельмец посплюнул пальцы, пригладил ими реденькую длинную прядь волос и добавил с похабной усмешкой на тонких губах:

– А коли потрешь Довеском свой мужской корешок, сможешь развлекаться с дюжиной девок сразу. Не зная устали и сна. И каждую ублажишь не единожды.

Глеб презрительно поморщился.

– Вижу, ты уже опробовал Довесок на своем довеске, – с брезгливой насмешливостью процедил он.

– И не только на нем, – хихикнул Бельмец. – Коли будешь братъ, могу показать, как он действует.

– Покажешь? – Глеб холодно прищурился. – Ну давай.

Барыга согнал усмешку с губ и суетливо стрельнул глазом.

– А ты точно будешь братъ?

– Если увижу, что ты меня не дуришь, возьму.

Бельмец облизнул губы и раздумчиво протянул:

– Что ж... Ты ведь знаешь, что я неважный кулачный боец, так?

Глеб кивнул:

– Так.

– Так, – повторил за ним барыга, кивнув сам себе головой. – Ну, а теперь смотри.

Он смазал мелком правую ладонь, затем сжал ее в кулак, посмотрел на Глеба исподлобья и вдруг двинул его кулаком в челюсть. В голове у Глеба ухнул колокол, он смутно сообразил, что летит, а затем что-то больно ударило его по спине и перед глазами запрыгали звездочки.

Полминуты спустя, придя в себя и с трудом приподняв голову, Глеб понял, что лежит на полу, в двух саженьях от стойки. Рядом, на корточках, сидел барыга Бельмец.

– Что... – прохрипел Глеб, потом замолчал и поморщился от боли в ушибленной челюсти. – Что... случилось?

– Я ударил тебя, – сказал Бельмец. – Ты это помнишь?

– Чем?

– Кулаком.

Глеб, смахивая с волос опилки, сел на полу и осторожно потрогал пальцами ушибленную челюсть.

– А бил я вполсилы, – извиняющимся и одновременно горделивым голосом сообщил барыга. – А теперь представь, что будет, если ты натрешь мелком Довеском свой заговоренный меч.

Глеб представил. Убрал руку от челюсти, хмуро посмотрел на Бельмеца и уточнил:

– И как долго он действует?

– Пока не сотрется. Главное – держи Довесок подальше от воды. Плеснешь водой – и силе его конец.

Глеб поднялся с пола, зыркнул гневным взглядом на ухмыляющихся посетителей кружала, надеющихся на продолжение драки, затем взял Бельмеца за плечо, развернул его и повлек обратно к стойке.

У стойки он грубо усадил барыгу на лавку и тихо спросил:

– Сколько хочешь за мелок?

Бельмец глянул на Глеба алчно замерцавшим глазом и так же тихо ответил:

– Много.

– Сколько? – повторил свой вопрос Глеб.

– Десять золотых.

Глеб присвистнул:

– Это целое состояние. Где же ты найдешь покупателя, способного столько заплатить?

Бельмец ухмыльнулся:

– Сдается мне, что я его уже нашел, Глеб. И поскольку это ты, то я накину сверху еще две монеты. Итого – двенадцать золотых.

Произнеся последние слова, Бельмец снова залыбился, но на этот раз его улыбочка показалась Глебу несколько панибратской, и он почувствовал раздражение.

– Так-так, – раздумчиво проговорил Глеб, глядя на Бельмеца недобрый взглядом. – А коли я возьму тебя за шиворот и хрястну физиономией об стойку? Твой Довесок сразу потеряет в цене монеты три, верно?

– Верно, – согласился Бельмец. – А посему отнимаем от двенадцати три и получаем девять. Ты сам назначил цену, Первоход.

Глеб усмехнулся наглости барыги, чуть помедлил, затем, саркастически хмыкнув, потянулся в карман за кошельком.

– Умеешь ты торговаться, Бельмец, – выдохнул он.

– Это мой хлеб, – улыбнулся в ответ барыга. – Я ведь деловой человек, а не доброхот.

Прикрыв кошель полый плаща, Глеб отсчитал девять золотых и незаметно передал их под стойкой Бельмецу. Когда сделка была совершена, барыга отхлебнул олуса, почмокал губами и сказал:

– Есть у меня еще кое-что. Правда, не знаю, сгодится тебе или нет.

С этими словами Бельмец достал из кармана небольшую вещь, похожую на светлый, туго перетянутый бечевками теннисный мячик, и показал ее Глебу. Тот взглянул на мячик и заинтересовался:

– Это что за чудо?

– Вещь не испытанная, – деловито сообщил барыга. – Один ходок сказал, что встречал уже такую в Гиблом месте. Он называл ее Паучьей ловушкой.

– Паучья ловушка... – повторил Глеб и внимательнее взглянул на мячик. – Как эта вещь действует?

Бельмец вздохнул и неохотно признался:

– Не знаю. А ходок не объяснил. Велел лишь, чтобы я об ней не думал.

– Не думал?

Бельмец кивнул.

– Угу. Такая вот странная вещь. Можешь мять ее в руках, можешь швырнуть об стену или наступить на нее ногой, ничего не случится. Но если ты не дотронешься, а просто представишь, как держишь ее в руке, она тут же оживет. Вот – гляди.

Бельмец положил мячик на стойку, слегка отодвинулся и пристально на него посмотрел. Мячик завибрировал на стойке и слегка увеличился в размерах.

Бельмец поспешно отвел взгляд.

– Видал? – сирым голосом пробормотал он. – Это я представил, что беру его в руку и перекидываю из ладони в ладонь.

Глеб взял со стойки мячик, помял в пальцах, затем поднял взгляд на Бельмеца и сказал:

– Вещь почти бесполезная. Сколько ты за нее просишь?

Бельмец отхлебнул олуса, почмокал губами, раздумывая, потом ответил:

– Лишнего брать не стану. Назначь свою цену, и на том разойдемся.

– Что ж... Пожалуй, я дам тебе за нее пригоршню меди.

Бельмец наморщил нос:

– Маловато, Глеб.

– Сам же сказал: вещь непонятная. Как знать, возможно, я покупаю у тебя свою смерть.

Барыга обдумал его слова и вздохнул:

– Ладно, согласен. Но лишь потому, что мне не слишком приятно носить эту гадость в кармане. Стоит мне о ней вспомнить, как тут же она начинает шевелиться, а меня от страха прошибает пот.

Глеб сунул Паучью ловушку в карман кафтана, затем, действуя все так же из-под полы, расплатился с Бельмецом медью.

– Что у тебя еще есть? – спросил он затем.

– Против людей – ничего. Не будешь же ты тыкать им в рожи сторожевыми рогатками. Кстати, как насчет Собирателя? Собиратель хороший, не скоро еще такой раздобуду. Ежели захочешь купить, сделаю тебе скидку.

– Сколько? – прищурился Глеб.

– Сам купил за два золотых, хотел продать за пять, но тебе отдам за три.

Глеб потянулся за кошельком.

– Ну вот, – удовлетворенно проговорил Бельмец, когда и эта сделка была завершена. – Теперь мы можем выпить за встречу. Хочешь меня угостить?

– Перебьешься, – дернул щекой Глеб.

Барыга усмехнулся.

– Ну, нет так нет. Приятно иметь с тобой дело, Первоход. Если еще что-нибудь понадобится...

– Вон он! – крикнул кто-то от двери, и Бельмец, не договорив, осекся.

Глеб обернулся к двери. Бродяга-вестовой, голова которого была замотана тряпкой, показывал на Глеба пальцем. Рядом с ним стоял невысокий коренастый тип с разбойничьей рожей. Встретившись взглядом с Глебом, разбойник ухмыльнулся и провел ногтем большого пальца по мускулистой шее.

Бельмец, мигом сообразив, в чем дело, вжал голову в плечи и прошептал:

– Кажется, это по твою душу, Первоход. Не буду тебе мешать. Прощай!

Он схватил свою кружку, слез с лавки и поспешно убрался в другой угол зала. Целовальник взглянул на Глеба и тихо проговорил:

– Здесь есть черный ход. Если хочешь, могу показать.

– Не надо, – так же тихо отозвался Глеб. – Они не похожи на дураков. Знаешь, кто такие?

Целовальник недовольно нахмурился и ответил:

– Да топлевские. Уже пару месяцев здесь промышляют.

– Как же им Крысун Скоробогат позволяет?

– Говорят, они ему отстегивают.

– Гм... Значит, придется драться.

Глеб вздохнул. Желания драться у него не было. Но, как видно, драки было не избежать.

– Может, еще и обойдется, – оптимистично предположил целовальник. – А если не обойдется, то скоро ты встретишься с хозяином подземного царства Велесом.

– Тоже неплохо, – усмехнулся Глеб. – Говорят, он интересный собеседник. В любом случае нам с ним будет о чем поговорить.

Заказав еще стопку водки, Глеб залпом ее опустошил, затем расплатился с целовальником, поднялся с лавки и, поправив перевязь с мечом, зашагал к двери.

10

На площади перед кабаком стоял коренастый разбойник, а с ним – еще четверо крепких мужиков в мухотяровых кафтанах и иршанных сапогах. Глеб остановился, взглянул на коренастого, который пожевывал травинку, и спросил:

– Ну?

Тот сплюнул травинку и прищурил узкие глаза:

– Ты обидел нашего приятеля.

- Да ну?
- Ты, должно быть, крут?
- Может быть.
- Ну, тогда...

Коренастый разбойник с лязгом выхватил из ножен меч, однако Глеб на мгновение опередил его. Молниеносным ударом он отбил клинок разбойника и тремя ударами заставил его отступить. Но тут коренастый разбойник снова ринулся в атаку, и на этот раз его поддержали четверо приятелей.

Глеб отбил выпад и, пропустив вражеский клинок у себя под мышкой, прижал его локтем к левому боку и нанес в лицо нападавшему ответный удар. Коренастый рухнул на землю с изувеченным лицом. Резко развернувшись, Глеб ударом меча свалил еще одного из противников и стал пятиться вдоль стены, отбиваясь от нападающих разбойников. Они были умелыми и опытными бойцами, однако через полминуты у еще одного из них из-под лопатки торчало острие меча.

– Леший! – вскрикнул он в тот миг, когда Глеб выдернул меч из его груди. Потом рухнул на колени и испустил дух.

И в это мгновение самый долговязый разбойник сильным, точным ударом выбил меч у Глеба из руки. Глеб хотел подхватить меч с земли, но двое разбойников оттеснили его к переулку. Тогда он выхватил из-за спины обрез ружья и выстрелом в упор снес долговязому полголовы. Вспышка и грохот заставили оставшегося разбойника ослабить напор, и Глеб хотел повторить салют, но курок ружья, как назло, заело.

И тут произошло нечто невероятное. Четверо сраженных разбойников, лежащих на земле, вдруг зашевелились, а потом поднялись на колени, опустили на четвереньки и вдруг принялись трястись и обрастать шерстью. Не прошло и пяти секунд, как прямо перед Глебом, отрезав ему путь к отступлению, стояли четыре оборотня. Глаза их красновато мерцали в темноте. Шерсть на холках вздыбилась, а с оскаленных клыков капала слюна.

Вожак пригнул голову и угрожающе зарычал. Глеб осторожно отступил к стене и, выставив перед собой руку в успокаивающем жесте, мягко проговорил:

- Хороший песик. Веди себя хорошо, и я дам тебе сахарную косточку.

Косматые твари, которых теперь стало уже пять, ринулись в атаку. Глеб отшвырнул заевшее ружье, выронил из рукава в ладонь гирьку кистеня, крутанул цепку и встретил первого оборотня ударом гирьки в грудь. Увернувшись от когтей второго оборотня и перепрыгнув через третьего, Глеб ударил нападающего оборотня кистенем промеж глаз. Потом снова взмахнул кистенем. Удары его достигали цели, но оборотни быстро приходили в себя. По крепости кости темных тварей не уступали железу, а мускулы их были крепки, будто канатные узлы.

Наконец, увернувшись от кланувших зубов твари, Глеб сумел выхватить из кармана мелок и чиркнуть им по гирьке кистеня. И тут же увидел зависшего над ним оборотня. И снова махнул кистенем. На этот раз удар гирьки был столь сокрушителен, что голова оборотня разлетелась на куски, как расколотый арбуз.

Глеб ринулся в атаку. Гирька кистеня завращалась с бешеной скоростью. Оборотни разлетелись в стороны, будто кегли. Не прошло и десяти секунд, как все было кончено.

Глеб остановился и перевел дух. Затем пнул ногой тело ближайшего оборотня, похожее на большую грудку рухляди, убедился, что тот мертв, вытер рукавом потный лоб и возмущенно заметил:

- Что ни день, то Хэллоуин. Клянусь болотным духом, скоро у меня будет аллергия на собак.

Убрав кистень в карман кафтана, Глеб поднял ружье и вставил его в кобуру. Затем вышел из переулка, нашел меч, вытер его снегом, вложил в ножны и торопливо зашагал прочь. Порочный град действовал ему на нервы, и он хотел поскорее убраться отсюда.

Полтора часа спустя Глеб сидел в комнатке сестер Рожены и Божены с кувшином в руке. Божена, стоя рядом, сшивала ему ниткой разбитую бровь.

– Ты так и не сказал, кто это тебя так? – спросила Божена, затягивая узелок.

– Каким-то бродягам глянулся мой плащ, – спокойно ответил Глеб. – Но, к их несчастью, они не заметили под плащом меча.

– Ты убил их?

– Не знаю. На улице было темно.

– Ужас, – пробормотала Божена.

– Хорошо бы, чтоб убил, – со злостью в голосе заявила Рожена. – Проходу на улице нет от этого отребья. Скоро в двери и окна полезут.

– Я слышал, что Дулей Кривой завел собственных охоронцев, и они охраняют постоянный двор, – сказал Глеб.

– Да уж, нанял, – усмехнулась Рожена. – Видел бы ты их рожи, Глеб. Страшнее, чем у ночных татей.

Божена стянула петельку, ловко завязала последний узелок и срезала остаток нити острым ножом.

– Ну вот, – удовлетворенно заметила она. – Теперь будешь как новенький.

Глеб поблагодарил девушку, поднял кувшин к губам и отхлебнул травяного кваса.

– Поужинаешь с нами, Глеб? – спросила Божена.

– Нет. Мне пора идти.

Рожена и Божена переглянулись.

– Ты обещал погостить подольше, – сказала Рожена, нахмурившись.

Глеб улыбнулся и отрицательно качнул головой:

– Нет, неправда. Я никогда этого не обещал. Я действительно был бы рад пожить у вас подольше, но, увы, заботы не позволяют мне это сделать.

– Ты уезжаешь из Хлын-града? – спросила Божена.

Глеб нахмурился и нехотя признался:

– Нет. Я перебираюсь в княжий терем.

Лица сестер вытянулись от удивления.

– Я теперь советник княгини, – не глядя им в глаза, пояснил Глеб. – Она попросила меня провести кое-какие реформы.

– Провести... что? – не поняла Божена.

– Реформы. Княжество – как человек. Когда человек заболел, его надо лечить. Вы ведь целительницы, не мне вам это объяснять. Так вот, когда болеет целое княжество, оно тоже нуждается в лечении. Это лечение и называется реформами.

– Княгиня позвала тебя, чтобы ты исцелил княжество?

Глеб слегка покраснел и усмехнулся:

– Понимаю, как самонадеянно и глупо это звучит. Но... да. Я должен исцелить Хлынское княжество. Исцелить, пока Велес не накрыл его своим мрачным плащом и не превратил в мертвое царство Нави.

– Значит, ты уходишь от нас ради княгини Натальи? – холодно уточнила Рожена.

Глеб удивленно уставился на Рожену, потом дернул уголком губ и с досадой проговорил:

– Ох, женщины... Вечно вы слышите лишь то, что хотите услышать.

– Она тебя погубит, Глеб, – с чувством произнесла Божена. – Княгиня лукава и жестока. Не верь ее посулам.

– Вспомни, что она сделала с князем Егрой! – поддержала сестру Рожена. – Несколько лет она скрывала его тело, заставив всех верить, что он жив и вещает ее устами!

– Теперь все знают, что Егра мертв, но он продолжает вещать, – с горькой усмешкой уточнил Глеб. – Только на этот раз устами волхва Чтибогха.

– Лучше слушать волхва, чем княгиню, – уверенно заявила Рожена.

– Это почему же?

Рожена нахмурилась и рассудительно объяснила:

– Волхв говорит с богами, Глеб. И поэтому его во всем надлежит слушать. Ты ведь не собираешься бросить вызов богам?

– Я никому не хочу бросать вызов. Я просто хочу навести в княжестве порядок.

– Но...

– Оставим этот спор, Рожена. Я для себя уже все решил.

Девушка яростно дунула на мягкую белокурую прядку волос, упавшую ей на лицо, нахмурилась и сказала:

– Был бы ты моим мужем, заперла бы тебя в подполе и никуда бы не пускала. Кормила бы, как на убой, ублажала бы всяко, как только пожелаешь, работать бы не давала, но за порог – ни ногой!

– Ты опасная женщина, – со смехом отозвался Глеб. – Мне повезло, что я не твой муж.

– Может, когда-нибудь и станешь, – хмыкнув, сказала Рожена. – Пути богов неисповедимы.

Божена, стоявшая рядом, смутилась от стыда за сестру, затем взглянула на Глеба исподлобья и поинтересовалась:

– Ты к нам еще наведаешься, Глеб?

– Думаю, да. Но не в ближайшее время. У меня очень много работы.

Он поднялся с лавки.

– Мне пора, сестренки. Как хозяин дома – не обижает вас?

Божена отвела глаза, а взгляд Рожены стал холодным и насмешливым.

– Кажется, этот толстый козел решил пожениться.

– К которой из вас?

– Этого он еще не определил, поскольку мы для него на одно лицо.

Глеб прищурил темные глаза.

– И сильно он вас достает?

– Не то чтобы...

– Но достает?

Рожена криво усмехнулась и ответила:

– Иногда – страшно.

– Я зайду к нему и перекинусь парой словечек, – пообещал Глеб.

– Не стоит, Первоход, – мягко вымолвила Божена. – Он терпит нас в своем доме. Кто другой бы не стал, а он терпит. Не трогай его.

– Ладно, не буду, – сказал Глеб. – Но вы ему тоже спуску не давайте. Такие, как Дулей, понимают только язык силы. Когда сунется в следующий раз, дайте ему скалкой по башке. Договорились?

– Договорились, – с улыбкой ответила Божена.

Глеб по очереди обнял сестер и поцеловал их в прохладные лбы. Затем повернулся и зашагал к двери.

* * *

На этот раз дверь, ведущая в горницу Дулея Кривого, распахнулась после первого же удара.

– Первоход? – хрипло проговорил Дулей, привстав с лавки. Лицо его подергивалось, а взгляд был мутным. – Зачем пожаловал?

Хозяин постоялого двора был явно не в себе. Сперва Глеб подумал, что Дулей пьян, но, взглядевшись в его лицо, понял, что дело тут не в браге и не в водке, а в бурой пыли. Круги под глазами, побелевшие губы, пунцовый румянец на толстых, обрюзгших щеках – Дулей явно принял хорошую дозу порошка.

Бурая пыль, как и любой наркотик, лишает человека разума и заставляет его

переоценивать свои силы. С наркоманами нужно действовать осторожно, однако спуску им лучше не давать, иначе совсем обнаглеют.

Глеб прошел в горницу, вынимая на ходу кошель. Отсчитал несколько монет и швырнул их на стол.

– Это тебе плата за проживание сестер, – грубо проронил он. – На полгода вперед. Не тревожь их. А ежели им понадобится помощь, помоги, понял?

– По... понял.

– И еще: не цепляйся к ним.

Дулей ослабил и заявил:

– Они кособоки и никому не нужны. Я могу осчастливить их.

– Только попробуй, – с угрозой произнес Глеб. – Я тогда сам тебя осчастливлю, да так, что мало не покажется. Всякий раз, когда будешь смотреть на Рожену и Божену, вспоминай меня. Понял?

– Понял. – Дулей прищурил набрякшие от пьянства веки. – Но ты тоже не слишком-то шуми, Первоход. У меня теперь есть охоронцы. Крикну их, враз прибегут.

Глеб уже хотел уходить, но задержался и с холодной усмешкой взглянул на Дивляна.

– Так, может, крикнешь? – предложил он. – Хочу посмотреть, что это за молодцы.

Хозяин постоянного двора насупился, отвел взгляд и буркнул:

– Не буду.

– Отчего ж так? – осведомился Глеб.

– Разнесешь ты им головы своей ольстрой, а новых я за такие деньги больше не найду. Ступай с миром, ходок. Не трону я твоих кособоконьких.

Глава вторая

1

Боярин Добровол осадил крепкого коня. На боярине была парчовая шуба, на пальцах, с которых он снял рукавицу, сверкали самоцветные перстни. Небольшой меч боярина, усыпанный яхонтами, бился по бархатному чепраку. Небрежно бросив поводья, Добровол повел бровью, слуга мгновенно соскочил с пегой лошадки и схватил боярского коня под уздцы.

Добровол ловко спрыгнул с коня и зашагал к двери дома, из которой навстречу ему уже вышли двое, по виду и одежде – бояре. Поприветствовав Добровола, они ввели его в дом и вдвоем накинули на скобы двери дубовый засов. Затем, освещая дорогу слюдяным светильником, прошли в сени, из сеней, пригибаясь в осевшей двери, в избу с лавками и русской курной печью.

Добровол огляделся. Это была довольно большая курная изба с высоким, почерневшим от копоти потолком. Посреди горницы стоял большой стол, и за ним сидели бородатые, хмурые люди в богатых одеждах, усыпанных самоцветами и драгоценными камнями.

Каждый из них поздоровался с Доброволом, после чего его усадили на почетное место за столом и поставили перед ним серебряный кубок с горячим таврийским вином, приправленным пряной гвоздикой.

– Дожили, бояре, – посетовал один из собравшихся за столом, мрачный, косматый, как медведь, и такой же здоровенный боярин Иловой. – Встречаемся леший знает где, под покровом ночи.

– Сему безобразию недолго длиться, – заверил боярин Добровол спокойным и мягким голосом. Погрев о кувшин пальцы, он отхлебнул горячего вина, затем обвел собравшихся властным взглядом и добавил: – Затем мы здесь и собрались, чтобы придумать, как избавиться от свалившейся нам на голову беды.

– У беды есть прозвище, – заметил рассудительный купец Колыван. – И это прозвище –

Первоход.

– Верно, – поддакнул светловолосый купец Луд. – Наша беда – этот наглый ходок.

– Князем себя возомнил, – обиженно сопнул молодой боярин Буяк. – И княгинюшку в оборотец взял. Только под его свиристелку теперь и пляшет. Сегодня утром сунулся к ней с жалобкой, так она меня даже на порог не пустила.

– Говорят, сей самозванный советник собирается прикрыть торговлю бурой пылью, – сказал купец Колыван, поглядывая на Добровола. – Возможно ль такое?

Добровол снова отхлебнул вина, отер рукою густые усы и собрался ответить, но молодой боярин Буяк нетерпеливо выпалил:

– Это не может быть правдой. Чем же будет жить княжество, коли не станет бурой пыли?

Добровол метнул на него грозный взгляд, и тот поспешно замолчал и ссутулился, всем своим видом выражая почтительность. Добровол снова оглядел лица собравшихся за столом знатных бояр и богатейших купцов и сказал:

– Первоход зарвался, это понятно. Наделает в княжестве делов, все по миру пойдем. Будем с дырявой котомкой у христианских храмин побираться. И кости по оврагам глодать, как смердячие псы.

Лица мужчин перекошились.

– Я этого не дозволю! – прорычал боярин Иловай.

– И я тоже! – горячо поддержал его боярин Буяк. – Не для того мой дед князя Аскольда на трон посадил, чтобы теперь я от этого трона обиду терпел.

– Да и мы, торговые люди, по миру идти не собираемся, – прогудел в бороду купец Колыван.

Собравшиеся замолчали и уставились на Добровола.

– Что ж делать-то, Добровол? – спросил Иловай упавшим голосом.

Добровол допил вино, отставил кубок и заговорил властным, веским голосом:

– Разумеете сами. Вот ты, Маламир, торгуешь досками. Что ты сделаешь, коли в кубе попадется доска, поеденная шепелем?

– Брошу в костер и сожгу. Иначе шепель переберется на другие доски, и товару конец.

– Правильно мыслишь, Маламир. Так же мы должны поступить и с Первоходом. Он нам мешает? Не беда. Мы уберем его с дороги и пойдем дальше.

– Справиться с Первоходом будет трудно, – сказал Иловай.

– Ой ли?

– Иловай прав, – подтвердил купец Луд. – Первоход – первейший в княжестве убийца темных тварей!

Боярин Добровол усмехнулся в густую бороду.

– Уж не себя ли ты мнишь темной тварью, Луд? А может, меня? Или боярина Иловай? Похожи мы на темных тварей, а, Луд?

– Я не про то хотел сказать, – угрюмо отозвался купец. – Первоход силен. И у него есть огнестрельный посох.

– Посох? Всего один посох? И он заставляет тебя дрожать? – Боярин Добровол презрительно усмехнулся. – Скоро и по родному дому будешь ходить, вцепившись в бабью юбку.

Лицо купца побагровело, глаза сверкнули гневом и обидой.

– Ладно, Луд, – примирительно произнес Добровол. – Прости, ежели обидел. Не с тобой я хочу воевать. Ты мне не враг, а союзник. И все мы теперь союзники, брате. Коли не объединимся против Первохода, всем нам будет скорый конец.

– Что же ты предлагаешь? – поинтересовался Иловай.

– А вот что. – Добровол мрачно прищурил глаза и чуть наклонил вперед голову. – У боярина Грибка есть новые охоронцы из свеев. Воины лютые и бесстрашные, но слову хозяина послушные. Свеи эти мастерски владеют ножами. Каждый из них в бою стоит десятка степняков.

– И что с того, что владеют? – нетерпеливо проговорил молодой боярин Буяк. – Против ольстры с ножами не попрешь!

– Про ольстру я разузнал, – сказал на это Добровол. – В ней всего пяток зарядов. А после того как заряды кончатся, Первоходу надобно время, чтобы вложить в ольстру новые. Свейских воинов – семь человек. Даже ежели все пять молний попадут в цель, двое оставшихся свеев изрежут Первохода ножами на куски.

Бояре и купцы задумчиво поскребли пятернями бороды.

– Так-то оно так, – заговорил боярин Иловай, – но у Первохода тоже будут охоронцы. Да и сам он парень не промах. Как только увидит свеев в зале, тут же прикажет выставить их вон.

И снова Добровол веско возразил:

– Свеи в городе люди новые. Их мало кто знает в лицо. Мы нарядим их боярами и проведем в зал.

На мгновение купцы и бояре, сидевшие за столом, онемели от удивления. Потом кто-то спросил:

– А как же советники княгини? Рогдай и Будислав знают всех бояр. А они на стороне Первохода.

Добровол метнул на вопрошавшего огненный взор и отчеканил:

– Рогдаем и Будиславом я займусь сам.

– Как займешься? – не понял боярин Луд.

Добровол перевел на него взгляд, усмехнулся:

– Как-нибудь да займусь, но на пиру их не будет.

– Точно?

– Точнее не бывает. Будем пировать и во всем слушаться Первохода. Но как только дам сигнал, бросайте на пол тарелки и шумите кто как может.

– А это зачем?

– Первоход, не дождавшись своих друзей-советников, будет настороже. Шум отвлечет его и собьет с толку. Тут-то и подоспеют свеи со своими кинжалами.

– А ну как Первоход поранит кого-нибудь из нас? – усомнился купец Колыван.

Добровол дернул уголками губ и сказал:

– Это я тоже обдумал. Как только увидите, что ходок достал ольстру, падайте на пол. А теперь давайте обо всем этом поговорим подробней. Кому и как себя вести, что говорить, как пить да улыбаться. Первоход умен, но и мы не дураки. Начнем с тебя, Буяк...

Не меньше часа ушло на замечания и обсуждения. Наконец разговор был окончен, и Добровол поднялся из-за стола.

– Мне пора, – сказал он. – Все сразу не разъезжайтесь. Уезжайте по одному, с перерывами. Желаю нам всем удачи, братья, и пусть Велес и Сварог помогут нам!

– Пусть нам поможет Велес!

– Пусть нас выручит Сварог! – поддержали призыв Добровола приободrivшиеся бояре и купцы.

Распрощавшись с ними, Добровол попросил Иловай проводить и вышел вместе с ним в сени. В сенях, плотно прикрыв за собою дверь, Добровол сказал боярину:

– Ну, как тебе наш план?

– Не нравится мне то, что ты замыслил, – честно признался Иловай. – Уж очень опасно. Коли со свеями не выйдет, Первоход нас не пощадит.

Добровол секунду или две мешкал, будто решал, стоит говорить или нет, после чего тихо произнес:

– При прочих я говорить не хотел, но тебе скажу. Только держи язык за зубами, Иловай. Будет у меня в пиршественном зале свой человек. Он встанет у Первохода за спиной, а в нужный момент накинёт ему петельку на шею. Так, чтобы ходок и дернуться не успел.

Иловой улыбнулся, но во взгляде его все еще читалось сомнение.

– А ну как освободится? – предположил он. – Первоход парень сильный.

– Пока будет с петелькой возиться – тут и свеи подоспеют. А пока будет разбираться со свеями, там и охоронцы наши в зал вбегут. Против такой толпы Первоходу никак не совладать.

– Вижу, ты и впрямь все рассчитал, Добровол.

Боярин усмехнулся и заверил:

– На том стоим, Иловой. На том стоим. Ну, пошли на улицу.

Он прошел через сени, распахнул тяжелую дверь и вышел в черную морозную ночь.

2

Советник княгини по военным делам Рогдай, темный лицом и волосами, но светлый душой, встал в этот день раньше обычного. Спал он мало, и сон его был беспокоен. Снилось нечисть. Будто забрел Рогдай в Гиблое место (хотя сроду там не бывал) да и заблудился. Принялся искать дорогу к меже и вдруг услышал вой темных тварей и шум валежника под их когтистыми лапами. А вскоре и сами твари выскочили из леса-глушняка. Были они огромные, косматые, с красными сверкающими глазами. Рогдай потянулся за мечом, но рука его – вместо рукояти меча – схватила лишь пустоту.

Тогда он поднял с земли тяжелую палку и поднял ее над головой, намереваясь дорого продать свою жизнь. Но тут, пристальней взглядевшись в морды тварей, Рогдай с ужасом понял, что пред ним – домовые бояре, обернувшиеся оборотнями.

Этот вон – с самой густой шерстью – боярин Добровол. Рядом с ним – коренастый боярин Иловой, бывший советник по военным делам, отставленный княгиней от дел за пару дней до приезда Глеба Первохода. Узнал Рогдай и других бояр. Твари, глядя на Рогдая ненавидящими глазами, быстро окружили его.

– Брось палку, Рогдай! – пролаял оборотень Добровол. – Тебе с нами не совладать!

– Со всеми, может, и не совладаю, – угрюмо ответил Рогдай, крепче перехватив в руках дубину. – Но твою поганую харю сомну.

Оборотни переглянулись и вдруг засмеялись – хриплым лающим смехом, от которого по коже Рогдая пробежал мороз.

– Не того ты себе в хозяева выбрал, пес! – пролаял боярин Иловой.

– Я не пес, у меня нет хозяев, – резко ответил Рогдай.

– Не пес, говоришь? А на ноги-то свои смотрел?

Рогдай, не опуская дубины, покосился на свои ноги и вдруг увидел, что они покрыты такой же косматой шерстью, как у бояр, и что на пальцах у него теперь вместо человеческих круглых ногтей – огромные острые когти!

Рогдая прошиб пот. Он хотел закричать от ужаса, но из глотки его вырвался звериный вой. От этого своего воя Рогдай и проснулся.

Открыв глаза, Рогдай с тревожно бьющимся сердцем ощупал свое туловище. Убедившись, что плоть его не стала плотью оборотня, военный советник еще с минуту лежал на кровати и тарачился в темный потолок. Подушка его взмокла от пота. Наконец он разлепил губы и хрипло окликнул слугу:

– Четырь! Четырь, леший тебя забодай!

Вопреки обыкновению, слуга не откликнулся. Рогдай сел на кровати и опустил босые ноги на холодные половицы.

«Странно», – подумал он. Протянул руку и пошарил по столу в поисках свечи и огнива. Свеча была на месте, а вот огнива на прикроватном столике не было.

– Ох, Четырь, – с досадой проговорил военный советник. – Ну, гляди у меня. Найду, за волосы оттакаю, чтоб не забывал свои обязанности.

Сердито хмуря черные и ломкие, словно у степняка, брови, советник Рогдай взял со столика свечку и сунул ее за пазуху исподней рубахи, которую всегда заправлял в

подштанники. Потом нащупал мягкие валенки со срезанными голенищами, сунул в них ноги и поднялся с кровати. Прихрамывая, пошел по комнате. Суставы, застуженные в многочисленных военных походах, болели так, будто кто-то скручивал их в жгут.

«Надо будет попробовать новое снадобье бабки Яронег, – подумал Рогдай, морщась от боли при каждом шаге. – От прошлого-то толку было мало. Ну, да авось Перун поможет».

Он вышел из спальни в большую комнату для приемов и обедов, где часто пировал со своими бывшими боевыми друзьями, превратившимися теперь в таких же больных стариков, как он сам. Прохромал несколько шагов, но вдруг остановился и втянул воздух ноздрями. В зале пахло свежей кровью!

Рогдай прислушался. Ничего подозрительного он не услышал. И все же в зале действительно пахло кровью, этот запах он знал с юности и ни с чем не мог его спутать.

Военный советник осторожно двинулся дальше. Воин, доживший до сорока пяти лет и убивший в боях не меньше сотни врагов, не должен испытывать страха перед темнотой. И все же руки Рогдая слегка подрагивали, когда он повернул налево и пошел к дубовому шкафу, за которым был спрятан меч. Один из трех мечей, припрятанных Рогдаем в пиршественной комнате на тот случай, ежели придется усмирять перепившего и нарывающегося на неприятности гостя. (В пиршественную комнату никому не полагалось вносить оружие, однако гости попадались разные, и кое-кто из них плевал на запреты хозяина дома и тайно проносил под одежей кинжалы и ножи, не в силах расстаться с ними даже на час.)

До сих пор Рогдаю ни разу не приходилось пользоваться тайными мечами, но сейчас он был рад, что они есть. Подойдя к шкафу, он сунул за него руку и обнаружил, что меча там нет.

Рогдая прошиб пот. Он повернулся и двинулся в другой угол зала, туда, где был спрятан второй меч. Но тут в темноте кто-то застонал.

Советник Рогдай остановился и позвал:

– Четырь! Радош! Цукан!

Это были имена трех верных слуг Рогдая, которые находились при нем безотлучно вот уже пять лет. Ответом ему был тяжкий хриплый стон, донесшийся из угла зала.

Рогдай двинулся на стон. Под ногой что-то стукнуло и откатилось по полу. Рогдай быстро нагнулся и пощупал руками. Пальцы нащупали огниво. Наконец-то!

Прошло несколько секунд, и огонек свечного огарка тускло осветил пиршественный зал. Заметив в углу что-то темное, Рогдай отпихнул ногой лавку и увидел всех троих слуг. Четырь лежал на спине, раскинув руки, с дырявой раной в горле. На нем громоздился Цукан с рассеченной мечом грудью. В полушаге от них лежал на полу Радош. Этот был еще жив, хотя рана в животе ясно говорила о том, что жить ему осталось совсем немного.

Советник Рогдай хотел склониться к бедняге, но почувствовал, что в комнате еще кто-то есть. Рогдай бросился к лежащим на лавке ножам, схватил их, но и они оказались пусты. Тогда он метнулся к столу, схватил бронзовый трехрогий подсвечник и повернулся лицом к своим врагам.

Их было трое, все белобрысые, широкогрудые, рослые, со свирепыми харями – по виду настоящие берсерки.

– Гляди-ка, братцы, он собирается биться с нами подсвечником! – усмехнулся один из убийц.

Говорил он со свейским акцентом, но слова строил правильно. То ли был наемником на службе у русичей, то ли промышлял здесь «ночной работой», подкалывая ножом купчиков и обирая до нитки припозднившихся прохожих.

Тут второй убийца разомкнул толстые губы и, пришепetyвая, проговорил:

– Прижимай его к стене, братцы.

А третий усмехнулся и насмешливо спросил:

– Что будешь делать, воин Рогдай?

Рогдай обвел взглядом жесткие лица свеев-душегубцев и жестко ответил:

– То же, что делал всегда, – убивать.

– Жалкий старик, – усмехнулся душегубец. – Мы перерезали самых лучших и верных твоих охоронцев. А теперь пришел и твой черед. Берем его!

И убийцы ринулись на Рогдая. Рогдай вскинул подсвечник и, издав воинский клич, бросился им навстречу. В это мгновение он не чувствовал ни страха, ни боли в суставах; он словно бы снова стал тем Рогдаем, который мог когда-то вступить в схватку с тремя опытными, вооруженными до зубов воинами и выйти из этой схватки победителем.

Подсвечник с лязгом ударился о лезвие меча. А слева и справа к шее Рогдая уже стремительно неслись мерцающие клинки длинных свейских кинжалов.

3

– Боярин, там у дома странники. Говорят, что много слышали о тебе и теперь хотят поговорить.

– Странники? – Советник Будислав поставил кружку с горячим пряным сбитнем на стол и взглянул на слугу с интересом. – Сказали, откуда пришли?

Тот качнул головой:

– Нет. Но по виду – издалека. На языке нашем говорят, но спотыкаются через слово.

– Гм... – В глазах грамотея Будислава загорелось любопытство. Ничто так не развлекало его, не занимало его ум и не грело его душу, как беседы со странниками. – Впусти их в дом и проводи в комнату для гостей, – приказал он слуге. – Выставь еду и питье. И скажи, что сей же час выйду, только кафтан наброшу.

Слуга поклонился и вышел из покоев.

Будислав зябко поежился, допил теплый сбитень и торопливо встал из-за стола. Будучи радушным и добрым хозяином, советник Будислав не хотел долго томить гостей без своего внимания.

Он торопливо оделся, пригладил ладонями растрепанные волосы, подумал, не пройти ли гребенкой по бороде, но махнул рукой – и так сойдет. В спешке он неправильно застегнул кафтан, но сам не заметил этого. Грамотей Будислав, как и многие мудрецы да умники, был рассеянным и не слишком опрятным человеком.

Когда он вошел в гостевую комнату, странники уже сидели за столом. Были они крепкие и рослые, и это слегка удивило Будислава. Обычно странники были невысокими и сухонькими и легко могли насытиться коркой хлеба и ковшиком воды.

Иногда странникам приходилось по несколько дней брести неизвестными дорогами без крошки хлеба во рту, и только мелкая и сухая статья помогала им сносить голод и тяготы пути.

Эти же двое были здоровы, как ратники. Да и лица у них были под статью – суровые, жесткие.

Все эти соображения пронеслись в голове у Будислава за один миг, но он не остановился на них и не дал волю своим подозрениям, потому что сердце его учащенно билось от любопытства в предчувствии интересной беседы. Кроме того, к чему нужны подозрения, если в комнате, помимо советника Будислава, его слуг и двух странников, находятся четыре широкогрудых, вооруженных мечами охоронца?

Окажись странники разбойниками, охоронцы тут же изрубят их мечами, словно капусту.

Поприветствовав гостей на нескольких языках и получив ответ на своем родном (исковерканном, но понятном), Будислав указал им на блюда с едой, которые уже выставили на стол слуги, и сказал:

– Угощайтесь, братья, чем Сварог послал. Уверен, вы сильно проголодались. Час сейчас ранний, а вид у вас усталый. После того как подкрепитесь, можете поспать. У меня для странников есть специальная комната, в ней полно мягких тюфяков.

Один из странников положил на грудь широкую ладонь и поблагодарил на какой-то странной смеси языков. Будислав нахмурился, ибо говор показался ему слишком непонятным, но едва открыл рот для вопроса, как в комнату вошел толмач. Будислав был рад появлению толмача. Усадив его по правую руку от себя, он снова воззрился на странников своими добрыми близорукими глазами и сказал:

– Значит, вы путешественники. Это хорошо. Из какой же страны вы к нам прибыли, братья?

Один из странников, тот, что был светлее мастью и не так суров лицом, ответил что-то на чирикающем языке. Будислав улыбнулся ему, затем покосился на худосочного толмача, владеющего двумя десятками языков и наречий, и спросил:

– Понял ли, что он сказал?

Толмач поскреб пятерней в затылке и со вздохом ответил:

– Понял, боярин, да не больно хорошо. Их язык похож на язык северных данов, но все ж отличается.

– И что он сказал?

– Говорит, что прибыл из маленькой страны, близ северного приморья.

Будислав кивнул, снова улыбнулся и открыл рот для следующего вопроса. Открыл – да так и замер с открытым ртом. Странники вдруг вскочили из-за стола и выхватили из-под плащей кинжалы и короткие мечи.

Охоронцы Будислава отреагировали почти молниеносно и все же на мгновение опоздали. Один из странников перепрыгнул через широкий стол, сбил Будислава с лавки и с размаху ударил его кинжалом в живот. Будислав закричал от боли и увидел, как голова одного из охоронцев слетела с плеч, срезанная мечом лжестранника.

Второй охоронец упал на пол с рассеченным надвое лицом. Но двое других бросились на лжестранников. Те со скоростью молнии скользнули к окну, распахнули створки и по-кошачьи быстро и ловко выпрыгнули на улицу.

Грамотей Будислав опустил затылок на пол, чувствуя, как внутри у него разгорается пламя боли, а потом все поплыло у него перед глазами, и он потерял сознание.

4

Столы в зале расставили в три ряда. Рядом водрузили длинные дубовые скамьи и накрыли их мягкими коврами и волчьими шкурами. За три часа до захода солнца столы начали суетиться. Расставляли на столах посуду – расписные блюда, серебряные кубки, ложки, ножи да вилки.

Глеб стоял чуть в стороне и, сложив руки на груди, наблюдал за приготовлениями к пиру. Завидев сытника, плотного красноногого мужика, заведующего княжьими погребами, Глеб окликнул его и подозвал к себе.

– Ну, как дела? – спросил он.

Сытник вздохнул и горько проговорил в ответ:

– Дела у нас неважные, советник. Погреба почти пусты. Все, что наскребли, выставим на стол.

– А что за вина будут на столе?

– Вин будет мало, боярин. Всего-то и осталось, что двадцать бурдюков да две бочки. Вот думаю, заради скаредного интереса, выставить на стол водку и разбавить ее медом. Сгодится ли?

Глеб покачал головой:

– Нет, не годится. Боярам выставишь вино. А их охоронцам, что будут ожидать в верхнем зале, выкатишь водку и мед.

– Охоронцам – водку? – выпучил глаза сытник. – Да не жирно ли им будет, боярин? Водка нынче в большой цене!

– Ничего для хорошего дела не жалко, – усмехнулся Глеб. – Идем в погреб, хочу

посмотреть, что там и как.

Глаза сытника забежали:

– Не понравится тебе в погребе, боярин. Там сыро и нечисто. А у тебя ферязь белее крыла голубки. Запачкаешься.

– Ничего. Запачкаюсь – отряхнусь. Идем в погреб.

И Глеб первым шагнул к коридору, ведущему к кладовым, в которых хранились кожи, зерно и бочки с маслом и вином.

Навстречу им шли слуги, несущие на блюдах холодные яства для пира – блины с икрой, студни, вяленое мясо, селедку с луком. От запаха еды в желудке у Глеба заурчало. Он подхватил с одного из блюд кусок мяса и отправил его в рот.

Сытник глянул на него хмурым, недовольным взглядом, и Глеб сделал вид, что не заметил этого.

В кладовых, куда они спустились спустя пять минут, было прохладно и царил полумрак, чуть подсвеченный пламенем двух жировых факелков.

– Зажги смоляные, – потребовал Глеб.

Сытник нахмурился, но подчинился – вынул из скобы факел и прошел с ним по коридору, зажигая остальные. Вскоре здесь стало светло, как в пиршественном зале. Глеб никогда прежде не бывал в княжьих кладовых, а потому принялся осматривать их с огромным любопытством. А посмотреть, вопреки словам сытника, здесь было на что.

В одних клетях хранились кожи, другие были заполнены зерном, в третьих Глеб увидел огромные бочки с маслами. В четвертом были навалены кожаные бурдюки с вином.

– По-моему, здесь всего в избытке, – сказал Глеб, осмотревшись.

– Это только кажется, – хмуро возразил сытник. – В прежние времена об эту пору запасов было раза в три больше, нежели теперь. В прежний осенний корм по селам да деревням столько всего собирали, что и на двадцати подводах вывезти не могли. А теперь что – пшик, да и только.

– Ничего, – усмехнулся Глеб. – Дай срок, и мы заполним клетки под завязку. Где водка, которую ты вынесешь боярским охоронцам?

– Вот тут. – Сытник пристукнул кулаком по пузатому боку баклаги.

– Принеси чарку, хочу попробовать.

Сытник вздохнул, повернулся и зашагал за чаркой, недовольно бубня под нос:

– И чего ее пробовать, водка как водка.

Как только грузная фигура сытника скрылась за поворотом, Глеб быстро откинул крышку баклаги. Затем вынул из кармана сушеный сонный гриб и, задержав дыхание, растер его между ладонями. Все еще не дыша, швырнул получившийся порошок в водку и быстро закрыл крышку. Потом обтер руки об тряпку и лишь затем позволил себе вдохнуть – но и тогда сделал это вполсилы и отвернув голову в сторону, чтобы не затянуть случайно ноздрями частички сонной пыли.

Едва он это сделал, как из-за угла вывернул сытник. Подошел, с хмурым видом протянул Глебу чарку.

– Отведай, боярин. Чарка чистая, непыльная.

– Уже не хочется, – небрежно отозвался Глеб. – Идем дальше, покажешь мне, где у тебя колбасы и вяленое мясо.

– Что ж, покажу, коли желаешь.

Сытник поставил чарку на полку, затем взял с бочки тряпку, которой Глеб вытирал руки, поднес ее к лицу и шумно высморкался.

– Стой! – Глеб хотел вырвать тряпку из рук толстяка, но не успел.

Сытник покачнулся, нелепо загребая руками воздух, а потом грузно, будто куль с мукой, рухнул на пол кладовой. Глеб быстро подошел, присел рядом и потрянул толстяка за плечо:

– Эй, сытник! Ты жив?

Тот не ответил. Тогда Глеб наклонился и приложил ухо к жирной груди смотрителя

погребов. Сердце толстяка билось размеренно и спокойно. Глеб выпрямился, взгляделся в бледное, рыхлое лицо сытника и виновато пробормотал:

– Я слышал, что сонный гриб насылает на людей кошмарные сны. Прости, если это случится с тобой, приятель.

* * *

В одном из коридоров княжьего терема Глеб столкнулся с советников Кудеяром. Тот выглядел, как всегда, опрятным, ухоженным, задумчиво серьезным.

– Кудеяр, где советники Рогдай и Будислав? – осведомился Глеб.

Белокурый советник пожал плечами и ответил:

– Не ведаю, Первоход. По времени уж давно должны были прийти. Однако их все еще нет.

Глеб нахмурился:

– Может, послать за ними кого-нибудь?

– Уже послал.

– Давно ли?

– Давно.

Глеб хотел еще что-то сказать, но передумал, кивнул и отправился по делам.

Тяжелая весть застала его в молодеческой комнате, где он сам давал наставления ратникам княгини, от которых зависела безопасность пира.

– И чтобы с охоронцами бояр не якшаться, – строго наставлял их Глеб. – Кстати, есть ли у вас среди них друзья?

– Никак нет, – ответил за всех пожилой широкоплечий десятник. – Не дружим мы с ними, советник, уж прости. А сказать правду, так иной раз и деремса. Не до смерти, конечно, но кровушку проливаем.

Глеб усмехнулся и сказал:

– Это хорошо.

– Чего? – не понял десятник.

Глеб задорно блеснул глазами.

– Я хотел сказать, что не одобрил бы вашей дружбы, коли б она была, – объяснил он спокойно. – Вы служите княгине, а значит – княжеству. Ваша служба почетна. А охоронцы бояр – всего лишь наемники. Вот я и говорю: не гоже доблестным воинам якшаться с продажными наемниками. Прав я или нет?

– Прав, – ответил десятник. Потом покосился на заулыбавшихся ратников и пояснил, улыбнувшись сам: – Ежели честно, то мы тоже так рассудили. Пусть на боярских охоронцах броня богаче и сапоги красивше, но наши мечи – крепче, а копьё – острее.

– Вот это дело! – одобрительно улыбнулся Глеб. – А что до брони и сапог, то и у вас будут не хуже. Дайте только срок.

В этот момент дверь молодеческой распахнулась, и порог переступил советник Кудеяр. Был он взволнован и напряжен.

– Первоход, беда! – проговорил Кудеяр хриплым и перепуганным голосом.

– Что случилось? – быстро спросил Глеб.

– На советников Рогдая и Будислава напали!

По лицу Глеба пронеслась тень, брови съехались на переносице.

– Они живы?

– Живы. Но ранены. Будиславу проткнули живот. Рогдая отрубили руку.

Ратники вскочили с лавок и схватились за мечи, но Глеб жестом приказал им расслабиться.

– К ним уже вызвали лекарей? – спросил он у бледного от горя Кудеяра.

– Да, – вымолвил тот. Вытер рукавом глаза и лоб и горестно добавил: – Это они, Глеб... Это Добровол и его приспешники. Клянусь Сварогом, это он подослал к Рогдаю и Будиславу

убийц.

Несколько секунд Глеб стоял, сложив руки на груди и напряженно о чем-то размышляя. Кудеяр не выдержал молчания и резко спросил:

– Прикажешь отменить пир?

Глеб взглянул на него, потом покосился на ратников, снова перевел взгляд на советника Кудеяра и сказал:

– Пойдем-ка выйдем. Нужно переговорить. А вы... – повернулся он к ратникам, – будьте настороже. Если прикажу, пускайте в ход мечи. Но до той секунды ведите себя смирно.

– Как прикажешь, Первоход, – ответил за всех пожилой десятник.

Глеб кивнул ему, повернулся и вышел вместе с Кудеяром из молодецкой.

В коридоре он взял советника за плечо, приблизил к нему лицо и сказал:

– Никаких резких движений, понял? Веди себя, как вел.

– Но мы должны отменить пир, – дрожащим голосом произнес Кудеяр.

Глеб отрицательно качнул головой:

– Нет. Мы проведем пир в назначенное время.

– Но бояре что-то задумали!

– Может быть. Но врасплох им нас не застать. Верь мне.

Кудеяр нахмурился.

– Кажется, я тебя понимаю, Первоход, – медленно выговорил он. – Ты собрал пир, чтобы встретить всех своих врагов лицом к лицу. Я прав?

– Да, Кудеяр, – тихо ответил Глеб. – Ты прав. Пока я не набрал силу, мои противники не особо таятся. Я хочу нанести удар прежде, чем они расползутся по своим логовам и норам.

– Ты хочешь устроить бучу в пиршественном зале? – В голосе Кудеяра звучало сомнение. – Это может плохо для тебя кончиться. Бояр будет много. И все они явятся со своими охоронцами. Правила это допускают. Может, проще действовать не напрямик, а хитростью?

Глеб усмехнулся и холодно прищурил свои темные недобрые глаза.

– Хитростью, говоришь?

– Ну да, хитростью. Если узел не развязывается, нужно постепенно и неторопливо ослабить его, а затем развязать. Не стоит рубить по живому.

– Что ж, может, ты и прав, – сухо проронил Глеб. – Однако развязывать узлы я не мастер. А вот рубить... – Глеб положил пальцы на рукоять меча: – Рубить я умею хорошо. Поэтому просто доверься мне и ни о чем не думай.

5

Пир начался в означенное время. Бояре долго рассаживались по лавкам, стараясь занять места попочетнее, с приветливыми и дружелюбными улыбками интригуя промеж собой за эти места.

Боярин Грибок, самый старый из этой братии, едва передвигался, и поэтому двое слуг, самого смиренного вида, поддерживали его под локти.

– Я просил, чтобы все слуги и охоронцы остались за дверью, – громко сказал Глеб, заведя этих двоих.

– Я это помню, – кивнул стоявший рядом боярин Добровол. – Но ты видишь сам, советник, что Грибок не пройдет без помощи своих слуг и двух шагов. Дозволь его слугам остаться.

Глеб нахмурился, но поборол свою досаду и согласился:

– Ладно. Пускай остаются. Я ведь не зверь.

Вскоре бояре расселись. Грузные, широкобородые, разодетые в парчу и меха, величественно восседали они на покрытых шкурами и коврами лавках. Добровол выделялся

и на их фоне. Он был ладнее, величественнее и горделивее прочих. Меха на полах и воротах его парчового плаща были гуще и ровнее, чем у других, и даже камни на его одежде и пальцах сверкали ярче, чем у прочих.

Княгиня, сказавшись больной, не пришла на пир. (На деле же сам Глеб отговорил Наталью от выхода, опасаясь за ее жизнь.) Глеб, восседающий во главе стола на правах первого советника, был одет в роскошную белую ферязь, которую ему подарила княгиня Наталья, а на плечи набросил алый плащ, скрепленный золотой фибулой. Поначалу он чувствовал себя в этом одеянии неудобно. Черт его знает – будто римский патриций какой-то. Но вскоре пообвыкся.

Кравчий и разносчики умело и незаметно суеились вокруг стола, выставляя блюда, наполняя тарелки, наливая вино в кубки. Вначале бояре все больше отмалчивались, лишь тихо переговариваясь промеж собой, и бросали на Глеба скользкие, хмурые взгляды. Им не понравилось, что охоронцев и слуг оставили в комнате подле молодецкой. Но вслух они не роптали, и на том спасибо.

Глеб быстро поборол смущение и держался с боярами приветливо и по-свойски. За несколько часов до начала пира он долго беседовал с княгиней Натальей, расспрашивая ее о каждом из бояр. Кто что любит, чем грешит и чего избегает. Теперь, когда он глядел на бородатые лица бояр, ему казалось, что он давно уже знаком с ними.

Играя роль тамады, Глеб пытался развлечь бояр разговорами, но те отвечали лишь из вежливости, а ответив, быстро умолкали, чтобы вновь приняться за еду. Есть и пить было намного безопаснее, чем болтать и отвечать на вопросы.

И все же спустя полчаса после начала пира бояре – то ли благодаря приветливости Глеба, то ли благодаря выпитому вину – стали вести себя немного раскованней и уже не глядели на Глеба волками. Неприязнь в их взглядах сменилась любопытством. Должно быть, они ожидали от Глеба неприкрытой вражды и, не встретив ее, слегка растерялись и пооттаяли.

Наконец, на шестом или седьмом питейном круге боярин Добровол встал со своего места и поднял серебряный кубок. Бояре тут же замолчали, уставившись на своего сановитого вожда.

Добровол посмотрел на Глеба спокойным, приветливым взглядом и сказал:

– Позволь мне поднять кубок за твое здравие, советник Первоход! Я неласково тебя встретил, это правда. Но это от незнания. Сам понимаешь: мы, бояре, чужаемся всего нового. Мы ценим спокойствие, Первоход. А посему... не держи на нас зла. За тебя, Первоход!

Бояре загудели, закивали головами и взялись за свои украшенные самоцветами серебряные кубки.

Кравчий легонько хлопнул в ладоши, и столовые холопы внесли в зал новую порцию горячих блюд – петухов с пряной травкой, пару жареных молочных поросят с чесноком и уток, обложенных огурцами. На самых доступных и видных местах стола поставили серебряные чаши с горячей чесночной подливой.

Кравчий снова хлопнул в ладоши, разносчики тут же подхватили кувшины и вновь наполнили кубки вином.

На этот раз Глеб решил выступить с ответным словом. Он встал, дождался, пока умолкнет гул голосов, и, обращаясь к Доброволу произнес:

– Ты сказал, что ценишь спокойствие, Добровол. Я тоже люблю спокойствие. Но когда тать тащит из твоего дома добро, трудно оставаться спокойным, верно?

– Верно, – отозвался боярин Добровол, глядя на Глеба недоверчивым, подозрительным взглядом.

Глеб кивнул.

– Вот и сейчас то же самое. Хотел бы я быть спокойным, но, увы, чтобы остановить татей, приходится шевелиться. Нам всем придется пошевелиться, друзья.

Глеб сделал паузу, чтобы перевести дух, и тут Добровол громко спросил:

– Ты задумал большие перемены, советник Первоход, не так ли?

– Да, это так, – кивнул Глеб.

– В чем же причина этих перемен? Тебе не нравится то, что здесь есть?

– Скажем так: мне не нравится многое из того, что есть. Но не все. – Глеб обвел взглядом насупленные лица бояр. – Если вы подумаете обо всем непредвзято, бояре, вы найдете в существующем положении вещей много плохого.

Бояре тихо загудели на своих местах, но сановитый Добровол поднял руку, и гул голосов стих.

– Княжество наше держится на традициях, Первоход, – спокойно и громко проговорил он. – В разные годы бывало разное. На смену процветанию приходила беда. Затем она снова сменялась процветанием. Жизнь княжества сродни полосам на шкуре индийского тигра. За черной полосой следует белая, за ней – снова черная, а потом – опять белая. То, что творится в княжестве сейчас, – это черная полоса. Но необязательно что-то менять и ломать, Первоход. Иногда полезнее просто сесть, сложив руки на коленях, и подождать, чем все закончится. Все эти годы мы так и делали, и, как видишь, княжество наше стоит незыблемо.

Бояре, выслушав монолог Добровола, одобрительно загудели. Затем воззрились на Первохода, с любопытством ожидая, чем же он возразит. И тогда Глеб сказал:

– Ты прав, Добровол. Черная полоса сменяет белую, и так далее. Но однажды всему на свете приходит конец. Великий Рим тоже процветал, и длилось это столетиями. А потом его захватили и разграбили дикие кочевники. Не думаешь ли ты, боярин, что то же самое может случиться и с нашим княжеством?

Добровол прищурил серые глаза и холодно ответил:

– Нет, советник. Я не мыслю такой участи для Хлынского княжества.

– Однако опасность развала есть всегда, – возразил Глеб. – Если княжество хочет уцелеть, оно должно меняться и развиваться. Это как в торговом деле. Ежели постоянно не вкладывать в него средства и не расширять дело, то рано или поздно супротивники сожрут тебя, и ты останешься у разбитого корыта.

Бояре снова загудели, благосклонно оценив пример с торговым делом, но Добровол вскинул руку, призывая их к молчанию, усмехнулся и спросил:

– Много ли ты занимался торговлей, Первоход?

– Нет, – вынужден был признать Глеб.

– Может быть, тебе случалось править княжеством?

– Нет, не случалось.

– Тогда, быть может, ты был сельским главой или старостой общины?

– Нет, – снова признал Глеб.

Добровол прищурил блестящие глаза и холодно осведомился:

– Тогда почему ты решил, что лучше нас знаешь, как вести дела в княжестве?

– Потому что я...

«...Потому что я прибыл из будущего и знаю, что рано или поздно вашему миру придет конец», – хотел бы ответить Глеб, но это было невозможно. В самом деле, как он сможет объяснить этим бородачам, что знает «базовую теорию» развития человеческого общества и цивилизаций? Как объяснить, что все, что он намерен сделать, будет сделано для их же блага?

Немного поразмыслив, Глеб решил, что не стоит говорить о времени, нужно поговорить о пространстве.

– Видишь ли, Добровол, – начал он рассудительно, – в той стране, откуда я прибыл, все эти новшества давно действуют. Они, эти новшества, трудно приживались, не все воспринимали их как должное. Но закончилось все благом. Все остались довольны и счастливы.

Глеб замолчал. Молчали и бояре. Добровол же прищурил свои невыносимо проницательные и блестящие глаза и пробасил, сверля Глеба холодным, невозмутимым взглядом:

– Значит, говоришь, ты прибыл к нам из лучшей страны?

Глеб насторожился, почувствовав в словах боярина подвох, и осторожно ответил:

– Пожалуй, что да. А что?

Добровол улыбнулся и сказал:

– Отрадно это слышать. Но что же заставило тебя сбежать из столь прелестной страны и осесть в Хлынь-граде? Да еще и стать ходоком в погиблые места. Может быть, тебя изгнали?

Лицо Глеба омрачилось. Почувствовав гнев, он с трудом взял себя в руки, улыбнулся и ответил:

– Нет. Просто я...

– Прости, что я задаю столько вопросов, – мягким, насмешливо доброжелательным голосом перебил его Добровол. – Ты не должен перед нами отчитываться, Первоход. И тем более не должен открывать нам свою тайну, если она у тебя есть.

– Я вовсе не собираюсь от вас что-то скрывать, – раздраженно возразил Глеб.

– Вот как? – Боярин усмехнулся и пригладил ладонью бороду. – Тогда ты, конечно же, скажешь нам, как называется страна, из которой ты прибыл?

– Пожалуйста, – нервно дернул Глеб плечом. – Она называется Россия.

– Россия? – Добровол прищурился. – И где же она находится? В отрочестве я много путешествовал с отцом и повидал много стран. Может быть, я слышал и про твою страну?

– Вряд ли. Она находится... слишком далеко.

Добровол усмехнулся.

– Гм... Вот оно что. А развито ли в твоей стране торговое дело? Есть там купцы?

– Конечно! – все больше гневаясь, ответил Глеб.

– Тогда почему мы никогда не слышали о них? Торговое дело гонит купцов чрез моря и океаны. Мы повидали много странников из самых диких и отдаленных земель. Но никогда не слышали о земле с названием Россия.

Внезапно взгляд блестящих глаз Добровола похолодел, и губы презрительно вытолкнули:

– Уж не дуришь ли ты нам головы, советник Первоход?

Бояре зашевелились, засверкали недовольно глазами.

– Почему мы должны верить твоим словам о лучшем будущем, Первоход?! – крикнул кто-то.

Глеб потемнел от ярости и гневно отчеканил:

– Потому, что у меня есть ольстра! И если кто-то из вас, бояре, вздумает...

Что-то быстро прошелестело по лицу Глеба и коснулось его шеи. Глеб среагировал молниеносно – за мгновение до того, как струна стянула его горло, он успел просунуть под нее пальцы. В следующее мгновение тонкая удавка впилась в пальцы, больно сдавила шею с боков. Глеб, побагровев от усилий, попытался ослабить стяжку.

Советник Кудеяр и несколько охоронцев, приставленных княгиней к Глебу для защиты, бросились ему на помощь. Однако четверо убийц, переодетых боярами, уже вскочили со своих стульев и выхватили из-под парчовых одеяний кинжалы. Как коршуны настигают убегающих зайцев, так они настигли охоронцев и закололи их ножами в спины, а Кудеяра сбили с ног и оглушили.

Затем убийцы бросились к Глебу. Глеб вскинул ногу и отшвырнул первого из нападавших ударом сапога в грудь. Второй увернулся от ноги Глеба и резко чиркнул кинжалом. Сверкнувшее лезвие прошило воздух и расцарапало Глебу щеку.

– Зовите охоронцев! – закричал кто-то.

Бояре зашумели и закричали, призывая на помощь своих охоронцев.

В глазах у Глеба потемнело, он начал задыхаться. Он видел все как бы сквозь темную пелену и словно бы в замедленном кино. Несколько переодетых боярами убийц неслись к нему с разных концов зала. Кинжалы, зажатые в их руках, сверкали в ярком свете десятков свечей.

Глеб зажмурил глаза и представил себе Паучью ловушку – и в то же мгновение

светлый шерстяной шарик выскользнул из кармана Глеба.

На долю секунды Глебу показалось, что шарик, взлетев над столом, взорвался фонтаном белых нитей. Огромная белая сеть, и впрямь похожая на паучью, накрыла убийц-свеев и бояр, опутала им руки и ноги, прилипла на лбы, щеки и плечи. Запутавшиеся бородачи попадали на пол. Борясь с липкой сетью, они завопили от ярости и бессилия.

Глеб извернулся и ударил стоявшего у него за спиной человека локтем в лицо. Тот на мгновение ослабил хватку, и этого оказалось достаточно – Глеб дернул удавку, расширяя петлю, и нырнул под струну.

Тонкая струна удавки болезненно чиркнула его по носу и лбу, выдрала клочок волос из темени, но в следующий миг Глеб вскочил на ноги, схватил со стола нож, которым до этого резал мясо, развернулся и с размаху вогнал лезвие в толстую шею предателя-сытника.

Сытник захрипел, рухнул на пол и, вытаращив глаза и захлебываясь кровью, заскреб пальцами по торчащей из-под кадыка рукояти ножа.

Один из свеев, самый мощный и свирепый, сумел прорвать сеть и, взревев, как дикий зверь, кинулся на Глеба. Глеб молниеносно выхватил из-за спины ольстру и нажал на спуск. Громыхнул выстрел. Пуля прошла грудь здоровяка-свея насквозь. Ударом приклада Глеб сбил с ног второго убийцу и выстрелил в третьего. Четвертого он ударил прикладом ольстры в грудь, а затем припечатал к полу ударом кулака.

Когда все было кончено, Глеб оглядел зал и крикнул:

– Хотели меня убить? – Потом усмехнулся и холодно прорычал: – Забыли, кто я?

Бояре тряслись на полу.

– Прости нас, Первоход, – хрипло взмолился кто-то.

– Прости, – поддакнул ему другой. – Не уразумели твоей мощи.

– Прояви к нам милосердие, и мы сделаем все, что ты скажешь, – продребезжал третий.

Глеб перевел взгляд на боярина Добровола. Тот сидел на полу, распутывая паутину и отрывая клейкие нити от щек и одежды.

– Ты, Добровол! – громко и жестко окликнул его Глеб.

Боярин поднял взгляд и с презрительной усмешкой проговорил:

– Убей меня, ежели хочешь. Я тебя не боюсь.

– Я не стану тебя убивать. Смерть для тебя слишком легкий исход. Ты будешь сидеть в темнице. Вечно. На воде и хлебе.

Добровол хмыкнул и небрежно произнес:

– Если ты хочешь напугать меня, чужеземец, придумай чего пострашнее.

– Пострашнее? – Глаза Глеба холодно сощурились. – Хорошо. Кажется, последние два года ты заведовал княжьими дознавателями? Значит, ты не понаслышке знаешь, что такое дыба, пыточные колодки и раскаленные клещи. Я дам тебе возможность испытать на собственной шкуре то, чем ты угощал других.

Глеб вытер рукавом потный расцарапанный лоб и грубо приказал:

– Подымайтесь с пола, бояре. Пришло время поговорить о деле. Хотел я с вами добром, но добрых слов вы не понимаете. Отныне пряников больше не будет. Только плеть и кнут. Живее! – прикрикнул Глеб, яростно сверкнув глазами.

Бояре хотели встать, но снова в ужасе повалились на пол – за дверьми послышался топот множества ног. Глеб быстро наставил ольстру на дверь и положил палец на спусковой крючок.

Двери распахнулись, и в зал вбежали охоронцы княгини во главе с пожилым десятником.

– Мы слышали шум, Первоход! – громко доложил он. – Что случилось?

Глеб опустил ружье, усмехнулся:

– Да ничего особенного. Добровол пытался меня прикончить и натравил на меня убийц. Но я с ними уже разобрался.

– Нужна ли наша помощь, советник Первоход? – осведомился десятник.

Глеб окинул взглядом трясущихся на полу бояр и окровавленные трупы убитых

наемников. Перевел взгляд на десятника и хмуро ответил:

– Можете. Вынесите отсюда мертвецов и уведите Добровола в темницу.

Десятник кивнул, отдал распоряжение ратникам, и те рьяно взялись за дело. Кудеяр, на левой скуле которого темнел большой синяк, встал рядом и тихо сказал:

– Поздравляю с почином, Первоход. Теперь тебе придется привыкнуть к виду мертвых бояр и подосланных ими убийц.

Глеб сдвинул брови и холодно ответил:

– Да. Возможно. Но после Гиблого места я ко всему привыкаю быстро.

6

Ожидая княгиню Наталью, Глеб лежал на укрытой мягким ковром софе и смотрел на язычок ароматной свечи, оплывающей в золотом шандале.

Он вдруг припомнил, как ездил с Катей Корольковой по заданию редакции в Прагу на какую-то не то конференцию, не то выставку. Жили они в соседних номерах, и вечером Глеб здорово надрался в баре с пражскими коллегами.

Шагая по холлу отеля, он увидел впереди молодую стройную девушку. Подкрался к ней потихоньку сзади, наклонился к уху и проворковал:

– Девушка, простите, мы с вами не встречались раньше?

Девушка развернулась и вдруг – влепила ему пощечину. Глеб отшатнулся и с растерянным видом схватился рукою за щеку. Поморгал немного и вдруг понял, что перед ним стоит Катька Королькова.

– Катюх, ты чего? – обиженно спросил Глеб.

– Решила, что тебе нужно освежиться, – с усмешкой ответила Катя.

– Да... – выдохнул Глеб. – Ты молодец. – Он потер рукою пылающую от удара щеку и поморщился: – Прямо не знаю, что на меня нашло. Иду, смотрю – фигуристая брюнетка. Наверно, слишком много выпил.

Катя усмехнулась:

– Так много, что принял меня за «фигуристую брюнетку»?

Поняв, что оплошал, Глеб поспешил исправить ситуацию.

– Прости, Кэт, я не то сказал. Я не имел в виду, что ты не фигуристая. И уж тем более глупо отрицать, что ты брюнетка. Я просто хотел сказать, что сзади твоя фигуристость в сочетании с темными волосами...

Глеб совсем запутался и замолчал, рассеянно хлопая ресницами.

Катя усмехнулась:

– Зарапортовался, да?

Глеб кивнул:

– Угу. Но ведь ты меня поняла?

– Эх, Орлуша, Орлуша, – вздохнула Катя, – и кто ж тебя еще поймет, если не я? Топай к себе в номер, у нас завтра трудный день. Подниму тебя ровно в семь. И чтоб был как огурчик.

Вспомнив сейчас о том давнем случае, Глеб улыбнулся. Какой же он тогда был дурак. Хорошо еще, что Катька такая необидчивая. Эх...

Дверь открылась, и в комнату вошла княгиня Наталья. Высокая, красивая, с бледным, словно высеченным из мрамора лицом, одетая в темные одежды.

– Вечер добрый, Глеб.

Он приподнялся на софе и обрадованно улыбнулся:

– Ты все-таки пришла?

– Ты звал. Я не могла не прийти.

Глеб подвинулся, давая княгине место:

– Присаживайся, Наталья.

Княгиня замерла в нерешительности, не зная, как поступить.

– Да садись же, – с улыбкой сказал Глеб. – Не укушу я тебя. Честное слово.

Княгиня присела на краешек софы. Лицо ее было таким же суровым, как всегда, а по краям рта пролегли две едва заметные морщинки. Глеб с удивлением понял, что эти морщинки притягивают его. В них, в этих морщинках, были прожитые годы, пережитые страсти, горести и радости. Это те самые морщинки, которые придают хорошенькому юному лицу отпечаток настоящей красоты, испытанной временем и ставшей частью вечности.

Наталья перехватила взгляд Глеба и слегка поежилась:

– Почему ты так смотришь на меня, Первоход?

– Сам не знаю. Наверное, потому, что ты мне нравишься.

По губам княгини скользнула грустная усмешка.

– Ты ошибаешься. Я нравилась тебе, но это было много лет назад. Теперь я другая. Во мне мало осталось от женщины. Иногда мне даже кажется, что я неживая и что сердце мое давно перестало биться.

Глеб как бы невзначай положил ладонь Наталье на бедро. Княгиня осталась неподвижна, но на щеках ее проступил легкий румянец. Глеб улыбнулся:

– Вот это точно не так. Ты все еще женщина. И не просто женщина, а красивая женщина.

На этот раз Наталья взглянула ему в глаза. Глеб заметил, что взгляд ее потеплел, а брови слегка дрогнули. Тогда он взял ее руку в свою и легонько сжал.

– Между нами все еще что-то есть? – спросил Глеб.

– Ты – мой спаситель, – тихо сказала княгиня. – И всегда был таким. Что бы ни случилось, я всегда знаю, что ты придешь на помощь.

Глеб помолчал. Потом произнес с легкой досадой:

– Странные у нас отношения, княгиня.

Она качнула головой и тихо попросила:

– Не называй меня княгиней. Называй Натальей. Меня давно уже никто не называл просто по имени.

– Наталья... – тихим эхом повторил Глеб и провел кончиками пальцев по теплой руке княгини. – Наташа...

Несколько секунд оба молчали, каждый задумавшись о своем. Первым молчание прервал Глеб.

– Сколько уж лет я здесь, – сказал он. – Иногда забываю, что когда-то у меня была другая жизнь. Но вижу тебя – и снова вспоминаю, кто я и откуда.

– Ты тоскуешь, когда видишь меня?

Глеб качнул головой:

– Ты тут ни при чем. Просто со знакомства с тобой начались мои мытарства.

– Да, помню. Из-за меня ты в первый раз пошел в Гиблое место. Тогда я была молода и глупа. Если бы вернуть все назад...

– Я бы все равно попал в Гиблое место, – прервал ее Глеб. – И твоей вины в этом нет. Думаю, это написано у меня на роду. А то, что написано на роду, не могут изменить даже боги.

Княгиня помолчала.

– Ты приказал бросить Добровола в темницу и подвергнуть его пыткам, – негромко сказала она затем.

– Да, – сказал Глеб, вмиг охолодев лицом. – Он это заслужил.

– Не слишком ли это жестоко, Глеб? Что подумают о тебе люди?

Глеб сжал зубы и процедил:

– Мне плевать на то, что они подумают. Этим идиотам нравится жить в дерьме. Но я вытащу их из дерьма, даже если они будут упираться. Кстати, сегодня пришло первое поступление в казну.

– Деньги Добровола? – напряженным голосом уточнила Наталья.

– Да.

Княгиня долго сидела молча, потом вздохнула, подняла руку и погладила Глеба ладонью по голове.

– Ты и впрямь изменился, Первоход, – тихо сказала она. – В твоих глазах – ярость и злоба.

– С волками жить – по-волчьи выть, – отчеканил Глеб. – Я хотел действовать добром, да, видно, здесь это невозможно.

– И тогда ты решил действовать силой?

– Это единственный язык, который вы... Прости, который они понимают.

Княгиня убрала руку с его головы.

– Не знаю, Глеб, не знаю. – Она вздохнула. – На сердце у меня нехорошо. Будто быть беде.

– Не думай о плохом. – Глеб протянул к Наталье руку и осторожно обнял ее за плечи.

Наталья повела плечами, но руку его не сбросила. Тогда он придвинулся ближе и обнял ее крепче. Княгиня хотела что-то сказать, но Глеб поцеловал ее.

Слегка отпрянув, Наталья тихо попросила:

– Только будь со мной нежнее, Глеб. – Веки ее дрогнули, и она добавила: – Я так соскучилась по ласке.

Колеблющийся отблеск свечи коснулся прекрасных глаз Натальи, четче очертил губы полуоткрытого рта. И Глеб больше себя не сдерживал. Он вновь прижал княгиню к груди и нежно поцеловал ее в шею. Она прикрыла глаза и покорно расслабилась.

Глава третья

1

Дела вершились на удивление быстро. Каждая неделя приносила столько перемен, сколько в иные времена не приносил и год.

Иногда, останавливаясь в ежедневной суете, чтобы передохнуть и перевести дух, Глеб сам удивлялся скорости и глубине проводимых реформ. А опорой этим реформам было оружие – обрез охотничьего ружья, с которым Глеб не расставался ни на минуту, и тридцать мушкетов, которыми он вооружил свой «убойный отряд».

Только теперь, видя, как разительно изменяется мир благодаря его усилиям, Глеб чувствовал себя по-настоящему живым. Он представлял себе, как годы спустя будет сидеть на веранде княжьего дворца с бутылкой вина в руке и книгой на коленях. Время от времени он будет отрывать взгляд от страницы и, хлебнув вина, окидывать взглядом окрестности терема. На горизонте будут дымиться трубы заводов, в небе станут парить дирижабли или даже планерные самолеты...

Лепота!

Одно лишь раздражало Глеба – неповоротливость и темномыслие народа. Иногда, когда он объяснял мужикам устройство очередного гаджета и выслушивал в ответ их угрюмые реплики, его так и подмывало взять в руки палку и попробовать объяснить не «через голову, а через печень».

И все же задуманное дело двигалось. Одним из главных своих достижений Глеб считал победу над преступностью. Не окончательную, конечно, но все же весьма ощутимую. Выходить в город по вечерам теперь было не страшно. Улицы патрулировали конные разъезды стражников с нагайками в руках и мечами на боку.

Спал Глеб теперь по пять-шесть часов в сутки, а все остальное время проводил в нескончаемых делах. Он сам следил за постройкой школ и отливкой пушек, сам экзаменовал моравских и полоцких учителей, сам разъяснял крестьянам преимущества трехпольной системы земледелия, сам проверял привезенные из дальних стран семена и саженцы, сам размечал землю под оросительные каналы и сам печатал пробные листы на типографском

станке, собранном Вакаром.

Так прошла зима, потом весна, потом лето, а потом миновала осень, и снова наступила зима. Год напряженной работы изрядно утомил Глеба, но он не замечал усталости. Результаты работы были налицо, и он не мог им нарадоваться.

Вскоре, однако, Глебу снова пришлось столкнуться с нехваткой средств. Войну с боярами он давно выиграл. Купцы же оказались более крепкими, упертыми и бесстрашными ребятами.

Тщательно обдумав эту проблему, Глеб решил, что сопротивлению купцов нужно положить конец одним ударом. Нет, он не будет рубить им головы и взрывать их склады. Купцы нужны княжеству, они – его опора. Значит, нужна была «показательная порка».

После долгих размышлений Глеб пришел к выводу, что для первого похода против купцов нужно выбрать самого богатого и могущественного из них.

2

Вечер выдался темный и студеный. Снег, едва белеющий в темноте, тихо поскрипывал под ногами. Тридцать стрелков, вооруженные мушкетами, дружно и молча шагали за Глебом, держась на десять шагов позади него.

Время от времени тьма кончалась, и Глеб входил в освещенные кострами участки света. У костров, сгрудившись на черных бревнах, грели кости бродяги и проигравшиеся гости Порочного града.

У главного кружала Глеб на несколько секунд остановился, прокручивая в голове план дальнейших действий. Потом рывком распахнул дверь и вошел в дымный, пропахший винными парами зал.

В уши ему ударила громкая вульгарная музыка. Дудки, литавры, рожки...

Глеб, поморщившись, прошел внутрь и зашагал к стойке. Там он на минуту остановился, чтобы оглядеться. Пятнадцать стрелков вошли в кружало вслед за Глебом, остальные остались на улице, отойдя в тень и предупреждая появление подмоги.

На большом деревянном помосте, у северной стены зала, сражались волколак и оборотень. Оба были пристегнуты цепями к мощным дубовым столпам. Щелкая зубами, они вырывали друг у друга из тел клочки шерсти и мяса, каждый пытался добраться до глотки противника раньше, чем тот доберется до него.

– Чего тебе налить, парень? – спросил толстый приземистый целовальник.

– Яблочного квасу, – ответил Глеб. Кивнул в сторону помоста и добавил: – Смотрю, у вас тут собачьи бои?

– Хочешь сделать ставку? – поинтересовался целовальник.

Глеб покачал головой:

– Нет. Я не играю в азартные игры с нечистью.

Волколак, резко устремившись вперед, схватил оборотня за глотку и рванул зубами. Оборотень взвыл и рухнул на доски помоста. Волколак снова хотел вцепиться ему зубами в горло, но тот увернулся и полоснул волколака когтями по незащищенному животу. Струя черной крови ударила в пол. Толпа бражников загикала и застучала кружками о столешницы.

Глеб двинулся вперед. Одним прыжком вскочив на помост, он пинком отшвырнул раненого волколака, выхватил из ножен меч и сильным ударом положил конец страданиям оборотня. Затем повернулся к волколаку и, сделав молниеносный выпад, рассек ему мечом широкую косматую грудь.

Волколак отпрыгнул в сторону, тряхнул головой, издал высокий горловой звук и, сверкнув налитыми кровью глазами, бросился на Глеба. Глеб молниеносно выхватил из кобуры ольстру и выстрелил волколаку в голову. Чудовище на мгновение остановилось, а затем рухнуло на помост с простреленным черепом.

– Чертовы собаки, – проворчал Глеб. Затем повернулся к притихшему залу и яростно крикнул: – Все на улицу! Живо!

По залу пронесся тихий ропот. Прошла секунда, другая... И вдруг посетители разом, будто до них только сейчас дошел смысл сказанных Глебом слов, сорвались со своих мест и кинулись к выходу.

У дверей образовалась давка, но стрельцы, орудуя прикладами мушкетов и раздавая пинки направо и налево, быстро расчистили проход и сами проследили за тем, чтобы все вышли по очереди, не давя друг другу ног и не наминая боков.

Не прошло и двух минут, как зал кружала опустел. Однако насладиться одиночеством Глебу было не суждено. К помосту стремительно подошел высокий, широкоплечий и жилистый охоронец, опоясанный широким поясом с посеребренной пряжкой. На боку у него висели богатые ножны, а рукоять меча была украшена серебряным узором.

Остановившись перед помостом, он метнул на Глеба холодный взгляд и спросил:

– Ты кто таков?

Глеб смерил его прищуренным взглядом и ответил:

– Я ваш новый участковый инспектор. Пришел оштрафовать вас за грубое обращение с животными.

Охоронец заморгал глазами, и Глеб, усмехнувшись, осведомился:

– А ты, верно, набольший?

Охоронец перестал моргать, приосанился и отчеканил:

– Я начальник охоронцев Бун. Пошто ты убил наших тварей и разогнал посетителей, Первоход?

– Так ты меня узнал?

– Трудно не узнать того, у кого в руках громовой посох, – сказал Бун. – Так чего тебе нужно, ходок?

Глеб вложил меч в ножны и переложил ольстру из левой руки в правую.

– Твой хозяин наверху? – спокойно осведомился он.

Начальник охоронцев кивнул:

– Да.

– Поди к нему и скажи, что Глеб Первоход ждет в кружале. Пусть выйдет.

Начальник Бун нахмурился еще больше:

– А коли не захочет?

– Тогда я велю своим людям сжечь дом дотла. А потом выкопаю из пепла то, что осталось от Крысуна, и поставлю перед собой.

Несколько секунд охоронец молчал, затем, покосившись на стрельцов, недовольным голосом произнес:

– Не лучше ли твоим людям подождать снаружи? Крысун Скоробогат не любит, когда по его кружалу разгуливают вооруженные ратники.

– Эти ратники – дружинники княгини Натальи, – сказал Глеб. – И они останутся здесь.

Пока Бун и Глеб разговаривали, охоронцы Крысуна Скоробогата, струясь вдоль стен, как темные тени, окружили Глеба и его стрельцов. Было этих охоронцев человек двадцать или чуть больше. Глеб при виде их нехитрого маневра усмехнулся.

– Опасную игру ты затеял, ходок, – сказал между тем начальник Бун. – Шапка на тебе соболья, но не с чужой ли она головы?

Глеб сверкнул глазами.

– Не тебе рассуждать о моей игре, охоронец, – холодно заметил он. – Ступай к своему хозяину и скажи, что, ежели он не выйдет через минуту, я стащу его оттуда за ноги и проволоку через весь Порочный град. Ступай! Ну!

Начальник Бун повернулся и зашагал к лестнице.

Глеб стоял на деревянном помосте, ярко освещенный светом жирников, берестяных факелов и смоляных светочей. Бун быстро поднялся наверх.

Около минуты ничего не происходило, затем наверху распахнулась дверь и послышалась чья-то тяжелая поступь.

Прошло еще несколько секунд, прежде чем на лестничной площадке появился Крысун

Скоробогат. Крысун изменился за то время, что Глеб его не видел. Он еще более отощал и потемнел лицом. Глаза его были очерчены темными кругами и воспалены. Казалось, хозяин Порочного града страдает какой-то страшной, изнурительной и неизлечимой болезнью. Остановившись, Крысун зябко закутался в ярко-красный плащ, подбитый соболями, и сурово взглянул на Глеба сверху вниз.

– Ходок в места погиблые, – сипло вымолвил он. – Давно не виделись.

Глеб усмехнулся:

– Верно. Вижу, тебе нездоровится? Я бы зашел в другой раз, но дело срочное.

Крысун прищурил воспаленные глаза и медленно проговорил:

– Я рад тебя видеть в любое время. Я всегда отличал тебя от прочих ходоков, Первоход. Ведь это ты сделал меня тем, кто я есть.

Глеб уловил в словах Крысуна скрытую иронию и нахмурился. Хозяин Порочного града был прав. Если бы Глеб не привел Крысуна в Гиблое место, тот никогда бы не разжился бурой пылью и чудными вещами и не сколотил бы себе на этом сказочное состояние.

– Так зачем ты пожаловал, ходок? – снова заговорил Крысун.

Глеб почувствовал, как душу его захлестывает волна холодного гнева.

– Я нынче не ходок, – отчеканил он. – Не стоит меня так называть.

– Вот как? – Крысун скользнул взглядом по стрельцам в мухотяровых красных кафтанах и с мушкетами на плечах. Насмешливо прищурился и снова перевел взгляд на Глеба. – Кто же ты теперь, ходок?

– Первый советник княгини Натальи.

– Вот как, – снова проговорил Крысун. – Высоко ты поднялся, Первоход. Я всегда знал, что ты многого добьешься. Да и княгинюшка наша всегда к тебе неровно дышала.

Лицо Глеба потемнело от ярости:

– Следи за языком, Крысун!

– Ты тоже, *ходок*.

Несколько секунд оба молчали, с ненавистью глядя друг другу в глаза. Затем Крысун облизнул пересохшие губы и сказал:

– Я наслышан о твоих подвигах, советник. Говорят, люди недовольны тем, что ты заставляешь их работать, и ждут не дождутся, пока ты снова уберешься в Гиблое место.

Глеб растянул губы в усмешку и крепче сжал в руке ольстру.

– Твой ернический тон не обманет меня, Крысун. Я чувствую твой страх.

– Страх? – Глаза хозяина Порочного града полыхнули лютым огнем. – Неужели ты и впрямь думаешь, что я боюсь тебя, ходок? Думаешь, если ты нацепил на себя боярскую одежду да обзавелся десятком охоронцев, то стал для меня страшен? Я не боялся истребителя темных тварей! Не забоюсь и обнаглевшего самозванца, вообразившего себя князем!

На этот раз усмешка Глеба отнюдь не была натянутой. Он заставил Крысуна «взорваться», и это было приятно. И Глеб снова заговорил, издевательски смягчив тон:

– Я пришел к тебе с миром, Крысун Скоробогат. Ты – самый богатый человек в нашем княжестве. Княгиня задумала большие преобразования во благо княжества, и казне потребны деньги.

– Деньги нужны всем, Первоход, – сипло отозвался Крысун. – Но ты почему-то пришел ко мне.

– Ты не платил в казну налогов с того дня, как стало известно о смерти князя Егры. Накопилась внушительная сумма, Крысун. И я намерен получить ее с тебя.

Хозяин Порочного града усмехнулся тонкими бледными губами и холодно уточнил:

– Так ты теперь не только советник, но и мытарь?

– Можешь считать меня мытарем, – спокойно отозвался Глеб. – Но прихожу я только к самым важным особам. Поскольку я пришел к тебе, то ты вполне можешь собой гордиться.

Хозяин Порочного града чуть шевельнул рукой. За спиной у Глеба послышался легкий шум. Оглянувшись, он увидел, что еще несколько охоронцев Крысуна выскользнули из

мрака и встали за помостом, положив руки на рукояти мечей.

– Как ты знаешь, мы подписали с покойным князем договор, – сказал Крысун, повысив голос. – По этому договору я платил Егре щедрую мзду. Но Егра умер и перестал быть мздоимцем. Разве не так?

– Нет, не так, – спокойно возразил Глеб. – Со смертью Егры твой ежемесячный налог никуда не испарился. А если хочешь поспорить, то тебе придется делать это на дыбе. Готов ли ты к этому, Крысун?

Хозяин Порочного града хмыкнул:

– Ты мне угрожаешь, Первоход? Прежние князьки советники никогда не опускались до угроз. Выходит, Гиблое место все же не прошло для тебя даром.

– Я не собираюсь вступать с тобой в дискуссию, Крысун. Я пришел к тебе за помощью. Хотелось бы, чтобы эта помощь была добровольной.

– А если не будет?

Глеб помолчал, глядя на Крысуна тяжелым взглядом, затем сказал правду:

– Я все равно не уйду отсюда с пустыми руками.

Хозяин Порочного града долго хранил молчание, стоя на площадке в своем красном, отороченном соболями плаще и глядя на Глеба холодным, ненавидящим взглядом. Затем разомкнул губы и медленно, очень медленно проговорил:

– Я не буду тебе помогать, ходок. А если княгиня рассчитывает на мои деньги, ей придется подписать со мной новый договор. Без нового договора она не получит от меня ни гроша.

Крысун хотел повернуться и уйти, но Глеб громко спросил:

– А как же долг? Ты должен казне почти два пуда золота!

Хозяин Порочного града посмотрел на Глеба через плечо и небрежно обронил:

– Лично тебе я ничего не должен. Прощай.

– Я еще не закончил с тобой, Крысун! – Глеб вскинул ольстру и взял Крысуна в прицел.

Хозяин Порочного града усмехнулся и подал знак своим людям. Пятеро рослых, могучих охоронцев в кольчугах и с обнаженными мечами шагнули вперед и встали перед Крысуном шеренгой, холодно сверкая глазами.

– Вот, значит, как, – выдохнул Глеб. – Значит, не хочешь договариваться добром. Предупреждаю тебя, Крысун, мои стрельцы могут перебить всех твоих охоронцев. Не губи их. И не губи себя.

– Я не отдам тебе свое добро, ходок, – спокойно парировал Крысун. – Не для того я его наживал, рискуя собственной шкурой, чтобы отдать первому встречному проходимцу.

Глеб вздохнул и негромко скомандовал:

– Мушкеты к бою.

Стрельцы сняли уже заряженные мушкеты с плеч и быстро опустили их на треноги-подставки.

Крысун хмуро уставился на мушкеты. Затем перевел взгляд на Глеба, облизнул сухие губы и неприязненно спросил:

– Я не хочу с тобой воевать, ходок. Уйди из кружала, и я тебя не трону.

– Нет, Крысун, я не уйду.

– Что ж, пеняй на себя. Охоронцы! – гаркнул Крысун. – Вышвырните их отсюда!

Охоронцы выхватили мечи и ринулись на Глеба. Он отступил на шаг, быстро поднял руку и резко взмахнул. Все утонуло в грохоте выстрелов. Воздух наполнился пороховыми облаками. Охоронцы Крысуна попадали на пол. В кольчугах их зияли кровавые дыры. Некоторые были еще живы и, хрипя и постанывая от боли, пытались дотянуться до мечей.

Пока пятнадцать стрельцов перезаряжали оружие, Глеб наставил дуло ольстры на хозяина Порочного града и крикнул:

– Сдавайся, Крысун! Или я перебью вас всех!

Крысун стоял на балконе с мертвенно-бледным лицом.

– Твои стрельцы убили моих охоронцев, – прохрипел он.

– Да, – севшим от волнения голосом отозвался Глеб. – И виноват в этом только ты. Помоги нам пополнить казну, Крысун. Если печенег и кривичи придут в Хлынь, они не пожалеют и тебя.

Крысун улыбнулся, затем поднял руку и громко приказал:

– Лучники! Убейте этих свиней!

Охоронцы, стоявшие на балконе, вскинули луки. Глеб вновь взмахнул рукой. И снова зал наполнился грохотом выстрелов и пороховой вонью. Выстрелы гремели, перекрывая крики раненых. Глеб пошатнулся и едва не упал на колени. Ему захотелось прекратить это, и он хрипло крикнул:

– Хватит! Прекратить огонь!

Но слов его из-за грохота никто не расслышал.

Наконец все кончилось. Трое из стрельцов Глеба были убиты, еще четверо ранены. Из охоронцев Крысуна в живых не осталось ни одного. Сам Крысун лежал на полу, перед помостом, тяжело и хрипло дыша.

– Убийца... – прохрипел он. – Ты убийца... Убийца...

Один из стрельцов шагнул к Крысуну и замахнулся мушкетом.

– Нет! – крикнул Глеб, но опоздал – приклад мушкета резко опустился Крысуну на лицо и с хрустом смял ему череп.

3

Начальник охоронцев Бун поднял голову и огляделся. Что-то мешало ему, заслоняло глаза. Он провел дрожащей рукой по лицу и понял, что лоб, глаза и щеки его залиты липкой, уже успевшей остыть кровью.

Но кровь была чужая – это он понял сразу, еще до того, как над собой увидел лежащего на лавке ратника с простреленной шеей. Судя по всему, кровь из пробитой шеи охоронца накапала начальнику Буну на лицо, благодаря чему стрельцы Первохода приняли его за мертвеца.

Хорошо.

Бун осторожно огляделся. Ни стрельцов, ни самого Глеба Первохода в зале не было. Голоса их раздавались наверху, в покоях Крысуна Скоробогата.

Бун поднялся на ноги. Голова его, оцарапанная пулей, еще чуть-чуть болела. Но за свою долгую жизнь Бун получал и не такие ушибы. Уже через полминуты он полностью забыл о своей ране.

Оглядевшись, он увидел Крысуна. Хозяин лежал на полу, возле помоста, и выглядел очень скверно. Скверно – не то слово. Хозяин выглядел мертвым. Очень мертвым.

С тоскою глядя на Крысуна, Бун, почти не отдавая себе отчета в том, что делает, опустил руку в карман, нащупал лежащий там предмет и произнес заклинание:

– Встань, хозяин! Вернись из царства Нави! Заклинаю именем темных богов Гиблого места – встань!

Прошел миг, другой – и вдруг Крысун зашевелился на полу. Расцарапанное, покрытое синяками лицо Буна вытянулось от изумления. Крысун приподнял голову, потом, издав протяжный, тяжелый хрип, сел на полу и уставился на Буна пустым, бессмысленным взглядом.

Бун поежился от страха. Голова Крысуна все еще была смята.

– Хозяин... – тихо окликнул Бун.

Голова Крысуна задергалась, и вдруг кости его черепа с треском начали расправляться. Крысун схватился за голову и приглушенно вскрикнул от боли. На лице Буна появилась испуганная улыбка.

– Я вернул тебя, хозяин! – негромко воскликнул он. – Я вернул тебя!

Наконец разбитые кости купца срослись, и череп его приобрел первозданный вид. Лишь подтеки крови да оставшиеся припухлости на лице свидетельствовали о том, что еще

минуту назад голова его была похожа на расплюснутую яичную скорлупу.

Поморщившись, Крысун облизнул губы и глухо, будто грудь его была придавлена камнем, проговорил:

– Как... – Голос, выходящий из перешибленной и вновь восстановленной гортани, еще плохо слушался его. – Как ты это... сделал?

Веки Буна дрогнули.

– Я был в Повалихе, – сообщил он. – И принес оттуда кой-чего.

– Что... – Крысун снова поморщился и потер пальцами горло. – Что принес?

Наверху слышались голоса. Начальник Бун тревожно поднял голову, вслушался, потом снова взглянул на Крысуна и сказал:

– Нам надо торопиться, хозяин. Скоро Первоход со своими людьми вернется. Если они увидят, что ты жив...

– Подай руку! – все еще морщась от боли, но уже овладев своим голосом, велел Крысун.

Бун помог ему встать.

– У меня странное чувство, – сказал Крысун, покачиваясь. – Будто я мертв, но вижу сон, что я жив.

– Ты и был мертв! – выпалил начальник Бун, но хозяин или пропустил его слова мимо ушей, или попросту не расслышал их. Он взглянул на Буна немного затуманенным взглядом, нахмурился и спросил:

– Что у тебя с головою?

Бун потрогал руками волосы. Пара темных клочков осталась у него в пальцах. Уставившись на выпавшие волосы, Бун растерянно вымолвил:

– Волосы падают.

Наверху снова слышался какой-то шум.

– Надо уходить, – сказал Бун.

Крысун глянул на его череп – кое-где лысый, кое-где волосатый – и неприязненно велел:

– Надень шапку.

Бун послушно поднял с пола шапку и нахлобучил ее на голову.

– А теперь помоги мне идти, – сказал Крысун. – Ноги еще плохо меня слушаются.

– Это пройдет, – ободряюще сказал ему начальник Бун. – Полчуда не бывает. Если чудо случается, то все целиком. погоди чуток – и станешь как новенький. Идем!

Он обнял хозяина за талию и, бережно поддерживая Крысуна, повел его к выходу.

4

Мрачно было на сердце у Глеба Первохода, когда он вернулся в Хлынь-град с подводами, груженными богатством Крысуна Скоробогата. Золото, серебро, самоцветы, драгоценные камни – казалось, всему этому нет числа.

Время от времени Глеб замечал, какими алчущими взглядами смотрят на подводы его стрельцы. Да и сам Глеб чувствовал себя легионером, возвращающимся из военного похода с богатой добычей. Не хватало только мешков с пряностями и закованных в колодки рабов.

– Прав ли я? – снова и снова спрашивал себя Глеб и не находил ответа.

Три часа спустя он задал тот же вопрос княгине, лежа с нею перед камином на мягком, пушистом персидском ковре, с серебряным кубком в руке.

– Прав ли я, Наталья?

– Ты сделал то, что должен был сделать, – сказала Наталья, задумчиво поглядывая на огонь. Затем чуть-чуть пригубила из своего кубка и перевела взгляд на Глеба: – Ты ведь не мог поступить иначе, правда?

– Правда, – признал Глеб. – Но если я прав, то почему мне так хреново?

Княгиня поставила кубок на низкий восточный столик, а сама прилегла Глебу на грудь

и погладила его узкой теплой ладонью по щеке.

– Это потому, что до сих пор ты проливал только кровь нелюдей и темных тварей. А теперь на твоём пути встали люди. Злые люди. Твои враги. Твое сердце сжимается от жалости к ним, но ты вынужден делать то, что должен. Ни одно благое дело не приживется, если оно не орошено кровью. Так устроен мир.

Высокий лоб Глеба прорезали морщинки.

– Получается, что я тоже приношу людей в жертву? – с горечью проговорил он. – Чем тогда я лучше ваших волхвов?

Княгиня покачала головой:

– Нет. Ты не такой. Если в стаде появилась больная овца, то нужно ее убить, пока она не заразила все стадо. Ты убиваешь только больных овец.

– Чтобы стадо процветало? – с горькой иронией спросил Глеб.

– Верно, – кивнула княгиня. – Люди – твоё стадо. А ты – их добрый Пастырь.

При слове «Пастырь» Глеб вздрогнул. Слишком свежа ещё была в памяти история другого Пастыря. Того, о котором вспоминать Глебу уж никак не хотелось. Он качнул головой и заявил:

– Пожалуй, мне нужно ещё выпить.

Подождав, пока он снова наполнит свой кубок вином, Наталья сказала:

– В мире правы только победители, Глеб. Только их люди не судят и не поносят площадной бранью. Люди любят победителей, даже самых кровожадных и темных из них, потому что втайне примеривают на себя их личину. Одобрять поступки сурового властителя, они словно купаются в темных лучах его славы. Словно прикасаются к тайному источнику его силы. Если ты станешь победителем, никто не посмеет сказать, что ты был жесток, Глеб. Но все скажут, что ты был справедлив.

– В твоих словах чувствуется презрение к людям, княгиня, – ответил на это Первоход. – Ты и на самом деле так сильно презираешь людей?

Глаза Натальи сузились.

– А за что мне их любить, Глеб? Если б не ты, бояре давно бы бросили меня на растерзание толпе. Кто-то должен ответить за все бедствия, постигшие княжество. Меня бы растоптали и разорвали на куски. Разве не так?

Глеб сдвинул брови и хмуро согласился:

– Пожалуй, что так.

Княгиня усмехнулась:

– Вот ты и ответил на свой вопрос.

Глеб задумался.

– Ну допустим, – снова заговорил он. – Допустим, что ты права, и людей стоит ненавидеть. Тогда зачем мы трудимся для них?

– Мы трудимся не для них, а для тех, кто грядет после. Трудимся, ибо надеемся, что грядущие люди будут лучше нынешних.

Глеб усмехнулся и снова поднес кубок к губам. Он чувствовал, что хмелеет, но не хотел останавливаться. Ему нравилось хмелеть. Некоторое время оба молчали, глядя на пляшущий в камине огонь. Потом княгиня негромко проговорила:

– Когда-то мне передали твои слова, Глеб. Ты сказал: если в мире нет ничего, кроме зла, приходится делать добро из зла.

Она провела узкой ладонью по волосам Глеба, потом нагнулась и поцеловала его в губы.

– Темные твари дрожат, едва заслышав твою мягкую поступь, Глеб. Всесильные бояре покрываются испариной от одного твоего имени. И мне это нравится.

– Бояре боятся не меня, а моего нынешнего положения, – возразил Глеб. – Я ведь теперь первый советник.

Наталья покачала головой:

– Нет. Они боялись тебя всегда. Даже когда ты был простым ходоком. Мне пришлось

назначить за твою голову награду, но и тогда никто не решился сгубить тебя. Многие в Хлынь-граде считают тебя сыном богов.

– Богов? – Глеб поморщился. – Каких еще богов?

– Богов Гиблого места.

Некоторое время Глеб размышлял над ее словами, затем досадливо дернул уголками губ, выплеснул в рот остатки вина и сказал:

– А, к черту! Не хочу больше об этом думать!

Отшвырнув кубок, Первоход повернулся к Наталье и порывисто обнял ее. Сорванная одежда полетела в стороны, тела их переплелись, губы слились в поцелуе...

После, когда они лежали, голые, согретые жаром камина и теплом друг друга, с распухшими от поцелуев губами, тяжело дыша и с трудом переводя дух, от двери послышался какой-то шум, а потом громкий голос советника Кудеяра окликнул:

– Княгиня!

Наталья подняла голову и взглянула в сторону двери, от которой их заслоняла китайская шелковая ширма.

– Тебе чего, Кудеяр? – хрипло крикнула она.

– Прости, что потревожил, пресветлая княгиня! Мне нужен советник Перво...

Кудеяр замолчал, увидев отражение Глеба и Натальи в серебряном зеркале. Отражение было неясным и зыбким из-за колеблющегося пламени камина, но Кудеяр увидел все, что нужно. И все понял. Он отвернулся и прогудел странным, севшим голосом:

– Я буду ждать Первохода в малой горнице.

Затем повернулся и на негнущихся ногах вышел из комнаты.

– Кажется, мы попались? – усмехнувшись, сказал Глеб.

– Да, – отозвалась княгиня. – Похоже на то.

Глеб погладил голую руку княгини и с улыбкой заявил:

– Последний раз я чувствовал себя так неловко в детском саду, когда воспитательница застукала меня за поеданием зубной пасты.

Наталья повела плечами и сказала:

– Кудеяр влюблен в меня.

– Влюблен? – Глеб приподнялся на локте и удивленно взглянул на нее. – Ты не шутишь?

Княгиня покачала головой.

– Нет, не шучу. Он влюблен в меня много лет.

– Черт! – с досадой проронил Глеб. – Нехорошо получилось. Как же я сам этого не заметил? Подожди... – Глеб снова устремил взгляд на Наталью. – Между вами что-то было?

Княгиня отвела взгляд.

– Нет. То есть... почти было. Но я вовремя остановилась и прогнала его. Я велела ему забыть о том, что между нами произошло.

– И он послушался?

Наталья откинула с лица мягкую длинную прядь волос и кивнула:

– Да.

– Почему же ты его прогнала?

– Потому что это было неправильно, Глеб. Егра был уже мертв, но его тень постоянно витала надо мной. Для меня князь не умирал. И умер только теперь, когда ты вошел в княжий терем и стал здесь главным распорядителем.

Глеб задумчиво нахмурился. Посмотрел на огонь камина, потом покосился на Наталью.

– Значит, с тех пор вы ни разу...

Наталья покачала головой:

– Нет. Кудеяр мой советник, Глеб. А я – его княгиня.

Минуту Глеб обдумывал услышанное, затем усмехнулся и заявил:

– Кажется, я только что потерял друга и нажил себе нового врага.

Наталья взяла его за руку, посмотрела ему в глаза и сказала:

– Не омрачай чела такими мыслями, Глеб. Кудеяр предан мне. И он обожает тебя. Он знает, что только ты можешь спасти княжество от уничтожения. Что бы ни случилось, он будет делать то, что ты прикажешь.

– Дай бог, чтобы так и было.

Глеб высвободил руку из пальцев Натальи и поднялся на ноги. Княгиня посмотрела снизу вверх на его мускулистую, гибкую фигуру, скользнула взглядом по шрамам, испещрившим смуглую кожу, и сказала:

– У тебя тело воина и душа правителя, Глеб. Ты рожден, чтобы быть первым.

Глеб молча поднял с пола одежду и стал одеваться. Ему все еще было не по себе от признания Натальи. Кудеяр был отличным парнем и умелым, преданным помощником, и ссориться с ним Глебу страшно не хотелось.

– Пойду, узнаю, что ему нужно, – проворчал Глеб, натягивая куртку. – Этот лукавый ангел любую новость преподносит как предостережение.

– Он переживает за наше дело, – сказала Наталья.

– Да. Знаю.

Глеб наклонился, поцеловал княгиню в губы, затем выпрямился, повернулся и, хмуро сдвинув брови, зашагал к двери.

* * *

Советник Кудеяр ждал его, сидя в массивном резном кресле, подперев подбородок кулаком и хмуро о чем-то размышляя. Заслышав скрип двери, он вздрогнул и взглянул на вошедшего Глеба.

– Ты пришел, – тихо сказал он.

– Да, – ответил Глеб, притворяя дверь. – Ты ведь хотел меня видеть.

Он прошел в горницу и сел в другое кресло, накрытое пятнистой рысей шкурой. Взглянув на шкуру, Глеб усмехнулся:

– Большая была рысь. Думаю, понадобилось много труда, чтобы выследить и убить ее.

– Да. Наверное.

Несколько секунд мужчины молчали, потом Глеб слегка подался вперед и негромко проговорил:

– Кудеяр, то, что ты видел в спальне княгини...

– Я не хочу это обсуждать, Первоход, – оборвал его Кудеяр. – То, что между вами, касается только вас.

– Да, но Наталья сказала, что вы с ней...

– Я всего лишь советник, – снова перебил Кудеяр. – Я выполняю то, что мне велит княгиня. – Он чуть прищурил голубые глаза и договорил: – И то, что мне велишь ты, Первоход, ибо ты – мой начальник.

Глеб отвел взгляд и, нахмурившись, предложил:

– Ладно. Тогда постараемся обо всем забыть.

Быстро покосившись на Кудеяра, Глеб успел перехватить его взгляд. «Может быть, ты и забудешь. Но я – никогда», – говорили в этот миг глаза Кудеяра. Однако уже в следующую секунду советник снова смотрел на Глеба спокойно и невозмутимо.

– Итак, зачем ты позвал меня? – спросил Глеб.

– После гибели Крысуна ты сказал, что пришло время разобраться с бурой пылью. Помнишь?

– Конечно.

– Я об этом много думал.

– И что же ты надумал, Кудеяр?

Белокурый советник сдвинул брови и спросил:

– Ты собираешься закрыть блажные дома, не так ли?

– Так, – кивнул Глеб. – Бурая пыль иссушает мозги и превращает людей в дурней.

– Слова твои правдивы, Первоход. Но ведь дурнями легче править. Князь Егра любил это повторять.

Глеб дернул щекой:

– Твой князь Егра сам был дурнем, раз так говорил.

Советник Кудеяр вздохнул и медленно покачал головой:

– Не говори так о покойнике, Первоход. Не серди его духа.

– Да мне плевать на его дух! Мы закроем блажные избы и изымем у купцов и перекупщиков всю бурую пыль!

– Ее все равно будут добывать, – возразил Кудеяр. – Не прямо, так исподтишка.

– Не будут. Об этом я позабочусь. Или ты сомневаешься в моей силе?

Кудеяр потупил взгляд.

– Ты ходок, тебе видней, – тихо сказал он. – Однако, закрыв блажные дома, ты настроишь против себя людей.

Глеб нахмурился и раздраженно заявил:

– Хватит пугать меня народом. Ваш народ темен и забит, и я не собираюсь под него подстраиваться. Если ты видишь, как человека засасывает трясина, ты протянешь ему руку и поможешь выбраться, разве не так?

– А ежели черная трясина для него – дом родной? – чуть прищурившись, осведомился Кудеяр.

– Тогда я научу его жить в новом доме, чистом и светлом! – холодно отчеканил Глеб. – И больше я не собираюсь об этом спорить, Кудеяр. Блажным избам в городе не быть. Равно как и тем, кто их содержит. Хотят и дальше впаривать людям «дурь» – пусть выметаются отсюда и валят в Порочный град. А не выметутся – лишатся голов. Я сказал!

5

Роскошный расписной возок (все, что осталось от богатств Крысуна) катил, громыхая, по дороге. На улице было темно, на небе повылазили звезды и смотрели на двух седоков своими холодными, безразличными глазами.

Лежащий в возке человек стянул с лица край огромной медвежьей шубы, укрывавшей его от ветра, приподнял голову и взглянул на спину возницы.

– Бун, – тихо позвал он. Затем окликнул чуть громче: – Бун!

Начальник охоронцев Бун обернулся и сверкнул зубами.

– Пришел в себя? Это хорошо!

Он снова повернулся к мерно бегущим лошадкам и продолжил править возком. Крысун Скоробогат огляделся. Луна серебрила мерзлую землю по обе стороны дороги, справа тускло поблескивали редкие желтые огоньки окон.

– Куда ты меня везешь, Бун? – хрипло спросил Крысун.

– В Повалиху, – не оборачиваясь, громко ответил Бун. – У меня там родичи.

– Это те, которых ты навещал на прошлой седмице?

Начальник охоронцев кивнул:

– Да.

Крысун наморщил сухой лоб, подумал немного и с сомнением проговорил:

– Ты, кажется, рассказывал, что в Повалихе происходит что-то неладное?

Бун повернулся к Крысуну вполборота:

– Нет, хозяин, ты плохо меня понял. Я сказал, что в Повалихе творятся странные вещи.

– Какие еще вещи?

Бун усмехнулся в короткую, неровно стриженную бороду и ответил:

– Чудеса!

Крысун облизнул языком сухие губы. В голове у него все еще шумело, но постепенно он приходил в себя. Лицо пощипывало от ветра, хотя вечер был неморозный.

Крысун усилием воли заставил разбегающиеся мысли собраться воедино. Он вспомнил,

как Первоход пришел в кружало, как его дружинники открыли пальбу по охоронцам и как потом один из стрельцов ударил Крысуна по голове чем-то тяжелым.

При воспоминании об этом страшном ударе в голове у Крысуна снова зазвенело, и он почувствовал легкую тошноту.

– Как ты себя чувствуешь, хозяин? – услышал Крысун голос Буна.

Он разлепил губы и ответил:

– Уже лучше. Но мне все еще нездоровится. Меня здорово ударили по голове.

Начальник Бун глянул на Крысуна через плечо и усмехнулся, блеснув в лунном свете полоской крепких зубов.

– Это еще мягко сказано, Скоробогат. Видал бы ты себя со стороны, сильно бы удивился.

– О чем это ты? – не понял Крысун.

– Стрелец размозжил тебе голову! Расплющил ее, как пустой орех!

Крысун поморщился. Звонкий голос Буна раздражал его так же, как нелепые глупости, которые неслись с языка охоронца.

– Что ты мелешь? – грубовато проговорил Крысун. – Разве не видишь: моя голова цела.

– Это она сейчас цела. А когда ты лежал на полу, Скоробогат, я видел твои мозги!

Бун засмеялся странным, жутковатым смехом, а Крысун снова потрогал голову – на всякий случай.

– Ты точно спятил, Бун, – неприязненно произнес он затем. – Твоя-то собственная голова цела? Ты говоришь так, будто тебе самому вышибли палкой мозги.

Начальник Бун усмехнулся, взялся рукой за шапку и приподнял ее с головы. Пряди волос посыпались ему на плечи, но он этого, похоже, не заметил.

– Видал? С моей головой все в порядке, Скоробогат. И с твоей теперь тоже.

Нахлобучив шапку, Бун снова повернулся к храпящим, изрыгающим горячий пар лошадям.

– Первоход отнял у меня все, что я имел, – тихо сказал Крысун после паузы.

– Это так, – не оборачиваясь, согласился Бун. – Но ты заберешь у него свое богатство. И наградишь меня за помощь.

Крысун посмотрел на широкую спину Буна и усмехнулся:

– Похоже, вместе с волосами ты потерял и остатки разума, бедняга Бун. Теперь, когда у Первохода есть убойный отряд, он непобедим.

– Да ну? А я вот думаю иначе.

Крысун почувствовал раздражение и хотел выругаться, но тут начальник охоронцев свернул сани с наезженной дороги на широкую тропу. Крысун привстал и встревоженно огляделся.

– Зачем ты свернул? – подозрительно спросил он. – К Повалихе нужно ехать прямо.

– Мы заедем в Хлынь, – не оборачиваясь, отозвался Бун.

Крысун поежился от порыва ветра и удивленно воззрился на своего старшего охоронца.

– Зачем это? – хрипло спросил он.

Бун несколько секунд молчал, хмурия лоб, потом пожал плечами и ответил:

– Да ведь я и сам толком не знаю.

Глаза Крысуна грозно прищурились.

– Что это значит, Бун? Я тебя не понимаю.

– Я что-то чувствую, – сказал тогда старший охоронец таким голосом, будто и сам себе удивлялся. – Что-то зовет меня, хозяин. Будто бы тихий голос, но он... Он в моей голове.

Крысун строго нахмурился, но вдруг что-то выхолодило ему грудь. А вслед за тем в голове его зазвучал тихий, почти неразличимый голос, и голос этот был голосом самого Крысуна. Будто бы Крысун раздвоился и говорил сам с собой со стороны. Слов было не различить, но голос звучал призывно и тоскливо, как звучит голос ребенка, упавшего в колодезь.

Крысун взмок от страха и тяжело задышал. Дыхание вырывалось из его легких с

шумом кузнечных мехов, исподняя рубашка промокла от пота.

– Я тебя не понимаю, Бун! – резко проговорил он, пряча за грубостью испуг и почти с ненавистью глядя на спину охоронца. – Ты говоришь о человеке?

Охоронец Бун глянул на хозяина через плечо и ответил:

– Может быть. – Потом повернулся к лошадям и, легонько стеганув коренника по крупу, прикрикнул: – Н-но, пошли!

6

Начальник охоронцев Бун не врал, когда рассказывал Крысуну про чудеса, которые повидал недавно в Повалихе. Чудеса были. И начались они в ту секунду, когда его конь переступил рассеченный тропинкой надвое бугор, служащий северной границей села.

У покосившегося верстового столба, неведомо кем вкопанного перед бугром, стоял голый мужик и мусолил беззубыми деснами корку хлеба. Мужик был лыс, как колено, и худ.

Бун сначала опешил, а потом, нахмурившись, спросил:

– Ты чего, мужик? Чего голый на морозе?

Мужик прищурился на Буна, потом усмехнулся беззубым ртом и ответил:

– А я теперь холоду не боюсь.

Потом снова сунул корку в рот, пытаясь отгрызть от нее деснами размякший кусок.

– А зачем грызешь корку, коли зубов нет? – удивленно спросил Бун.

– Десны чешутся, – объяснил мужик. – Видать, зубы новые растут.

Мужик запрокинул голову и засмеялся странным лающим смехом, от которого по спине Буна пробежал неприятный холодок. Бун еще немного посмотрел на странного мужика, потом нахмурился, пожал плечами и, прищипорив лошадку, направил ее к дому своего родича – дядьки Лешика.

Час спустя Бун сидел в горнице Лешика, хлебал ложкой молоко, закусывая его черным хлебом, и разговаривал с дядькой о последних новостях. Внезапно, прямо посреди разговора, охоронец Бун вспомнил про странного мужика. Он прервал на полуслове рассказ о новом советнике княгини Натальи и сказал:

– Это самое, дядька Лешик... Там у вас какой-то дурень голым на морозе стоит. И корку хлебную грызет. Прямо у бугра.

– Правда? – ничуть не удивившись, проговорил дядька Лешик.

– Ну.

Дядька, подбирая со стола хлебные крошки и бросая их в рот, небрежно заявил:

– Плюнь и забудь. Мало ли дуралеев на свете. Так что там, ты говоришь, у него за посох, у советника-то этого? И впрямь плюется огнем?

– Да, – кивнул Бун. Хлебнул с ложки молока и добавил: – Называется ольстра.

– Гм... – Дядька Лешик прищурил морщинистые глаза. – Крутенько он за вас взялся. Да я о нем тоже слышал. Наши-то поговаривают, что скоро и до Повалихинских земель этот Первоход доберется. Говорят, землю нашу перепаживать решил. Зачем ему это? Али золото какое ищет?

– Не знаю, – ответил Бун. – Может, и ищет, но нам того не говорит. Говорит, что хочет новую жизнь устроить.

– Вот оно как, – протянул дядька Лешик. – погоди. А что твой-то, Крысун Скоробогат? Тоже Первохода боится?

Бун усмехнулся и покачал головой:

– Крысун никого не боится. А только опасается. Первоход до него еще не добрался. А я так думаю, что и не доберется. Крысун Скоробогат – не какой-нибудь купчик или боярчик. Под его властью весь Порочный град. Тайники его забиты золотом и самоцветными камнями, а подвалы полны хлеба, кож, копченого мяса и заморских вин. С таким-то поди совладай.

Дядька Лешик улыбнулся и посмотрел на племянника ласковым взглядом.

– Верен хозяину-то, а?

– Верен, – кивнул Бун. – Он меня с улицы к себе взял, с переломанными костями. Узнал, что я бывший воин, выходил, на ноги поставил. А после помог с обидчиками моими разобраться.

Дядька Лешик вздохнул:

– Да, это я помню. Ты говорил, что было их не меньше дюжины. Верно?

Охоронец Бун кивнул:

– Угу. Но я бы и с дюжиной совладал, кабы они мне меч в спину не воткнули. Я, как на ноги поднялся, сразу отправился их искать. Всех нашел и всех убил. Сам, один. И бой принимал только лицом к лицу. Ни одному из них меч в спину не воткнул.

– Оно, конечно, правильно, – согласился дядька Лешик. – Но иной раз и в спину мечом кольнуть не грешно. Ты Крысуну-то служи. Коли он сам силен будет, то и тебя не бросит. А коли ослабнет...

– Не ослабнет, – твердо сказал Бун и стукнул по столу кулаком. – Со мной – не ослабнет.

Вечером того же дня после обильных возлияний отправились они с дядькой Лешиком по селу на прогулку. Погода стояла неморозная, вечер выдался лунный и многозвездный. В такую погоду погулять – одно удовольствие.

В одной из больших изб Бун увидел огни. Света было столько, что он бил из всех окон.

– Чего это там? – удивленно спросил Бун. – Чего попусту свет-то жгут?

– Тятр, – коротко и непонятно ответил дядька Лешик.

– Как?

– А так. Скоморохи лицедействуют, – объяснил дядька Лешик. – Хошь, зайдем.

Бун постоял немного возле избы в нерешительности, но заметил вдруг двух молодых бабенок, подошедших к избе с другой стороны, приосанился и лихачески проговорил:

– А и зайду! Чего ж не зайти?

И первым зашагал к избе.

То, что произошло затем в избе, поразило охоронца Буна до глубины души. Народищу там была тьма. Должно быть, набилось полсела, и непонятно, как изба не развалилась от такого натиска по бревнышку. Но дело было не в народе, а в скоморохах.

Великий Сварог, что они вытворяли!

Вначале Бун думал, что во всем виновата медовуха. Но потом, когда один из скоморохов сорвал с черепа лицо и швырнул его Буну, а взамен у скомороха выросло новое – вот тут-то он во все и поверил, да так, что чуть не обделался от страха.

А дядька Лешик все хохотал, все тыкал Буна кулаком в плечо и все приговаривал:

– Как, скажи, а? Нет, ну как?

– Да... никак, – выдавил из себя Бун, пытаясь ухмыльнуться. – Коли бы ты мне девицу голую показал... А так...

Вдруг дудки скоморохов умолкли, и все они (а было скоморохов семеро) уставились на охоронца Буна холодными, неподвижными глазами. Умолк и гул голосов. Теперь на Буна смотрели не только скоморохи, но и сельчане. Молча, внимательно, напряженно. Несколько десятков пар глаз сверлили лицо Буна взглядами, от которых ему, в конце концов, сделалось нехорошо.

Бун рассердился и потянулся за мечом, висевшим на перевязи, но сельчане тут же отвернулись от него, а скоморохи сбросили оцепенение и вновь задудели в свои дудки. Прошло не меньше минуты, прежде чем Бун смог немного успокоиться. Но тут случилось новое чудо – один из скоморохов, безобразный, лысый, беззубый, вдруг стал превращаться в девку.

Девка была странная. Высокая, худая, лысая. Но когда она подошла к Буну, уселась ему на колени и положила ему руки на плечи, он почувствовал, как в голову ему ударил жар.

– Оставайся с нами! – сказала она.

– Оставайся с нами! – ударил в уши Буну хор голосов.

В ушах у Буна застучало, глазам стало жарко. Девка посмотрела на него красными глазами, лишенными ресниц и бровей, а потом вдруг запрокинула голову и захохотала. Глеб содрогнулся от этого хохота, а потом содрогнулся снова, когда понял, что зубов у девки нет.

Девка со смехом соскользнула с колен Буна и вдруг закрутилась на месте. Она крутилась все быстрее и быстрее и вскоре раскрутилась так сильно, что почти растворилась в воздухе, и Бун мог видеть сквозь нее.

Все завертелось перед глазами у Буна, к горлу его подкатила тошнота. Он вскочил на ноги и бросился вон.

– Куда ты? – крикнул ему вдогонку дядька Лешик.

– На воздух! – рявкнул Бун и побежал к выходу, наступая на чужие ноги и сбивая локтями шапки с голов. С голов, многие из которых, к изумлению Буна, оказались такими же лысыми, как была у голого мужика, жующего хлебную корку подле верстового столба.

Морозный чистый воздух помог ему отдышаться. Когда Бун повернул голову к страшной избе, он увидел, что дядька Лешик стоит рядом с ним и смотрит на него глазами, полными участия и сочувствия.

– Как это все делается? – хрипло спросил Бун. – Откуда оно взялось?

Дядька прищурился:

– Ты про чудеса?

– Ну!

– Скоморохи принесли. Забрали к нам несколько седмиц назад да тут и остались.

– Откуда ж они прибыли?

– А кто ж их знает. Говорят, издалека.

Бун наклонился, зачерпнул ладонью снег и протер им пылающее лицо.

– Отчего они все лысые и беззубые? – хмуро спросил он.

– Кто ж их знает, – повторил дядька Лешик, и голос его показался вдруг Буну странно чужим, незнакомым.

Бун нахмурился.

– Тот мужик у бугра тоже был лыс и тоже мусолил корку пустыми деснами, – сказал он. – Уж не из скоморохов ли он?

– Нет, – сказал дядька Лешик. Помолчал и неохотно добавил: – У нас нынче многие лысеют. Должно быть, какая-то зараза.

Некоторое время они молчали, выдыхая в морозный воздух облачка пара и не глядя друг на друга. И вдруг дядька Лешик тихо проговорил:

– Слышь-ка, племянш. А я ведь теперь и сам так могу.

– Чего можешь? – не понял Бун.

– Да вот это – чудеса творить.

Бун посмотрел на дядьку, как на сумасшедшего.

– Как это?

– Да просто. – Тот улыбнулся, поднял голову и посмотрел на луну. – Ты когда-нибудь с луной разговаривал?

«Вот оно что!» – подумал Бун и облегченно вздохнул.

– По пьяной лавочке часто, – сказал он с ухмылкой. – А что?

– «По пьяной», – обиженно повторил дядька Лешик. – А она тебе отвечала?

Бун, скрывая усмешку, покачал головой:

– Не, так сильно я не напивался. А ты чего спрашиваешь-то? С тобой, что ли, разговаривала?

Дядька Лешик улыбнулся и как-то странно ответил:

– Она и сейчас со мной говорит. Нешто ты не слышишь?

Сказано это было таким голосом, что Бун тоже невольно поднял голову и воззрился на желтую круглую луну.

Луна как луна. Бун уже хотел отвести взгляд, но вдруг ему показалось, что у луны есть рот и что рот этот что-то протяжно произносит – не то поет, не то еще что. И было бы это

почти хорошо, но вдруг Бун понял, что луна похожа на лысую голову, а черный рот ее так же беззуб, как это было у скоморошьей девки и у мужика, что грыз подле верстового столба хлебную корку.

Бун испуганно отвел взгляд. На сердце у него стало так тоскливо, что хоть волком вой. Бун повел широкими плечами и сказал таким голосом, будто убеждал себя, а не дядьку Лешика:

– Чушь это все. Луна не может с тобой говорить.

– Но ты ведь слышал.

– Ничего я не слышал! – раздраженно возразил Бун. – И скоморохи твои вруны. Все их чудеса – одна лишь мнимость. Зря я в вашу срамную избу пьяным пошел. На трезвую голову никогда бы не купился.

Дядька угрюмо помолчал, потом сказал:

– Про луну я тебе не соврал. И все чудеса, которые ты видел, были истинные. Их у нас, в Повалихе, теперь многие могут делать. Ежели хочешь посмотреть, могу...

– Охлони, дядька Лешик, – поморщившись, проговорил Бун. – Хватит уже. Да и пора мне.

В то же утро, едва рассвело, Бун покинул Повалиху. На прощание дядька Лешик сунул ему в руку какую-то вещь:

– Держи. Это тебе мой дар.

– На что мне? – нахмурился Бун.

– Бери-бери. Лишней не будет. Не понравится, кому подаришь.

Бун оглядел вещь, пожал плечами:

– А что мне с ней делать-то?

Дядька помолчал, потом негромко спросил:

– Ты в чудеса веришь, Бун?

– Ходоки говаривают, что чудеса в Хлынском княжестве случаются, но ноги у всех этих чудес растут из Гиблого места.

Дядька Лешик как-то странно посмотрел на Буна и недовольно вымолвил:

– Что ж в этом плохого?

– Ничего.

– Так возьмешь?

Бун уже полтора года жил в Порочном граде, недалеко от Гиблого места, а потому привык с недоверием относиться к новым, непонятным вещам. И еще два правила твердо знал охоронец Бун: за все в жизни приходится платить. За что-то раньше, за что-то позже, но приходится всегда. И у всего на свете, даже у самой распрямной вещи, есть своя мрачная изнанка.

Впрочем, похмелье помешало Буну сосредоточиться на этих мыслях. А тут еще и дядька Лешик смотрел на него мягким, выжидающим взглядом. Увидев, что племянник колеблется, он сказал:

– Чудо стучится к тебе, Бун. Просто открой ему дверь.

Бун вздохнул и сунул вещицу в карман.

Когда он уезжал из села, то обратил внимание на людей, которые ходили по улицам. Они были молчаливые и изумленные, будто бы слегка пришибленные, старались не смотреть друг на друга, боязливо прятали глаза, а разминувшись, то и дело провожали друг друга подозрительными, а то и просто испуганными взглядами.

«Странно все это», – подумалось Буну, но мысль эта отозвалась в голове похмельным колоколом, и он быстро прогнал ее, как пустую и мешающую жить.

* * *

Расписной возок, подскочив на ухабе, въехал в Хлын-град. Вскоре он уже катил по главной улице, а Крысун, поеживаясь от ветра и кутаясь в медвежью шубу, сонным взглядом

глядел по сторонам. Ему все еще слегка нездоровилось. Чесалась кожа на голове, да и зубы как-то странно ныли.

– Ну? – недовольным голосом окликнул он начальника Буна. – И что говорит тебе твое чутье?

– Оно говорит, что мы уже близко, – ответил Бун. Затем поднял руку, указал на большую темную избу, стоявшую немного на отшибе, и взволнованно произнес: – Это там!

Крысун вытянул голову и поглядел, куда указывал охоронец.

– Ты сбрендил? Это ведь блажная изба!

– Верно, – бодро кивнул Бун, чему-то улыбаясь. – Она-то нам и нужна! Зайдем туда на часок, а потом двинем в Повалиху.

Крысун поежился и хмуро заявил:

– Я совсем перестал тебя понимать, охоронец. Или отдай мне поводья, или объясни толком: что мы забыли в Повалихе?

– Мы едем в Повалиху за чудом, хозяин, – ответил охоронец.

Крысун поморщился:

– За чудом надо ходить в Гиблое место, Бун. Но я скорее наемся гвоздей, чем пойду туда. Да и довольно с меня чудес.

Бун улыбнулся туманной, мечтательной улыбкой:

– Это чудо тебя не утомит, хозяин. Оно поможет нам избавиться от Первохода.

– Это как же, интересно знать?

Бун повернулся, глянул на хозяина странным блестящим взглядом и сказал:

– Так же, как помогло мне оживить тебя, когда ты был мертв.

Глава четвертая

1

Въехав в Онтеевку, расписной возок остановился у избы старосты, но сходить с возка никто не спешил. Сидели в возке двое. Первый – боярин в собольей шапке. Боярин был невысокий, но крепкий и широкий в кости. Рядом с ним сидел старик в хламиде и с посохом, суровый, хладноглазый, похожий на волхва. Возок был с кожаным верхом, прикрывающим седоков от снега, но сейчас верх был опущен.

Едва возок остановился, как с него тут же прыгнули пятеро ратников, вооруженных мечами и бердышами. Спрыгнув, они встали по бокам возка, зорко и спокойно глядя по сторонам.

Прошло не меньше минуты, прежде чем дверь избы, в которой проживал староста, открылась, и сам староста – взволнованный, перепуганный, в шубе, наброшенной прямо на исподнее, и в шапке, нахлобученной вкривь, – выскочил из избы и побежал по протоптанной в подтаявшем снегу тропке к возку.

– Добрые господа, милости прошу! – выдохнул он, еще не добежав до возка, и даже попытался отвесить на бегу поклон, но не удержал равновесия и бухнулся лицом в лужицу.

Боярин засмеялся. Ратники сдержанно усмехнулись. И только старик-волхв остался суров и недоволен.

– Насмешил, молодец! – смахнув с глаз выступившие от смеха слезы, сказал боярин, глядя на то, как староста неуклюже выбирается из талого ноздреватого снега. – Специально ведь в лужу бухнулся, скоморох!

Староста поднялся, стер с лица грязь и с подобострастной улыбкой проговорил:

– Прощеньица просим, добрый боярин. Спешил как мог.

– Я вижу. Небось спал?

– Было дело, – виновато проговорил староста. – Три дня без продыху на стройке работал, уморился.

– «Уморился», – передразнил боярин. – Небось лежал на печи да жене бока мят? Гляди у меня!

Староста, мужик крупный и широкоплечий, поежился и проблеял:

– Добрый господин, я...

– Ладно, не оправдывайся, – небрежно проронил боярин и вновь смахнул с глаз слезу.

Староста облегченно перевел дух. По всему было видать, что настроен боярин благодушно. Староста поправил шапку и осторожно спросил:

– Зачем пожаловал в нашу глухомань, боярин? Весна нынче теплая, но ветры дуют злые. Охота тебе было до нас мерзнуть?

– Охота, раз приехал. – Боярин огляделся, затем снова устремил взгляд на старосту и сказал: – Собери мне людишек, поговорить хочу.

По лицу старосты пробежала тень, взгляд стал тревожным. В последние месяцы каждый визит домовых бояр в Онтеевку был чреват большими тяготами и заботами. Оно, конечно, изредка на санях и подводах привозили хлеб да сушеные плоды, но чаще ничего не привозили, а просто объявляли о новом указе. Указы, по большей части, были страшные.

То прикажет княгиня строить «школы». То какие-то «мануфактуры». То «мастерские». Мужики уж и так валились с ног от работы, а ее, работы этой, все не убывало. Недели три назад половину сельских мужиков по приказу первого советника Первохода отправили на отливку пушек. В первый же день два мужичка погибли. Один обжегся раскаленным железом, а на другого упала деревянная балка.

Чудные дела творились в княжестве. Чудные и жуткие.

Немного подождав, не пояснит ли боярин чего сам, староста осторожно спросил:

– А что случилось-то, боярин? Или прогневили мы тебя чем? Если прогневили, так то не со зла. Людишки мои последние недели трудятся без устали. Одна смена отдыхает, другая работает. Как Первоход сказал, так и делаем.

При упоминании о Первоходе боярин нахмурился и как будто бы слегка поморщился. Это не укрылось от зорких глаз старосты, и он озабоченно и растерянно повел плечами. «Уж нет ли в княжьем тереме новых перемен?» – пронеслось у него в голове.

– Я сюда приехал не гневаться, – сказал боярин. – Но ежели ты, раззява, тотчас же не соберешь мне людишек, я прикажусыпать тебе дюжину плетей.

Несмотря на спокойный тон, каким это говорилось, староста перепугался не на шутку. Таким же вот спокойным и невозмутимым голосом домовые бояре частенько отправляли смердов и мастеровых людишек на дыбу.

– Слушаемся, – хрипло выдохнул староста. – Тотчас же соберу!

Не медля более ни секунды, он повернулся и побежал по селу собирать людей.

* * *

Собрать народец удалось быстро. Мужики и бабы выходили из домов осоловелые после недолгого сна.

– Чего там? – спрашивали они друг друга, видя у избы старосты столпившихся сельчан. – Что там такое?

– Говорят, от князя хлебы привезли!

– Ой ли!

И сапоги да валенки быстро, наперегонки сенили по грязному талому снегу.

– А ну-ка, дай протиснуться! – кричали у возка.

– Я тебе щас протиснусь! Куда прешь, мордатый!

– От мордатого слышу!

– Да будет вам лаяться! – примирял всех добродушный голос. – Нету нынче мордатых. Все мы по голодному времени отощали да обезмордели.

Кто-то хрипло хохотнул. Толкаться, однако, не перестали. Те, кто напирал сзади, не видели того, что передних сдерживают скрещенными бердышами ратники. Кто-то из задних

задорно крикнул и подтолкнул, а кто-то из передних, не выдержав напора, налетел на клинок охоронца. На мокрый снег закапала алая кровь.

Столпотворение и голодный ропот прервал сам боярин. Он резко поднялся в возке и крикнул:

– А ну – осади! Осади, сказал! Осади, а не то – вот я вас!

Грозный громогласный окрик заставил сельчан остановиться и разинуть рты. Такого, чтобы хлебы привозил сам боярин, еще не бывало.

Боярин еще пару раз прикрикнул, окончательно усмиряя сонную, растерянную толпу, затем выдержал паузу и, когда последний ропот утих, громко спросил:

– Ну что, общиннички? Как вам нынче живется-бытуется?

Один из сельчан, седовласый старик, близоруко прищурившись, спросил:

– А ты кто, господин хороший?

Боярин взглянул на него, усмехнулся и ответил:

– Я бывший советник княгини Натальи по селянским делам. Боярин Иловой. Нешто вы меня не помните?

– Я тебя помню, боярин, – сказал один из протиснувшихся вперед сельчан. – Давно мы о тебе не слышали.

– Верно, давно. Так как вам живется? Довольны ли своей жизнью?

– А ты для кого спрашиваешь? Для себя или для нового советника княгини?

– Для себя. Советнику Первоходу я не друг.

– Чего ж так?

– Да вот так. Не сошлись мы с ним. Все его перемены мимо меня идут и прямо к вам приходят.

Мужики переглянулись:

– Так ты, стало быть, супротив?

– Супротив чего? – вскинул темную бровь боярин. – Про что вы?

– Да про перемены-то эти, – неуверенно проговорил крестьянин.

Боярин посмотрел на него внимательным взглядом.

– А я никогда не любил перемен, паря. Делать большую перемену – это как перегибать человека об колено. Коли хребет крепкий – выдержит, а коли нет – хрусть, и нет больше человека.

– Верно говорит боярин! – крикнул кто-то из задних.

– Правильно! – подтвердили впереди. – Уж который месяц хрустит Первоход нашими хребтами, и конца и краю сему мучению не видно!

Боярин Иловой пригладил ладонью курчавую бороду, одобрительно хмыкнул и уточнил:

– Значит, недовольны вы Первоходом?

Сельчане замолкли и настороженно и недоверчиво уставились на боярина, будто вдруг вспомнили об осторожности. Боярин улыбнулся:

– Да вы не бойтесь. Или не знаете, что Первоход за правду никого не карает?

– Про то мы слышали.

– Ну так и говорите правду.

– Дайте я скажу! – Сельский плотник Хвилибуд выдвинулся вперед. – Ты спрашивал, не худо ли мы живем? Так вот – худо! С утра до ночи работы. То скатываем из бревен новые стройки. То льем пушки да круглые ядры. Животы с голодухи сводит, а нам все твердят – потерпите еще немного, скоро у вас все будет.

– Заставляют тереться в бане поташным мылом, – пожаловалась какая-то баба. – Тьфу, гадость!

– Запрещают рубить и расчищать лес под пшеницу, – проблеял тощий парень. – Ныне урожаи жидкие, а коли так пойдет и дальше, скоро совсем останемся без посевных угодий.

– А *его* стрельцы лютуют. Коли что не по ним, враз достают свои мушкеты и мечут громы и молнии.

– А еще он уводит наших женок и деток в свои школы и учит их там плохому, – пробубнил сутулый, опухший от сна или от бессонья мужичок. – Дети старых богов не почитают. Все твердят о каких-то Машинах и Природных Законах.

– Мои тоже, – подтвердил другой.

– И мои! – крикнул третий. – Намедни во время грозы мой постреленок не то что на колени не бухнулся, а даже главу не преклонил. Стоял, смотрел на тучи и ухмылялся. А после сказал, что нет никакого Перуна, а есть Елетричество.

– Это не наши боги!

– Это не наша жизнь!

– Не то нам завещали наши деды и прадеды! Ежели так пойдет и дальше, боги совсем от нас отвернутся. И тогда не миновать великого мора.

Боярин Иловой поднял руку и веско произнес:

– Слушайте меня, люди! Делайте то, что приказывает Первоход. Делайте так, чтобы он видел. И чтобы поверил, что вы смирились. Но помните – придет и наш час. И когда он придет – выступим все разом.

– Что ж нам, просто сидеть и ждать? – спросил кто-то дрожащим от волнения голосом.

Боярин усмехнулся и покачал головой:

– Нет, не просто. Вооружайтесь мечами и копьями. Куйте себе мечи. Я дам вам денег, сколько нужно.

– Так ведь запрещено поселянам иметь оружие, – возразил сельский кузнец. – Еще старый князь Аскольд запретил.

Иловой взглянул на сидящего рядом волхва. Тот нахмурился, ударил посохом в пол и величественно изрек:

– Сие оружие послужит благому делу! Это говорю вам я, волхв Чтибогх, чьими устами глаголет сам князь Егра! Наши предки и боги тыщи лет помогали нам выжить. И теперь пришел наш черед постоять за них. Это проверка, братья. Чужеземец искушает нас чужими, ложными богами. Коли примем их – не будет нам боле помощи ниоткуда. Вам решать – смиритесь вы или примете бой. Во славу наших богов, наших предков и наших детей и внуков.

– Мы примем бой! – хрипло крикнул кто-то.

– Мы примем бой! – поддержал второй.

– Мы примем бой! – нестройно заголосили другие.

Волхв усмехнулся сухими морщинистыми губами и кивнул:

– Да будет так! – И легонько пристукнул посохом о днище возка.

2

Подфартило сегодня Прошке Суховерту, сильно подфартило. Возле одного из кабаков наткнулся он на пьяненького добытчика, которого еще не успели оприходовать другие жулики. Прошка был невысок, но ловок и, несмотря на то что стукнуло Прошке полных пятнадцать годков, выглядел на четырнадцать, а то и того меньше. Был Прошка вором неприметным, а для бояр, которые привыкли смотреть не ниже бороды, и вовсе невидимым.

Воровским делом Прошка промышлял уже года два и сильно поднаторел в этом. Но то было в его родных краях, а в Хлынь-граде, куда он пришел неделю назад, спасаясь от плохой жизни, карманничать было тяжело. Тут и своего ворья хватало с избытком.

В первый же день Прошку взяли в оборот местные парни-жулики. Загнали в угол за старыми сараями, достали ножи и стали подступать к Прошке, усмехаясь жестокими глазами да пожевывая смоляные щепки.

У Прошки тоже был ножик, но он за ним даже не полез. Вместо того выхватил из кармана небольшую пращу, поднял с земли камень, вложил его в кожанку и взял на изготовку.

– Гляди, Писк, чего это у него? – удивленно спросил один из жуликов.

– Праща, – ответил атаман жуликов Писк, парень длинный и сутулый, повадками и рожей похожий на шакала. Он облизнул тонкие губы и вкрадчиво проговорил: – Слышь, малец, ты пращу-то убери. Не поможет. Только башку себе камнем отстрелишь.

Прошка молчал.

– Как тебя зовут? – спросил тогда Писк.

Прошка стиснул зубы и снова ничего не ответил, чтобы дрогнувшим голосом не выдать своего страха.

– Не дури, – сказал Писк с угрозой. – Нас много. Тебе все равно не выстоять.

Прошка раскрутил оружие, неотрывно глядя в темные глаза вора. И вдруг пальцы его разжались. Камень, со свистом распоров воздух, шмякнул одного из парней в грудь. Парень раскрыл широко глаза и рот, рухнул на колени и выпустил из пальцев ножик. Из рта у него потекла кровь, а Прошка уже вложил в пращу новый камень.

– Я стрелять умею! – отчеканил он высоким голосом, глядя Писку в глаза. – Этот камень будет твой!

Парень, зашибленный камнем, ткнулся лицом в грязный снег и затих.

– Писк, он Борайку до смерти зашиб! – с ужасом проговорил один из парней.

– Врешь ты, – сказал ему Прошка. – Коли б в сердце попал, зашиб бы. А я метил рядом. Отдышитесь ваш Борайка.

Парни несколько секунд стояли молча, испуганно глядя на пращу. А потом один из них, самый рослый и грузный, облизнул пересохшие губы и сказал:

– Ну его, Писк. Не связывайся с ним.

– Все равно со свету сживем, – поддержал его второй. – Не мытьем, так катаньем. Пусть покамест живет.

Главарь шайки некоторое время стоял молча, держа нож в стиснутых пальцах, потом усмехнулся и презрительно, сквозь губу, проговорил:

– Ладно, лягушонок, живи. Но запомни: коли увижу тебя еще раз на своем пути, полосну ножом по горлу и брошу в овраг. Понял меня?

Прошка не ответил. Он продолжал глядеть на главаря холодным, угрюмым взглядом. Писк сплюнул себе под ноги и повернулся.

– Айда, ребята, – ощерился он. – После со щенком потолкуем. Не век же ему с пращой да камнями ходить.

Жулики повернулись и, непрерывно оглядываясь на пращу, двинулись прочь из переулка. Дождавшись, пока они уйдут, Прошка опустил пращу и вытер рукою потный лоб. Ох и переволновался же он. Думал – все, кранты. Однако крылатый бог Семаргл, обращаясь к которому Прошку научил когда-то Глеб Первоход, и тут не оставил юного вора в беде. Уберег, спас, отвел беду.

Камень выкатился из пращи Прошки и упал в снег. И тут кто-то прыгнул на него с крыши сарая, сбил с ног и выдернул из рук пращу. Все произошло так быстро, что Прошка не успел даже напрыгаться – так и бухнулся в снег с расслабленными руками и глупой улыбкой на роже.

Воры, топоча сапогами, снова вбежали в переулок. Прошка успел лишь увидеть их перекошенные злобой лица, а потом кто-то из парней двинул его сапогом в скулу, и у Прошки сразу потемнело в глазах.

Однако не затем Прошка ходил когда-то с Глебом Первоходом в Гиблое место, не затем учился сражаться с темными тварями, чтобы теперь уступить этим подонкам. Почти ничего не видя, он извернулся, как змея, выхватил из сапога острый ножик и с размаху воткнул его кому-то в ногу. Тут же вынул и, раньше, чем парень закричал, воткнул другому.

Оба вора завопили одновременно, а Прошка быстро отполз в сторону, выставил перед собой нож и крикнул:

– Подходи, гады! Всех исполосую!

А потом, не дожидаясь, пока воры снова кинутся в атаку, полоснул себя ножом по левой ладони, сжал кулак, выдавливая кровь, а потом швырнул пригоршню крови жуликам в

лица и захохотал.

– И впрямь сумасшедший, – с ужасом проговорил кто-то из парней.

– В него дух болотный вселился!

Прошка, продолжая хохотать, поднял окровавленную руку в жесте призыва злых духов и медленно поднялся на ноги.

– Духов зовет! – выдохнул один из воров.

– Писк, – боязливо проговорил другой, – лучше бы нам уйти, пока они не явились.

Писк обмахнул себя охранным знаком, повернулся и, ни слова не говоря, зашагал прочь. Жулики торопливо пошли за ним. Двое из них хромали.

Оставшись в переулке один, Прошка еще с минуту хохотал и не мог остановиться, будто в него и впрямь кто-то вселился. А потом замолчал, перевел дух и сунул окровавленную ладонь в снег. Подождя, пока рука хорошенько замерзнет, Прошка вытащил ее и перевязал лоскутом ткани, оторванным от исподней рубашки.

С того дня Прошка тщательно избегал воров и старался все время держаться в тени. И это неплохо ему удавалось.

Была у Прошки и еще одна забота. Прибыв в Хлынь на прошлой неделе, Прошка сразу принялся за поиски Глеба Первохода и даже ходил для этого в Порочный град. Но едва он начинал расспрашивать о Первоходе, как люди тут же хмурились и мотали головами – дескать, ничего не знаем, ничего не видели. Мужики вели себя так, будто бы боялись трепать языками, и этого Прошка понять не мог. Но потом он вспомнил, что люди не любят ходоков и считают их «порченными» Гиблым местом. Вспомнил и успокоился.

А в кружале «Три бурундука» целовальник Озар в ответ на расспросы о Глебе сказал ему:

– Нету больше ходока Первохода. Нету, понял?

– Как нету? – удивился Прошка. – Куда ж он подевался? Уж не в темную ли тварь превратился?

Озар нахмурился и ответил:

– Пожалуй, что так.

Сердце Прошки сжалось от грусти, он хотел уточнить, как все произошло, но лишь махнул рукой. Слушать о гибели Глеба Первохода было невыносимо. На том Прошка и прекратил свои поиски и расспросы.

Слоняясь днями и вечерами по Хлынь-граду в поисках пьяного мужика, которого можно ошипать, Прошка видел, что в городе что-то происходит. По дороге то и дело проезжали сани, груженные бревнами и маслянистыми коробками, в которых (как сказал кто-то Прошке) были гвозди.

В кабаках было пусто, зато отовсюду доносился стук множества молотков, и, бродя по городу, Прошка то и дело натывался на заборы, за которыми шла стройка. Несколько раз Прошка видел большие новенькие избы, на крылечках которых толклись дети, а также юные парни и девки. Из их болтовни Прошка понял, что зовутся эти избы «сколами» и что сидят в них моравские и болгарские учителя.

Чему эти учителя учат, Прошка толком не уяснил. Но понял одно: молодым ребятам учеба нравится, а вот их старшим родичам – нет. Учителя-то в «сколах» сидят христианские, а стало быть – неразумные, чужие и вредные.

Перемены переменами, а нажива – наживой. И сегодня Прошке подфартило. В одном из карманов пьяницы, которого он обыскивал, нашелся крошечный узелок. Прошка развязал, посмотрел внутрь – и обомлел. Внутри была бурая пыль!

Улов был столь велик, что Прошка даже задрожал от возбуждения. Сунув узелок в карман, он быстро и опасливо огляделся. Ежели его кто-то увидит – быть беде! А попадать в беду, имея в кармане бурую пыль, которая стоила дороже золота, Прошке очень не хотелось.

Вокруг, однако, было пусто, и Прошка успокоился. Быстро поднялся, прикинул, в какую сторону безопаснее пойти, выбрал направление и зашагал, поскрипывая дырявыми сапогами по талому снегу.

Проходя мимо маленького кружала, Прошка остановился. Не выпить ли меда или сбитня? Взрослые воры всегда празднуют окончание удачного дела в кружечном доме. Правда, они пьют водку, но водка слишком дорога, да и на вкус горька. Другое дело – хмельной мед или пряный сбитень.

Прошке уже приходилось пить хмельные напитки и пьянеть. Пьянеть было неприятно и тяжело, но лишь вначале, а потом приходила легкость и самоуверенность. Страх, этот вечный червь, гложущий душу человека, засыпал, и мир вокруг преображался, становясь добрее и проще.

Прошка много страдал в последние недели, и ему вновь захотелось испытать ощущение пьяной легкости и хотя бы на этот вечер почувствовать себя счастливым и беззаботным. Поколебавшись еще пару секунд, он принял решение и повернул к кружалу.

3

Целовальник, невысокий, плотный толстяк с сивым от подлости и пьянства носом, принял Прошку неласково.

– Тебе чего, малец? – грубо осведомился он, протирая рушником оловянный стаканчик.

– Сбитня, – ответил Прошка.

Целовальник ухмыльнулся:

– Сладкого по вечерам не даю. Днем приходи.

– А мне твой сладкий и не нужен, – холодно отчеканил Прошка. – Хмельного подай!

Целовальник перестал тереть стаканчик и удивленно посмотрел на Прошку:

– Вот как. Хмельного тебе? А ты хоть знаешь, сколько он стоит?

Прошка, не отвечая, достал из кармана несколько медяшек и положил их на стойку.

– Это тебе за сбитень и закуску, – по-взрослому веско проговорил он. – Подай еще сладкой каши и печеных яблок. Понял ли?

– Понял, – проговорил целовальник, глядя на деньги. Потом улыбнулся, на этот раз приветливо и чуть ли не дружески, подмигнул Прошке и сказал: – Все понял, парень! Сей же час все сделаю!

Пока целовальник хлопотал возле своих полок, Прошка закинул локоть на стойку и оглядел зал.

– Мало нынче народу в кружалах, – сказал он, хмуря брови и подражая медлительной речи взрослых.

– И не говори, – отозвался сивоносый целовальник, наполняя кружку хмельным сбитнем. – Из-за нового советника княгини скоро все по миру пойдем.

Прошке уже приходилось слышать про нового советника. Он никогда не прислушивался к рассказам про княжий двор, однако знал, что советник этот – сущий зверь.

– Хоть бы уж кондрашка его скрутила, советника-то этого, – пожелал он, подражая словам, слышанным от какого-то купчика.

Сивоносый поставил перед ним кружку с хмельным сбитнем.

– Ты сам-то чем занимаешься? – лукаво поблескивая глазками, поинтересовался он. – Никогда не видал, чтоб юнцы, подобные тебе, так легко швырялись деньгами.

Прошка приосанился и важно проговорил:

– Есть у меня дело. Им и занимаюсь. А любопытных не люблю. Делу мешают.

– Твоя правда, – согласился, усмехаясь, целовальник. – От любопытных одни беды. Ты пей, пей. Сбитень нынче славный, крепкосваренный. Не то что вчерашний. А как напьешься, я тебе каши положу.

И Прошка стал пить. После второй кружки стал он совсем пьяным. Однако хмель почему-то не обрадовал. Наоборот – заставил тосковать.

От тоски Прошке захотелось в блажную избу. Оно бы, конечно, можно было и без избы обойтись. За пазухой мешочек полотняный с истым сокровищем. Но своя бурая пыль не обработана. А чтобы обработать – жаровня нужна особенная. Где возьмешь?

И Прошка решился. Допил брагу, хлопнул кружкой о столешницу и поднялся на ноги.

– Не шуми! – обронил целовальник, натирая стакан рушником. – Мал еще шуметь!

– Ныне не по годам – по ребрам считают! – дерзко сказал ему Прошка.

У Прошки вдруг зачесались кулаки. Захотелось драться. Но целовальник перестал тереть стакан, глянул на Прошку злым взглядом и глухо переспросил:

– По ребрам, говоришь? Может, посчитаешь?

Боевой дух выветрился из Прошки так же быстро, как пришел. Он отодвинул кружку, взял со стола свою шапку-мухоморку, нахлобучил ее на вихрастую голову, обмахнул лицо рукой, чтобы духи питейные не увязались, и потопал к двери.

* * *

Блажная изба стояла на отшибе, в доброй версте от ближайшего человеческого жилья. Весело тянулся сизый дымок из каменной трубы ее. Труба не прекращала дымить ни днем, ни ночью. Когда хошь – тогда и приходи, были б деньги.

За дубовым столом, прямо супротив входа, сидел огромный рыжий мужик в медном нагруднике – раздатчик. За спиной у него за широким столом играли в карточки еще пятеро молодцев. Каждый – косая сажень в плечах. На поясах – кинжалы, у стены – двуострые бердыши.

Окинули Прошку тяжелыми взглядами и снова на карточки уставились.

– Тебе чего? – спросил раздатчик, хмуря брови.

– Пыли, – просто ответил Прошка.

Рыжий усмехнулся:

– Сколько?

– Одну меру.

– Малую али большую?

– Чтобы до утра хватило.

– Тогда большую.

Рыжий раздатчик сунул руку под стол, достал крохотный берестяной кузовок и положил его на стол.

– Чего глаза лупишь? – грубо спросил он. – Деньги давай!

Прошка достал из кармана кожаный кошель, вынул деньги и положил на стол. Раздатчик накрыл деньги огромной ладонью, а другой рукой пододвинул к Прошке кузовок.

– Держи. Топай налево. Увидишь, шторка открыта – ступай туда. Там для тебя топчан.

– Благодарствую, – хмуро проронил Прошка, сгреб кузовок и зашагал к комнатке.

Проходя по коридору, воренок неожиданно захотел отлить. Можно было вернуться на улицу, но коли туда выйдешь, обратно могут уже не пустить. Для гостей в блажной избе имелся нужник. Да вот только где он – Прошка позабыл.

Он остановился и завертел головой, надеясь увидеть какую-нибудь дверцу. Вертел-вертел, да ничего не вывертел. Нету двери. Зато узрел, что коридорчик, дойдя до стены, поворачивает влево. Туда Прошка и направился. Дошел, повернул и увидел узкую лесенку, ведущую глубоко вниз, так глубоко, что и не видно там было ничего, окромя тьмы.

Прошка поколебался немного, а потом решил – нужда выше неволи, и ступил на лесенку.

Вниз спускался долго. А как спустился – уткнулся носом в узкую дверцу. Толкнул ее раз – не поддавалась. Толкнул посильнее – скрипнула и открылась. Прошка, возликовав, вошел в дверь и оказался в новом коридорчике. Здесь было мглисто и сыро. На стене в одном месте догорал над чашей с водой берестяной факелок.

В его неверном свете двинулся Прошка дальше.

Пока шел, задумался вдруг о своей жизни. О том, как продаст бурую пыль перекупщикам, как разбогатеет и полгода будет на лавке жировать да пироги жевать.

Думать о таком было приятно. Долго ли, коротко ли шел по коридору Прошка, но вдруг

услышал легкий гомон и остановился. Повернул голову на гомон и обомлел. В широкую щель ему было видно комнату. А в комнате творилось такое, отчего запылало Прошкино лицо и закружилась голова его.

Сначала воренку показалось, что это баня. Но пригляделся Прошка и понял: нет, не баня. Ни ковшей, ни ушатов, ни веников. А только длинный-предлинный стол, а за ним – девки голые!

Сидят, бесстыдницы, и пыль по кузовкам сыплют. По одну сторону стола – малые меры, по другую – большие.

Прошка тряхнул головой и ущипнул себя за щеку. Потом зажмурил глаза, подержал так немного и открыл снова. Девки по-прежнему сидели за столом и мяли в руках махонькие берестяные кузовки с бурой пылью, и одежды на них от того, что Прошка щипал себя за щеку и жмурил глаза, не прибавилось.

Голые груди с темными сосками бесстыдно торчали над столом. Работали девки споро и весело. Переговаривались, улыбались. Говорили вроде не по-нашему. Прошка прислушался и уловил говор племен лесных да степных. Ну и ну!

Разглядел воренок и кое-что другое: за спинами у девок прохаживались два огромных охоронца с кинжалами на поясах. На голых девок они почти не глядели. Видать, давно попривыкли к такому бесстыдству.

Прошку забила дрожь – то ли от возбуждения, то ли от удивления, то ли от страха. А может, то чудила в его животе брага? Поди знай.

Прошка долго таращился на девок, не в силах отвести взгляд. В голове воренка теснились нечистые мысли. Ладони вспотели, в паху зажгло.

Одна девка встала, взяла с пола ведро и пошла вдоль стола, доставая из ведра щепотку чего-то белого и подсыпая в каждый кузовок. Вот оно что! Бурюю пыль-то мукой бодяжат! Ну, дела!

Прошка еще долго стоял бы у щели, но нужда заставила его пойти дальше – в поисках отхожего места. Дважды свернув по коридорчику налево, Прошка увидел еще одну дверцу. С виду она казалась совсем глухой и почти приросшей к стене. Прошка хотел уж уйти, но любопытничал. Что, ежели за этой дверцей – гора бурой пыли? Запустить руку в эту гору, взять жменьку да в карман. Никто даже не заметит!

Прошка колебался. Соблазн был велик, однако и рисковать не хотелось. Особенно в такой день, когда в кармане у него лежала богатая добыча. В конце концов, решил Прошка так: дернет разок легонько за ручку, и все. Коли дверца поддастся – хорошо. А нет – значит, так тому и быть. И Прошка протянул руку к дверце...

Разочарованию воренка не было предела. За дверцей оказалась обычная старая кладовка, забитая всякой рухлядью. Протиснувшись внутрь, он обшарил старые коробки и баклаги, все они были пусты, а кроме того – густо заросли махровой пылью.

Прошка уже хотел уйти, как вдруг услышал чьи-то приглушенные голоса. Только сейчас воренок обратил внимание на дощатую стену, испачканную черной краской. Доски рассохлись и прилегали друг к дружке неплотно. Воренок пробрался к стене и прикинул глазом к одной из щелей.

В комнатке, освещенной несколькими сальными свечами, сидели трое. Первого Прошка уже видел раньше, это был хозяин блажного дома, богатый купец Саморад. Толстый, русобородый, с обманчиво добродушным лицом. Вторым был здоровенный мужик в броне и при мече, по виду – наемник-охоронец. Третьим – человек с тощим, изможденным лицом, но одетый так богато, что даже расшитое самоцветами одеяние Саморада казалось в сравнении с ним сермяжной епанчой.

– Так зачем вы ко мне пожаловали? – спросил купец Саморад. – Из того, что вы сказали, я мало чего понял.

Тощий богач усмехнулся и процедил:

– А ты спроси моего охоронца. Он лучше знает.

Саморад перевел взгляд на ратника. Тот прищурил глаза, чуть подался вперед, будто

собирался открыть Самораду какую-то тайну, и тихо проговорил:

– Ты удивишься, купец, но я тебя почуял. Почуял с дороги.

Саморад несколько секунд молчал, удивленно и недоверчиво глядя на ратника, потом повернулся к тощему богачу и недовольно сказал:

– Или твой охоронец не в своем уме, или вы что-то задумали. Я тебя уважаю, Крысун, но если ты не объяснишь мне его слов...

Ратник вдруг протянул руку и сорвал с головы Саморада соболью шапку. Прошка у щелки едва не ахнул – волосы посыпались с головы толстого купца на столешницу, как сухие листья с мертвого дерева.

Саморад перехватил руку ратника и, гневно сверкнув глазами, рыкнул:

– Ты чего делаешь?!

– погоди, купец, – примирительно проронил ратник. – Смотри.

Свободной рукой он снял шапку и со своей головы. И снова на столешницу полетели пряди волос, но на этот раз это были волосы ратника. Саморад изумленно уставился на плешивую голову бугая.

– У тебя та же болезнь! – хрипло выдохнул он.

– Верно, – кивнул тот и прищурился: – А теперь ответь мне, купец Саморад, бывал ли ты в Повалихе? Только говори честно, не таясь. Это важно.

Саморад пожевал губами усы, стрельнул глазами на ратника и ответил:

– Ну бывал. А что?

– И как давно?

– Несколько дней тому. А ты почему спрашиваешь?

Ратник сунул руку в карман и что-то вытащил. Показал это Самораду.

– Есть ли у тебя такая? – спросил он, пристально глядя купцу в глаза.

Прошка плотно приник к щели, но не смог разглядеть, что за вещицу держит на ладони ратник. Саморад же смотрел на вещицу с удивлением, если не с испугом. Потом поднял взгляд на ратника, облизнул губы и спросил:

– Где ты это взял?

– В Повалихе, – ответил ратник. – Так есть у тебя такая вещь?

Купец Саморад, ни слова не говоря, сунул руку в карман своего богатого одеяния, достал из него что-то и показал ратнику. И вновь вещица была так мала, что Прошка не смог ее толком разглядеть.

– Ну, дела! – выдохнул Саморад с растерянной улыбкой. – А я-то думал, я один такой!

Тощий богач, до сих пор сидевший молча, пошевелился на своей лавке и произнес недовольно и сипло:

– Что все это значит? Объяснит мне кто-нибудь или нет?

Дородный Саморад взглянул на него и терпеливо пояснил:

– Эту вещь я привез из Повалихи. По улицам ходили скоморохи, я остановился, чтобы послушать их байки. Помню, сильно они меня рассмешили своими выкрутасами. После я их щедро одарил, а они взамен дали мне эту вещь. Сказали – амулет на счастье. Я про счастье не поверил, но вещицу сберег. Уж больно приятно и гладко лежит она в руке. Так гладко, что, раз взяв, обратно уже не отдашь.

Купец Саморад замолчал и перевел взгляд на ратника.

– Стало быть, эти вещицы творят чудеса?

– Стало быть, так, – кивнул тот.

– Но наши с тобой волосы... Это ведь худо, что они опали?

Ратник нахмурился и серьезно проговорил:

– Думаю, волосы – малая плата за то, что способны сотворить скоморошьи вещицы.

Он хотел что-то добавить, но тут тощий богач закашлялся, потом сунул пальцы себе в рот, поковырял там и вдруг вынул наружу большой желтый зуб.

– Что скажешь, Бун? – дрожащим голосом спросил он у ратника. – Теперь я тоже расплачиваюсь за твоё чудо?

Несколько секунд ратник Бун и купец Саморад молчали, глядя на зуб, потом Саморад в недоумении повел круглыми плечами и сказал:

– Сдастся мне, охоронец, что мы с тобой привезли из Повалихи болезнь.

– Нет, – уверенно заявил ратник. – Это не болезнь. Вещицы, что мы привезли из Повалихи, творят чудеса. Крысун Скоробогат лежал на полу с расплюсченной головой. Я искренне пожелал, чтоб он вернулся из царства Нави. И он вернулся. Сперва я изумился, а после... После я все понял. Желая оживить хозяина, я держал руку в кармане, и пальцы мои трогали скоморошью вещицу.

Несколько секунд все трое молчали, хмурия брови и морща лбы. Потом купец Саморад спросил:

– Что ж будет дальше, Бун?

– В Повалихе много таких, как мы, – ответил ему охоронец. – Мы должны...

Прошка переступил затекшими ногами, и вдруг под подошвой у него что-то хрустнуло. Хрустнуло тихо, так, что и за пять шагов не расслышишь, однако ратник замолчал и резко повернул голову к стене. А за ним и оба купца – тощий и толстый – усталились на стену.

Прошка отпрянул от щели. Пора было уносить из блажного дома ноги.

4

Проходя мимо зала, где работали голые лесные девки, Прошка не удержался и вновь прильнул к щели. Поглазел несколько секунд, стараясь покрепче запомнить, и уже хотел отпрянуть, как вдруг на плечо ему легла чья-то тяжелая рука, а грубый голос спросил:

– А ты еще кто такой?

– Я?... – Прошка повернул голову и испуганно взглянул на огромного мужика в броне. – Я, дяденька, просто прохожий человек. Дверью ошибся.

– Дверью, говоришь, ошибся?

Прошка кивнул:

– Угу. Я, дяденька, пойду. Мне домой надо.

– Домой, говоришь, надо?

– Да.

Громила усмехнулся в бороду и ласково произнес:

– А я так разумею, что не пойдешь ты домой, парень.

– Дяденька, – загнусавил Прошка жалостливо. – Отпустите. Я ничего никому не скажу.

– Не скажешь, говоришь? А про что не скажешь?

– Про девок голых. И про то, что они бурую пыль мукой разбавляют. Мне до того дела нет.

Громила прищурился:

– Так ты, стало быть, видал, как девки муку к бурой пыли подсыпают?

Прошка понял, что сплеховал, и поспешно мотнул головой:

– Нет, дяденька, не видел.

– Ну так я тебе покажу.

Детина схватил Прошку за ухо и потащил по коридору. Прошка закричал и попытался вырваться, но пальцы у детины были железные.

– Идем, идем, – приговаривал он. – Я тебе покажу, как подглядывать да наушничать.

Прошка дергался, плакал, умолял, но ничего не помогало. И тогда Прошка извернулся и что было сил треснул детину кулаком по уху. Детина разжал пальцы, покачнулся и попытался снова схватить воренка, но лишь ковырнул руками воздух.

А Прошка уже стремглав неся по коридору. Как взлетел по лесенке, сам не помнил. Из-за угла выскочил долговязый, худой охоронец. Прошка подпрыгнул и что есть мочи пнул его ногою в грудь. Охоронец шатнулся в сторону, ударился спиной о стену и громко хекнул.

Прошка, не чуя под собой ног от ужаса, побежал дальше. У самой двери дорогу преградил еще один охоронец. Растопырил ручищи и пошел на Прошку. Охоронец был толст

и хоть и немолод, но нежен и безволос лицом. Рубаха топорщилась на по-бабьи толстых и отвислых грудях.

– Куда собрался, малец?! – проревел он.

Деваться Прошке было некуда, и, сам плохо соображая, что делает, он со всего плеча ударил охоронца в душу. Охоронец подавился, попятился. Прошка еще раз двинул его костлявым кулаком по зубам – для надежности – и что есть духу понесся к узкому окну.

У окна стояло ведро с водой. Прошка подхватил его на ходу и вылил себе на голову. В окно нырнул щучкой. Был бы сухой, ни за что бы не пролез, а так ничего – выскользнул.

Упав на землю, воренок быстро поднялся на ноги и хотел бежать дальше, но чьи-то цепкие пальцы ухватили его за мокрую рубаху. Прошка вертанулся вправо, влево – но еще несколько сильных рук схватили его за плечи и шею.

– Попался, гаденыш!

Прошка из последних сил рванул по улице, но кто-то двинул его кулаком в скулу. Воренок рухнул на землю, хотел подняться, не смог, и тут его принялись пинать. Прошка хотел поднять голову, но тут сапог изверга ударил его в лоб – из глаз воренка посыпались искры, а затем их затянуло пеленой, и он потерял сознание.

* * *

Очнулся Прошка от боли и жары. Открыл глаза и тут же понял, что горит. Но горел не только он, но и блажная изба. Она вся была охвачена ярким пламенем. Прошка откатился в сторону и стал бить по тлеющему рукаву ладонью. И тут кто-то схватил его за шиворот и рывком поднял на ноги.

Отплюнув грязный снег, Прошка повернул голову и увидел перед собой ратника. Это был охоронец Бун, которого он видел в подвале. Держа Прошку за шиворот, охоронец оттащил его в сторону и спросил:

– Местный?

– Нет, – испуганно ответил Прошка.

– Родичи есть?

– В Топлеве. Тетка с дядькой.

– Как зовут?

– Прошка.

– А их?

– Вобей и Ярина.

Холодное лезвие ножа ткнулось Прошке в горло. Прошка тихонько вскрикнул, но верзила склонился над его ухом и сказал:

– Тс-с... Не шуми. Тут и без тебя шумно.

Затем приблизил к нему свое угрюмое лицо, посмотрел в глаза ледяным взглядом и просипел:

– Хочешь жить?

Прошка покосился на нож и пробормотал:

– Хочу.

– Скажешь, что блажную избу поджег ты. Понял?

Прошка удивленно воззрился на верзилу и сказал:

– Так я не поджигал!

– Так я знаю, – усмехнулся охоронец. – Но скажешь, что поджег. А ежели не скажешь, найду и убью. И не только тебя. Отыщу в Топлеве твоих родичей, Вобей и Ярину, и зарежу их, как свиней. Понял ли?

– Понял, – тихо выдохнул Прошка.

– Молодец. – Бун опустил нож. – Идем за мной.

И он грубо потащил Прошку к возку, стоявшему в ста саженях от горящей блажной избы.

В возке сидел тощий мужик с неприятным, хлипкобородым лицом и жестокими глазами. Прошка хорошо знал такие глаза. Слишком хорошо. От того, кто смотрит на тебя такими глазами, добра не жди и спиной к нему не поворачивайся. Мужика звали Крысун, Прошка сразу его узнал.

У возка охоронец Бун снял с головы шапку и отер ею потный лоб. Остатки волос посыпались с блестящей лысины в грязь. Крысун, сидевший в возке, усмехнулся. Прошка заметил, что у Крысуна не хватает во рту уже нескольких зубов.

– Садись в возок! – приказал Бун и нахлобучил шапку на лысину. – Ну!

Прошка послушно забрался в расписной возок. Затем хмуро спросил:

– Куда вы меня?

– К князьему дознавателю. Расскажешь ему, как первый советник княгини дал тебе огниво и крынку земляной крови. И как ты блажную избу по его наущению спалил.

Прошка хотел возразить, но столкнулся взглядом с Крысуном и промолчал. Нехорош у того был взгляд, ой нехорош. Да и у Буна был не лучше.

И Прошка решил покамест помалкивать. Может, удастся дать деру? Главное, чтобы эти двое поверили, что он напуган и смирен. Ну, а там поглядим.

5

Стоя перед обугленным каркасом сгоревшей избы, Глеб повернулся к Кудеяру и сказал:

– Ты ведь знаешь, я не приказывал сжигать блажные избы. Тот, кто так говорит, лжец.

– Народ думает иначе, – возразил Кудеяр. – За день в пожарах погибло три сотни человек. И все эти смерти – на твоей совести. Так считают люди.

Глеб нахмурился, и глаза его люто сверкнули из-под темных сдвинутых бровей.

– Да с чего они вообще взяли, что я к этому причастен? Кто внушил им эту глупость?

– Все знают, что ты грозился закрыть блажные избы и изничтожить бурую пыль.

– Закрывать, но не сжечь! – Глеб отвернулся от Кудеяра и, окинув взглядом обугленные бревна, проговорил: – Кто-то пытается меня подставить, Кудеяр. Неужели ты сам этого не видишь?

Боярин вздохнул:

– Я тебя предупреждал, Первоход. С бурой пыли кормятся все – и купцы, и бояре. Люди готовы отдать за щепотку бурой пыли последнюю рубаху. Для многих бурая пыль – единственная возможность закрыться от ужасов жизни. Теперь ты лишил их этой возможности и не надейся на поддержку.

– Да, – задумчиво проговорил Глеб. – Пожалуй, я слишком рано начал завинчивать гайки. Что ж теперь – предлагаешь отступить?

Кудеяр покачал белокурой головой:

– Нет. Отступать нельзя. Люди расценят это как слабость. Коли приклоним головы да повинимся, нас раздавят.

– Тогда что? Гнуть свою линию дальше?

– Да, – ответил Кудеяр. – Гнуть. И действовать еще жестче, чем прежде.

Глеб невесело усмехнулся:

– Отличный совет. Что бы я без тебя делал, Кудеяр?

Некоторое время они молчали, глядя на черное пожарище. Потом Глеб спросил:

– Что у нас с соседним княжеством и степняками? Наши шпионы сумели что-нибудь выведать?

Кудеяр пригладил ладонью белокурую, аккуратно подстриженную бороду и ответил:

– Степняки прознали про твою борьбу с боярами и уверены, что в княжестве наступает смута. Они готовят набег на Хлынь. Нагрянут уже в эту седмицу и бить будут с восточной стены.

– Пушки подвезли?

– Да. Полдюжины.
– Сколько пороховых снарядов готово?
– Две сотни.
– Что с западным направлением?
– Кривичи помалкивают, но стягивают к границе княжества пеших и конных дружинников.
– Сколько у нас там пушек?
– Четыре.
– Снарядов?
– Около сотни.
Глеб дернул щекой.
– Мало. Нужно еще. Поторопи литейщиков. Прибавь им к жалованью по серебряной резанке.
Кудеяр кивнул:
– Сделаем.
Глеб тяжело вздохнул и проговорил:
– Жаль, что все так сразу навалилось. Но, наверное, иначе и не бывает. Там, откуда я родом, говорят: беда не приходит одна.
– Верно говорят, – поддакнул Кудеяр. – А у нас говорят так: беда в одиночку не ходит, ей потребны спутники.
Они снова помолчали.
– Ну ничего, – сказал после паузы Глеб. – Вот погоди, прогоним от стен степняков и кривичей, а потом заживем. Дай только срок.
Он повернулся и зашагал к возку.
– Куда ты, Первоход? – окликнул его Кудеяр.
– К дознавателям, – ответил Глеб. – Хочу поговорить с юнцом-поджигателем, которого поймали у блажной избы. Пусть он в лицо мне скажет, что это я его надоумил.

* * *

В подземной комнате царил полумрак. Глеб услал дознавателя, сел за стол, взглянул на художавого отрока, сидевшего по другую сторону стола, и раскрыл рот для вопроса, но мальчишка его опередил. Он вдруг подался вперед и взволнованно воскликнул:
– Первоход! Ты меня не узнаешь?
Глеб вгляделся в лицо паренька. Лицо это и впрямь показалось ему знакомым.
– Я тебя уже видел, – хмуро сказал он. – Но где?
– Я же Прошка! – Отрок засмеялся. – Прошка Суховерт! Ну!
– Прошка?
– Ну да! – кивнул воренок. – Мы с тобой вместе ходили в Гиблое место, помнишь? Ну, вспоминай же! Диона, Лагин, старик Хомыч, нетленные трупы! Вспомнил?
– Прошка! – Глеб улыбнулся. – Ах ты, чертенок! Стало быть, это ты?
– Я!
Глеб перегнулся через стол и обнял парнишку. Потом отпрянул, взял воренка за плечи и вгляделся в его изможденное, грязное лицо.
– Ты сильно повзрослел. Как твоя мать? Ты ведь копил деньги, чтобы выкупить ее из наложниц хана. Выкупил?
Улыбка сползла с губ Прошки.
– Выкупил, – хрипло проговорил он. – Да только не помогло это.
– Как это? Почему?
– Умерла моя мамка, Глеб. Болела, болела и умерла.
Лицо Глеба омрачилось.
– Вот оно что, – негромко сказал он. – Жаль.

– Мне тоже было жаль. – Прошка шмыгнул носом. – Поначалу. А теперь ниче, привык. По нынешним временам, может, оно и лучше-то?

– Что лучше? – не понял Глеб.

– Лучше быть мертвым. Мне один скиталец рассказывал про царство мертвых. Так по его словам выходило, что в Нави не так уж и плохо. Как думаешь, правда иль нет?

Глеб пожал плечами:

– Не знаю, Прошка. Может быть, и правда.

– И то верно, – согласился воренок. – Пока сам не помрешь, ничего толком не узнаешь. Вдруг лицо Глеба напряглось, а брови съехались на переносице.

– Погоди-ка, – растерянно проговорил он. – Так это ты поджег блажную избу?

Прошка замялся:

– Как тебе сказать, Первоход...

– Скажи как есть. Только не увиливай, не люблю.

Прошка глянул на Глеба напряженным взглядом и негромко уточнил:

– А ежели скажу тебе правду, ты никому не расскажешь?

– Не расскажу, – пообещал Глеб.

– Ну гляди, не обмани. Ежели кому проговоришься, меня убьют. И не только меня, но и родичей моих ножиками порежут. Я по дурости да с перепугу про них разболтал. Теперь вот мучаюсь. В блажную избу я просто так зашел. Бурой пыли думал понюхать. Да только не в добрый час я туда приперся. – Прошка перевел дух, уставился Глебу в лицо и, понизив голос почти до шепота, пробормотал: – Я кой-чего видел. В подвале.

– Чего видел? – не понял Глеб.

– Даже не знаю, говорить тебе или нет. Не хочу, чтобы у тебя из-за меня были неприятности.

Глеб насмешливо прищурил темные глаза.

– Ты ведь знаешь, парень, неприятностей я не боюсь.

– Да уж знаю, – усмехнулся Прошка. – Ну, коли так, слушай. Видал я в подвале голых девок. Много. Все красивые и все из лесного народа. То ли газарки, то ли вогулки – я толком не разобрал. Девки те распахивали бурую пыль по берестяным коробочкам. Я так понял, что голые они затем, чтобы ни одной щепотки бурой пыли наверх не вынести. – Прошка усмехнулся. – Большой дурак был тот, кто это придумал. Нешто нельзя пыль по-другому вынести? Хочешь вынести – возьми щепотку да запихай ее в...

– Давай-ка ближе к делу, – перебил его Глеб.

– Ну да, – кивнул Прошка. – Вот я и говорю: зря они это. Девки и голыми пыль унесут. У них в теле потаенных мест больше. К тому же...

– Прошка, хватит, – поморщившись, прервал его Глеб. – Говори о деле. Что еще ты там видел?

Прошка нахмурил лоб и раздумчиво проговорил:

– Видал охоронцев. Они девок сторожили. Все здоровенные, будто кони, и все при оружии. Один из них меня чуть не заметил, да я вовремя в тень отпрянул. А потом пошел дальше. Повернул пару раз по коридорчику, гляжу – дверца. Я ее открыл. Думал найти бурую пыль, а нашел обычную. Пустые ящики, дырявые баклаги – ничего интересного. А только слышу – голоса. Прошел я к стене и приткнул глазами к щели...

По мере рассказа Прошки лицо Глеба становилось все мрачнее и мрачнее. Когда Прошка закончил, Глеб сухо спросил:

– Кто ж это был? Ты их знаешь?

– Первый – хозяин блажной избы Саморад. Второй – тоже богатый купец. Саморад называл его Крысуном. А охоронца зовут Бун.

Глеб помолчал, глядя на Прошку раздумчивым взглядом, затем спросил:

– Ты уверен, что тощего звали Крысуном?

– Уверен, – ответил Прошка. – И не просто Крысуном. Охоронец называл его Скоробогатом. И иногда – хозяином.

– И Бун сказал, что оживил его?
– Угу. С помощью чудесной вещицы, которую привез из Повалихи.
Глеб потер пальцами лоб и хмуро спросил:
– Что же это за чертовщина?
А Прошка вдруг уставился на него удивленным взглядом и взволнованно выпалил:
– погоди, Первоход! А как тебя ко мне пустили? Неужто эти гады полонили тебя?
Глеб усмехнулся:
– Об этом не переживай. Я теперь, Прошка, не просто ходок.
– Вот как? И кто же ты?
– Я теперь первый советник княгини. Советник Первоход, может, слышал?
– погоди... Так это ты – первый советник, о котором так много говорят?
Глеб кивнул:
– Да.
Прошка нахмурился.
– Леший! – выругался он. – А эти дураки толкуют, будто тебя в Хлынь-град послали темные боги, чтобы ты дурачил и мучил людей.
– И ты в это веришь?
– Раньше верил. Но теперь нет. – Прошка взглянул в лицо Глеба внимательней и неуверенно улыбнулся. – Я ведь помню, что ты хороший. А слухи про то, что тебя послали темные боги, брехня подлых дурней. Их выдумали те, кто надоумил меня оклеветать тебя.
Глеб понимающе кивнул и спросил:
– Кто приказал тебе меня оклеветать? Назови мне их.
– Это были они, Первоход, – тихо ответил воренок. – Охоронец Бун и его хозяин.
Некоторое время Глеб молчал, и лицо его, озаренное отблесками факела, показалось Прошке лицом убийцы, а потом сказал:
– С этого места давай подробней.

6

Прибыв в Повалиху, купцы Саморад и Крысун, а также сопровождающий их охоронец Бун застали в селе странную картину. Улицы были совершенно пустынные, грязный, подтаявший снег нигде не примят и не испещрен черными змейками тропок.
– Что бы это значило? – хмуро проговорил Крысун, оглядывая улицу.
– Гляньте на ставни! – воскликнул купец Саморад. – Они все замкнуты!
Действительно, окна всех изб, куда хватало взгляда, были наглухо закрыты ставнями.
– Чего это они? – с хмурой растерянностью проговорил охоронец Бун. – В темноте-то сидят?
– Может, случилось что, – предположил Саморад.
Крысун встал на возке, оперся рукой на поручень и, легко перемахнув через него, мягко, по-кошачьи, приземлился на грязный снег.
Бун посмотрел на хозяина удивленным и восхищенным взглядом.
– Ловко ты это, – похвалил он. – Еще вчера был немошен, а тут гляди-ка.
Крысун пропустил его слова мимо ушей. Он поднял голову, сдвинул шапку на затылок, открыв уши, и прислушался. Бун заметил, как легонько шевельнулись уши хозяина – прямо словно у хищного зверя, прислушивающегося к звукам леса. Помимо этого странного шевеления Буна удивила и форма ушей Крысуна. Они были приподняты и заострены по верхним концам, будто кто-то взял Крысуна за верхние кончики ушей и несильно потянул, а потом так и оставил.
И вдруг Крысун резко повернулся к одной из избушек и крикнул:
– А ну – стой!
Тщедушный мужичок, вышедший из-за угла, увидевший неожиданных гостей и попытавшийся улизнуть, вынужден был остановиться. Он замер на месте, сгорбил, словно

его поймали на чем-то дурном и непотребном, и испуганно глянул на приезжих через плечо.

– Поди сюда! – приказал ему Крысун. – Живо!

Мужичок несколько мгновений стоял в нерешительности, потом торопливо бросил что-то в снег, повернулся, предъявив на обозрение свое бледное безбородое лицо, и нехотя заковылял к возку.

Остановившись в полутора саженьях от возка, мужичок стянул с головы шапку и почтительно поклонился. Голова у него была лысая, как колено, а лицо – землисто-бледное, словно у смертельно немощного.

– Назови себя! – потребовал Крысун.

Мужичок поднял взгляд и послушно ответил:

– Ероха я. Здешний плотник.

– Почему хотел бежать?

Мужичок отвел взгляд и глухо проронил:

– Боюсь.

– Боишься? – Глаза Крысуна подозрительно сузились. Он повел носом, поморщился и сказал: – Ты скверно выглядишь. Болен?

– Болен, – признался мужичок, по-прежнему не глядя Крысуну в глаза.

– А другие?

– Чего другие? – не понял мужичок.

– Другие сельчане где? Почему на улицах пусто?

– Так ведь это... Кто где. В основном-то по избам отлеживаются. – Мужик посмотрел, наконец, Крысуну в глаза и разъяснил: – Хворь по селу прокатилась, боярин. Многие слегли. Таперича лежат на печках да косточки греют.

Охоронец Бун скользнул взглядом по трубам: дыма нигде не было видно. Он хотел сказать об этом хозяину, но понял, что тот и сам все заметил.

– Так говоришь, кости греют? – Крысун нахмурился, отчего тощее, подозрительное лицо его стало еще более неприятным и подозрительным. – А печи они растопить, по немощи своей, видать, забыли?

Плотник вновь отвел глаза и сжал в пальцах шапку. Бун с удивлением отметил, что ногти у мужика странные – давно не стриженные и жуткого синеватого цвета, словно у покойника.

– С дровами-то нынче туго... – выдавил, наконец, сельский плотник. – Вот и не топят. С утра стены прогрели, а теперь тепло берегут.

– Вот как, – неопределенно прознес Крысун и сделал незаметный знак Буну.

Тот все понял – как бы невзначай прикрылся плащом и осторожно положил руку на рукоять меча, чтобы при необходимости мгновенно выхватить его и пустить в дело.

– Допустим, дров у вас и впрямь мало, – снова заговорил Крысун, – а ставни зачем закрыли?

– Так ведь это... – Мужик неловко переступил с ноги на ногу. – Хворь на солнышке нежиться не дает. Многим худо на свету. Иных, самых немощных и ослабших, солнечный свет до волдырей жжет.

– А тебя? – прищурился Крысун.

Мужик улыбнулся синеватыми губами и глянул Крысуну прямо в глаза.

– Меня пока нет. Только зудит.

Как бы в доказательство своих слов он поднял руку к лицу и остервенело поскреб ногтями щеку. Там, где прошли острые ногти, затемнели царапинки, но кровь из них почему-то не выступила.

Крысун чуть повел скулой в сторону начальника охоронцев и коротко выдохнул:

– Бун!

Охоронец молниеносно выхватил из ножен меч, шагнул к мужику и приставил острое клинка к его горлу. Плотник попятился.

– Ты чего, ратник? – испуганно спросил он. – Чего колешься?

Крысун сдвинул брови и гаркнул:

– Теперь рассказывай правду! Что у вас тут творится?

Мужик хотел ответить, но вдруг закашлялся кровью и вместе с кровью выкашлял на грудь несколько зубов. Купец Саморада, до сих пор сидевший молча и неподвижно, зашевелился в возке, а потом прыгнул на землю и подошел к Крысуну.

– Зачем понапрасну пытаешь мужика, Скоробогат? – спросил он. – Нешто сам не видишь, что с ним? Хвор ведь.

– Вижу, что хвор, – сухо проговорил Крысун. – У него та же хворь, что и у нас.

Мужик вдруг перестал кашлять, вскинул голову и устремил взгляд на Крысуна. Втянул ноздрями воздух и чему-то усмехнулся. Потом перевел взгляд на купца Саморада, снова понюхал воздух и нахмурился.

– Ты чего это тут разнюхался? – гневно спросил у него Крысун.

Мужик вдруг затрясся, повернулся и бросился бежать. Вопреки ожиданиям, бежал он быстро, гораздо быстрее, чем положено бежать хворому человеку. Да что там хворому – не каждый здоровый так быстро побежит.

И снова уши Крысуна вздрогнули. Он еще выше приподнял голову и по-звериному понюхал воздух. Явно что-то почуял. Охоронец Бун хотел спросить, что именно, но тут почуял и сам. В ноздри Буну ворвался запах мертвечины. Избы Повалихи были забиты мертвецами.

– Твою мать... – тихонько выругался Бун, со страхом глядя на черные избы.

Лошади, впряженные в сани, вдруг зафыркали, задержали большими головами и забили по снегу копытами.

– Вот и лошади почуяли, – пробурчал Бун.

– Поздновато, – усмехнулся Крысун.

Купец Саморада, толстый, растерянный, неуклюжий, отвел взгляд от ближайшей избы и, обескураженно глянув на Крысуна, спросил:

– Об чем это вы? Что почуяли лошади?

Крысун прищурил недобрые глаза:

– А ты сам, что ли, не чуешь?

Тот качнул головой:

– Нет.

Крысун и Бун переглянулись. Потом снова устремили взгляды на купца Саморада и принялись, слегка раздувая ноздри.

– От него не пахнет, – глухо сообщил Крысун.

– Верно, не пахнет, – подтвердил охоронец. Потом, как-то странно уставившись на Саморада, добавил: – Пахнет другим.

Брови Саморада взлетели вверх.

– Вы что, с ума посходили?! – испуганно и сердито выкрикнул он. – Чем от меня пахнет?

Крысун вперил в купца острый взгляд, растянул тонкие губы в холодную усмешку и обронил:

– Едой. Едой от тебя пахнет, купец.

Саморада хотел сказать, что все это чушь собачья и что никакой еды у него при себе нет, но тут заметил вещь настолько странную, что щеки его свела судорога, и он замер с открытым ртом. В черном ощеренном рту Крысуна хлынский купец разглядел новые зубы, отросшие на месте выпавших. И зубы эти ужаснули его своей остротой и странной крючковатой формой.

Саморада попятился, глаза его вылезли из орбит.

Крысун, наконец, догадался. Он поднял руку ко рту и осторожно потрогал пальцем один из своих новых зубов.

– Бун... – испуганно прошептал Саморада, продолжая пятиться от Крысуна. – Твой хозяин...

Договорить он не успел. Крысун с быстротою рыси прыгнул к купцу, сбил его с ног и вцепился ему зубами в горло. Брызнувшая кровь обагрила снег.

Охоронец Бун несколько мгновений стоял ошеломленный, не веря своим глазам. Потом в нос ему ударил густой, пьянящий запах крови. Бун задрожал, выронил меч, потом как-то нелепо, будто сомнамбула, подался вперед и вдруг – прыгнул на землю и на карачках быстро подбежал к дергающемуся на снегу Самораду.

Крысун, лицо которого было испачкано кровью, поднял голову и рыкнул на своего охоронца. Бун отскочил в сторону, но тут же, свирепо сверкнув глазами, снова подбежал к Самораду и схватил его зубами за растопыренную пятерню.

На этот раз Крысун не стал его отгонять, и оба чудовища – охоронец и его хозяин – принялись с голодным остервенением пожирать купца Скоробогата.

* * *

Отрезвление пришло скорей, чем им хотелось бы. Крысун, сидя на земле, вытер рукавом кафтана окровавленные губы, посмотрел на охоронца и сипло спросил:

– Что мы наделали, Бун?

– Не знаю, хозяин, – таким же сиплым, недоуменным голосом отозвался охоронец. Но затем улыбнулся и добавил: – Однако чувствую я себя отлично!

Бун потянулся, поднял взгляд на взошедшую на небо бледную луну и вдруг расхохотался задорным и раскатистым, как ему самому казалось, смехом. На самом деле смех его был похож на визгливое хрюканье.

Несколько секунд Крысун удивленно смотрел на испачканное кровью лицо своего охоронца, а затем ему и самому сделалось весело и смешно. Он запрокинул голову, подобно тому, как это сделал Бун, и сам закатился смехом.

Хохоча, он услышал, что их с Буном веселье поддержали. Теперь визгливый, хрюкающий и твякающий хохот доносился из каждой избы Повалихи.

Двери изб стали распахиваться, и на улицу потянулись жители села – лысые, бледные, наспех одетые, а иные просто голые. И все они смеялись, сверкая белыми острыми зубами и глядя на луну, пока еще бледную и беспомощную, но стремительно набирающую цвет и силу.

Глава пятая

1

Караван был небольшой – всего восемь подвод, накрытых рогожей. Купцы были чинные, серьезные, в добротных кафтанах и дорогих шапках. Сидя на подводах, они с опаской поглядывали на темный лес.

Сначала ехали заболоченным ельником, и казалось чудом, что большак тверд и не чавкает под ногами. Но уже часа два местность была сухой. Над елями возвышались великаны-ясени, свежий травяной покров слева и справа от дороги радовал глаз. Начали встречаться места, вытопанные скотом, чувствовалась близость человеческого жилья.

– Сколько отсюда до Повалихи? – спросил один, рыжий и длинноносый.

– Верст десять или около того, – ответил второй, чернобородый, широкоплечий.

– Что ж, за пару часов одолеем?

– А то как же. Может, и раньше, коли дадим коням отдохнуть.

– И то верно, кони притомились. И напоить бы их хорошо, а здесь рядом река.

Чернобородый скользнул взглядом по лицам охоронцев, которые сопровождали караван, потом оглянулся и громко спросил у третьего товарища, который дремал в соседней подводе:

– Эй, Зимко, привал?

Тот вскинул голову, похлопал глазами и ответил:

– Да, пожалуй. Я не прочь передохнуть. Да и перекусить заодно, уж часа четыре ничего не ели.

– Верно говоришь. Я-то про еду забыл, а вот ты сказал, и у меня в пузе заурчало. Тпр-ру, вы, лешие! – остановил чернявый купец переднюю подводу каравана.

За ним остановили свои подводы и другие возницы.

– Зимко, иди к нам! – позвал рыжий купец. – А и вы, охоронцы, передохните да подкрепитесь!

Вскоре все три купца уютно расположились на передней подводе и достали сумки с еством.

– Закат-то какой красивый, – сказал рыжий, с умилением поглядывая на заходящее солнце. – И весна нынче хороша.

– Да уж, – подтвердил седовласый Зимко. – Снег за неделю сошел, будто и не было его.

Купцы разложили на подводе еду – вяленое мясо, хлеб, сушеные яблоки, квашеную капусту. Открыли бурдюк с вином и разлили янтарный ароматный напиток по кружкам. Затем приступили к трапезе.

– Повезло нам нынче, – сказал, пожевывая хлеб, чернявый купец. – Весь товар целым довели и продали быстро.

– Да уж, – согласился с ним рыжий. – Я и не припомню, когда еще такое было. Налаживается жизнь.

– Это все из-за советника Первохода, – сказал Зимко, с наслаждением нюхая ароматное вино. – Кабы бурую пыль не запретил, по сию пору бы прозябали. Здорово он наших набольших купцов по носам щелкнул.

– И правильно сделал, – поддержал чернявый. – Слишком высоко они их задирали. Весь торжок захватили, нашему брату мелкому купцу и протиснуться было нельзя.

Рыжий купец отпил вина, прищурил глаза и с улыбкой выдохнул:

– Эх, братцы, хорошо-то как!

Подкрепившись и отдохнув, купцы готовы были продолжить путь.

– Пойду отолю, – сказал чернобородый купец и грузно спустился с подводы на землю.

– Давай, – кивнул ему рыжий.

А седовласый Зимко усмехнулся и сказал:

– Глади не заблудися.

Чернобородый махнул на него рукой, повернулся и зашагал к лесу. Зайдя за ближний можжевельный куст, он остановился и потянулся руками к штанам, но вдруг замер. Ему показалось, что по толстому стволу дерева скользнула какая-то светлая тень.

Купец пристально оглядел лес, ничего не заметил и, пожав плечами, принялся развязывать стяжку на штанах. И в это мгновение кто-то прыгнул купцу на плечи, сбил его с ног и повалил лицом в жухлую траву. Купец хотел закричать, но холодная склизкая ладонь легла ему на рот, а ледяные когтистые пальцы сдавили ему горло.

Купец захрипел, попытался вырваться, но тварь, кем бы она ни была, держала его крепко. Он почувствовал, как острые когти воткнулись ему в шею, и забился от дикой боли.

– Что-то черноборода нашего давно нет, – сказал купец Зимко. – Уж не случилось ли чего?

Рыжий хотел ответить, но тут от куста можжевельника донесся какой-то шорох. Купцы повернули головы на шум, и в этот миг кто-то прыгнул на подводу. Купцы обернулись и замерли с раскрытыми ртами. Прямо перед ними сидела странная тварь. По виду она походила на человека, только была лысая, как колено, голая и бледная. Красноватые глаза полыхали злобой, а страшный рот скалился в усмешке, посверкивая частоколом острых зубов.

– Ты... кто? – выдохнул, с ужасом глядя на лысую тварь, рыжий купец.

И это были последние слова в его жизни. Тварь взмахнула рукой и полоснула его по

горлу длинными, острыми когтями.

Раздался страшный нечеловечий визг, и еще несколько голых тварей выскочили из леса и набросились на охоронцев, возниц и захрапевших от ужаса лошадей. Двигались лысые уродцы столь стремительно, что охоронцы не успели воспользоваться своими мечами. Твари налетели сразу со всех сторон, повалили охоронцев и принялись рвать их зубами и когтями. Фонтаны алой крови, выбитые из порванных и перегрызенных шей, ударили вверх и обагрили все вокруг. А другие твари уже кромсали на куски и рвали лошадей.

...Час спустя на том месте, где остановился караван, громоздились лишь брошенные подводы. Трава и земля на много саженой вокруг были залиты запекшейся кровью. Повсюду были разбросаны обглоданные белые кости – все, что осталось от людей и лошадей.

2

Двое всадников неторопливо ехали по лесной тропе. Один был на крепкой, толстоногой лошади, сам такой же крепкий, рослый и широкий. На голове – копна русых волос.

Второй ехал на изящном длинноногом скакуне, и сам был под стать коню – тонкий, смуглый, с длинными, черными, вьющимися волосами. Смазливый, как девушка, и остролицый. Под носом – черные усики, под нижней губой – бородка. Одет он был в красивый иноземный кафтан из темно-синего, но сильно потертого бархата.

– Леший! – выругался вдруг толстяк.

Изящный взглянул на него и осведомился:

– Что такое?

– Я так голоден, что съел бы лошадь! – прорычал толстяк.

Изящный легонько похлопал своего коня по гибкой шее и с усмешкой проговорил:

– Ты слышал? Хлопуша собирается тебя сожрать. Но не бойся, я не дам тебя в обиду этому троглодиту.

– Говорил я тебе, Рамон, нужно было вместо плащей взять побольше жратвы, – сердито пробурчал толстяк. – Ночи нынче теплые, спать можно и без плащей, а вот с голодным брюхом – поди усни.

Рамон улыбнулся. Он был очень строен, почти худ, и эта худоба придавала его сильному телу обманчиво хрупкий вид.

– Право, сеньор Хлопуша, нельзя же все время думать о еде, – насмешливо протянул Рамон. – По крайней мере, не о ней одной.

– А о чем же еще думать? – удивился толстяк.

– Можно думать о Боге. Или о любви и дружбе. Это прекрасные материи для размышлений.

Хлопуша хмыкнул:

– Так я и думаю о любви. Я ведь люблю жареных цыплят. И о дружбе тоже думаю. Когда я голоден, баранья нога – мой лучший друг. Да и богов я не забываю. Каравай хлеба такой же круглый да светлый, как бог Хорс.

Некоторое время они ехали молча. В лесу вечерело, багровое солнце медленно закатывалось за верхушки сосен.

– В пузе так и урчит, – снова пожаловался Хлопуша. – Река рядом. Может, наловим рыбы? Страсть как хочется свежего.

– Можно и наловить. Слава господу, Первоход научил меня этому благородному занятию.

– Ты считаешь рыбалку благородным занятием? – удивился Хлопуша.

Толмач кивнул:

– Конечно. Апостолы Петр и Андрей были рыбаками, и Иисус приблизил их к себе первыми.

– Вот как? А я и не знал.

Рамон усмехнулся.

– Почему-то меня это не удивляет. Пр-ру. – Он остановил лошадь. – Здесь хороший спуск к воде, Хлопуша. Удобное место для рыбалки, тебе не кажется?

Они спрыгнули с лошадей, привязали их к упавшему дереву, а сами спустились к реке. Пять минут спустя Рамон осветил воду факелом-жирником, а Хлопуша взял на изготовку узкое, не слишком длинное копьцо. Он не обращал внимания на маленьких рыб, которые приходили и уходили. Он ждал большую щуку с мясистым и жирным брюшком.

И вот щука подошла. Хлопуша приготовился, напрягся, а потом резко швырнул копь в воду. Копье пронзило щуке спину и крепко застряло в ее гибком большом теле.

Хлопуша стал осторожно сматывать прожилину, подтягивая загарпуненную щуку к берегу. Вскоре рыбина, сверкнув чешуей, шлепнулась на жухлую траву.

– Отлично, – сказал Хлопуша и самодовольно улыбнулся. – Теперь попируем.

Однако все случилось не так скоро, как хотелось бы толстяку. Сначала долго не могли разжечь костер, потом вода в котелке никак не хотела закипать. Хлопуша, ожидая ухи, весь истомился.

– Когда ж она, проклятая, сварится, – ворчал он, с тоской глядя на котелок.

– Скоро, – спокойно отвечал ему Рамон. – Наберись терпения.

– «Скоро», – ворчливо передразнил Хлопуша. – Тут от одного запаха умом тронешься. Еще чуток, и я кинусь облизывать горячий котелок.

– Пока варится уха, можно перекусить вяленным мясом и квашеной капустой, – предложил Рамон. – У меня еще осталось немного.

Хлопуша поморщился.

– У меня от этой капусты уже второй день несварение, – проворчал он. – Да и от вяленого мяса мутит.

Рамон усмехнулся:

– Не знал бы тебя близко, никогда бы не подумал, что такой толстяк и обжора может быть таким капризным и переборчивым.

Хлопуша хотел ответить, но вдруг лицо его перекосилось, и он схватился руками за толстый живот.

– Что я тебе говорил, – болезненно поморщившись, пожаловался он. – Капуста с мясом водят в пузе хороводы.

– Тогда тебе лучше дождаться ухи, – согласился Рамон. – Нет ничего лучше для расстроенного желудка, чем...

Хлопуша резко поднялся на ноги.

– Как сварится, выложи рыбу на берестинку, а то разопреет! – страдальческой скороговоркой выпалил он. – Остынет, съедим и запьем шербой!

Сказав это, Хлопуша повернулся и зашагал к лесу.

– Куда ты?! – крикнул вслед Рамон.

– Никуда, – хмуро отозвался Хлопуша. – Ноги разомну.

Рамон улыбнулся.

– Ну-ну. Только имей в виду: тут недалеко село Повалиха. Ежели встретишь сельчанина, собирающего хворост, не проглоти его по привычке.

– Не беспокойся, не проглочу.

Хлопуша скорчился от очередного приступа колик, с трудом распрямился и торопливо затрусил к разросшимся за поляной вересковым кустам.

* * *

– Слава Белобogu, облегчился, – выдохнул Хлопуша, завязывая кушак под толстым брюхом. Лицо его вновь приобрело добродушный и довольный вид.

Приведя в порядок одежду, он сходил к ручью, помыл руки и лицо, утолил жажду, затем снова встал на ноги и огляделся. Хорош был лес весной. На ветках пробились свежие зеленые листики. Душисто пахла трава.

За долгие месяцы странствий Хлопуша успел соскучиться по своему родному Хлынью-граду. По чистой и понятной речи земляков, по широким, как реки, улицам, по благоухающему пирожками и блинами Торжку с его говорливой суетой.

Даже по хлынским пустырям, где обитали бродячие псы. В гофских странах каждый клочок земли был наперечет, и пустырей не было вообще. Собак же там истребляли, чтобы они не разносили заразу. В голодные годы даже кошкам приходилось туго, потому что люди ловили их, свеживали и варили из них похлебку.

Много чего повидали толстяк Хлопуша и благородный толмач Рамон, странствуя по иноземным странам вместе с караванами купцов. Несколько раз им пришлось участвовать в настоящих сражениях. Гофские разбойники оказались похитрее русских, ибо леса их были не такими необъятными, как здесь.

Города западных жителей сильно отличались от славянских городов. Над рынками там высятся каменные дома, а узкие улочки запружены повозками. Одежды горожан пестрые и разнообразные, чему благоприятствовал теплый климат. Гофские ратники одеты в тяжелые медные латы, а копья и мечи их длиннее славянских. На головах ратников красуются огромные шлемы с забралами.

По поводу этих шлемов и тяжелых лат у Хлопуши с Рамоном даже вышел спор. Рамон утверждал, что одетые в латы и шлемы воины непобедимы. И ежели они вздумают прийти в Хлынское княжество и завоевать его, никто не сможет им в этом помешать.

Хлопуша в ответ на эти доводы лишь рассмеялся, а после заявил, что ежели действовать с умом и сметкой, то сгубить этакое «железное чучело» легче, чем заколоть рогаатиной медведя.

– И как же ты это сделаешь? – поинтересовался Рамон.

– Да просто, – ответил Хлопуша. – Заманю их на мерзлую реку и подведу к местам, где течение быстрее, а сама вода чуть тронута ледком. Там, где наш ратник проскачет и не заметит, гофский рыцарь проломит лед и валуном уйдет на дно.

Рамон обдумал его слова, после чего с одобрительной улыбкой сообщил, что Хлопуша вовсе не так глуп, как может показаться со стороны. В ответ на эти слова Хлопуша добродушно объявил, что иногда – при тусклом освещении – даже такого расфранченного болвана, как Рамон, можно принять за мужчину.

Да, много интересного повидал во время похода в гофские земли Хлопуша. К примеру, в одном городе ему довелось увидеть огромных коричневых кошек с густой гривой волос и огромными клыками. Кошки назывались «леонами» и своей свирепостью и мощью привели Хлопушу в настоящий восторг.

Глядя на самого здорового и клыкастого леона, Хлопуша подумал, что было бы интересно сравнить его с самым большим волколаком и посмотреть, кто победит. Хлынский волколак, конечно, помельче леона ростом, но крепче сбит. Грудь у волколака шире, чем у льва, а когти на лапах мощнее и острее.

В другом месте Хлопуша видел странных людей, которые на площадях показывали фокусы. То доставали из шапок тощих кроликов, то заставляли камни и предметы исчезать и появляться вновь.

Хлопуша этому делу удивлялся и вместе с другими ротозеями хлопал фокусникам в ладоши, однако в голове держал, что хлынские ведуны и ведуньи умеют и не такое. А уж о чудесах, которые он видел в Гиблом месте, и говорить не приходится.

В городе Милане по улицам бродили смуглые люди с раскрашенными лицами, называющие себя факирами. Они шагали босыми ногами по горящим углям, глотали ножи и выдували из груди клубки настоящего огня. Хлопуша пришел от факиров в восторг.

– Полезное умение! – с восхищением сказал он тогда Рамону. – И сгодится везде: хоть костер разжечь, хоть кабанью тушу опалить. А то можно и зайца на вертеле безо всякого костра изжарить. Сиди себе да дуй.

Чем больше Хлопуша смотрел на факиров, тем больше ими восхищался. Он вдруг подумал, что такое умение пошло бы на пользу и хлынским ратникам. Этаким огнедувам ни

меча, ни кинжала в бою не надобно. Встань перед врагом, дунь на него пламенем, тот и убежит.

После представления Хлопуша даже хотел вступить с одним из факиров в переговоры, намереваясь убедить его поехать в Хлынь и научить своему искусству хлынских ратников. Но Рамон отговорил его, пояснив, что у факира есть своя родина, и уж если он будет кого-то учить, то совсем не хлынских ратников, а своих собственных смуглых воинов.

Из мелочей Хлопушу умиляло то, что западные люди почти не носили высоких сапог и меха. Они повсюду разгуливали в деревянных башмаках, обтянутых кожей, а в прохладную и ветреную погоду кутались в суконные плащи.

Много разных чудес повидал Хлопуша на чужбине. Много хороших людей повстречал, много вкусной еды съел. Но здесь, на родине, и дышалось легче, и спалось крепче, и сны снились приятнее. Вот только живот некстати прихватило, но в этом Хлопуша винил плесневелое вяленое мясо, которым их с Рамоном снабдили гофские купцы.

Подумав о купцах, Хлопуша вспомнил, что карманы его теперь полны золотых монет, и от сознания собственного богатства на душе у него стало еще приятнее и светлее.

– Эхма! – выдохнул Хлопуша, улыбаясь во весь свой щербатый рот.

Солнце между тем уже зашло за деревья, и на небе появилась бледная луна.

Хлопуша зашагал к дороге, но тут внимание его привлек легкий шорох. Толстяк остановился и прислушался. Прошла секунда, еще одна... Шорох не повторился, и Хлопуша вздохнул облегченно. Не хотелось бы ему сейчас встретиться с голодным кодыаком. В юности Хлопуше доводилось хаживать на медведей с рогатиной, но то были мишки-подростки, не больше сажени ростом. В мире нет ничего страшнее голодного, разъяренного медведя-кодыака, весящего двадцать пудов и способного одним ударом лапы переломить хребет лосю или разmozжить череп самому здоровенному волколаку.

Случалось, что кодыаки убивали волколаков и оборотней и лакомились их ядовитым мясом, а после помирали в страшных муках, оглашая своим ревом перепуганный лес. А случалось, что волколаки и оборотни сами задирали кодыака насмерть. После пиршества темных тварей от хозяина леса оставались лишь обглоданные кости, столь огромные, что из них можно было выложить дом.

Шорох повторился. Хлопуша осторожно достал из ножен меч и двинулся на звук, стараясь ступать мягко и бесшумно, как его учил Глеб Первоход.

Дойдя до куста бузины, Хлопуша осторожно выглянул из-за него. Открывшееся Хлопуше зрелище ошеломило его. На прогалине лежал труп молодого оленя. Рядом, на корточках, сидел голый человек и с чавканьем пожирал кровавое мясо, которое выдирал из оленьей туши прямо пальцами.

Человек был небольшого роста, лыс, как колено, и совершенно безбород. Его бледная кожа имела землистый оттенок и была испещрена глубокими морщинами.

Хлопуша хотел уйти, но тут под ногой его хрустнул гнилой сук. Треск был совсем тихий, не каждый зверь услышал бы его. Но странный голый человек услышал. Он мгновенно перестал жевать, быстро повернул голову и уставился на Хлопушу злобными, налитыми кровью глазами. Бровей у человека не было, а веки его – морщинистые, темные – были лишены ресниц.

Мгновение странный человек и Хлопуша смотрели друг другу в глаза. И тут незнакомец отшвырнул мясо, развернулся к Хлопуше всем телом и, раскрыв рот, угрожающе зашипел.

Вначале толстяк даже не понял, что больше всего поразило его в лице незнакомца. А когда понял, волосы у него на голове встали дыбом. Губы чудовища были узкие и бледные, словно кто-то аккуратно разрезал кожу на том месте, где полагалось быть рту. А сам рот, неправдоподобно широкий, был усеян частоколом острых, как ножи, окровавленных зубов. Успел толстяк разглядеть и уши существа. Они были приподнятые и заостренные кверху, словно у зверя.

Чтобы разглядеть все это, Хлопуше понадобился всего миг. А в следующий миг он уже

бежал по лесу, не помня себя от страха. Лишь налетев лицом на колючую ветку, толстяк остановился. Обернувшись на бегу, он увидел, что тварь, оставив оленя, несется за ним по пятам.

Тогда Хлопуша открыл рот и завопил полным ужаса голосом:

– Рамон!

Крик его сорвался на хриплый визг. Он снова обернулся. Существо гналось за ним на четвереньках, крупными, стремительными прыжками.

Продравшись через кусты, Хлопуша вывалился на полянку и едва не упал, но чудом удержал равновесие. Он увидел Рамона. Тот стоял на поваленном бревне и отбивался кинжалами от напавшей на него голой бледной твари. Та перемещалась и кружила вокруг толмача с невероятной быстротой, делая молниеносные выпады и стараясь зацепить Рамона когтями или схватить его руку зубами.

Хлопуша остановился всего на мгновение, но и этого хватило, чтобы чудовище, которое он встретил в лесу, настигло его и прыгнуло ему на плечи. Хлопуша резко извернулся, и голая тварь соскользнула на землю, зажав в когтях выдранные куски кафтана.

Хлопуша, в котором проснулся боевой дух, с ревом прыгнул на костлявую спину чудовища. Он обхватил жилистую, тощую глотку твари локтем, прижал упирающуюся тварь к земле всем своим восьмипудовым весом и попытался сломать ей шею. Но не тут-то было. Тварь, даром что хлипкая на вид, оказалась сильнее и крепче самых мощных гофских борцов.

Никогда еще Хлопуша не встречал столь сильного противника. Лысое чудовище билось и извивалось под ним, как дюжина псов, мускулы его были тверже канатных узлов, а выпирающие кости тощей шеи, казалось, были выкованы из железа и так же несокрушимы. Пытаясь вырваться, тварь шипела, рычала и брызгалась слюной.

На какое-то мгновение Хлопуше показалось, что повизгивание и шипение сложилось в членораздельные слова, и полный злобы голос процедил:

– 3-3-загрызу...

Чудовище дернулось, как норовистый конь, и Хлопуша скатился с его тощей спины.

– Бог Хорс и крылатый пес Семаргл, помогите мне! – в отчаянии крикнул он, вскочил на ноги и рубанул тварь мечом по костлявой груди.

Удар рассек бледно-землистую грудь чудовища, и она раскрылась, как кровавый цветок, – обрубленными ребрами наружу. Хлопуша хрипло перевел дух, но тут случилось нечто невероятное: уродец обхватил себя за бока ладонями и с силой свел окровавленные обрубки ребер обратно к груди. И – великий Велес! – эти обрубки тут же схватились и срослись. А следом за ними затянулась и бледная дряблая кожа.

Лысая тварь отвратительно усмехнулась, а затем со скоростью молнии рванулась вперед. Хлопуша снова вскинул меч, но махнуть не успел – тварь одним сильным ударом вышибла меч из его судорожно сжатых пальцев, а затем прыгнула на широкую грудь Хлопуши.

Длинные пальцы твари впились толстяку в плечи, ноги уперлись ему в живот, а огромный рот раскрылся и устремился на Хлопушино лицо. Хлопуша судорожным, отчаянным движением увернулся от острых слюнявых зубов, выхватил из-за пояса кинжал и по самую рукоять вонзил его в тощий живот твари.

Чудовище зашипело и разжало пальцы. Хлопуша тут же стряхнул его с себя и нанес еще несколько быстрых, точных ударов кинжалом. В сердце, в шею, снова в живот. Потом отпрыгнул в сторону и замер, тяжело дыша и не спуская глаз с лысой, закатившей глаза твари.

Чудовище еще дважды дернулось, а затем оцепенело. Оно было похоже на огромное дохлое насекомое, вздернувшее вверх засохшие крючковатые лапки.

Хлопуша повернулся к толмачу. Рамон сидел на спине у второй твари, сжав ее шею коленями, и быстро перепиливал ей кинжалом хребет. Наконец, лысая уродливая голова чудовища упала на землю, а тело его расслабилось и замерло.

Рамон поднялся на ноги и взглянул на Хлопушу.

– Жив? – хрипло выдохнул он.

– Жив, – ответил толстяк.

Рамон кивнул, сорвал пучок травы, тщательно вытер клинок кинжала и вложил его в ножны.

3

Советник Кудеяр вошел в горницу и с порога взволнованно воскликнул:

– Первоход, это уже не пустяк!

– Что? – Глеб, сидевший за столом с кузнецом Вакаром, оторвал взгляд от чертежей и взглянул на советника. – О чем ты?

Кудеяр сдвинул брови и сухо доложил:

– Уже три каравана купцов не дошли до Хлынь-града. А сегодня в город приехали два путешественника. Путь их лежал через лес близ Повалихи.

– И что? – нетерпеливо спросил Глеб, которого больше интересовал чертеж новой водонапорной башни, чем рассказы о пропавших караванах.

– Эти путешественники рассказывают страшные вещи.

– Да? – Глеб вновь взглянул на чертеж. – Слушай, Кудеяр, мы сейчас немного заняты, поэтому не мог бы ты...

– Первоход! – резко произнес Кудеяр. – Я говорю тебе о погибших людях! Восемь купцов сгинули без следа! А с ними двадцать пять охоронцев! Путешественники, о которых я тебе толкую, наткнулись в лесу на остатки одного из караванов. Там были только подводы. Ни людей, ни лошадей они не увидели.

– Вот как? – Глеб нахмурился. – Значит, купцы и охоронцы разбежались? Не понимаю, чего ты так тревожишься о них. Рано или поздно они выйдут из леса и объявятся в городе или в ближайших...

– Первоход, ты не слушаешь меня, – горестно вздохнул Кудеяр. – Путешественники не нашли ни людей, ни лошадей. Но они нашли обглоданные кости.

Глеб замер над чертежом. Потом медленно повернул голову и взглянул на Кудеяра.

– Гм... – задумчиво произнес он. – Возможно, это порезвились разбойники. Перебили купцов, а после – чтобы отвести от себя подозрения – разбросали на месте бойни кости. Нынче разбойников много развелось. – Глеб усмехнулся и иронично добавил: – Не будь я таким совестливым, сам бы пошел в разбойники. Зарплата больше, график удобнее. Красота.

Советник Кудеяр вздохнул.

– И снова ты не слушаешь меня, Первоход. Купцы возвращались с ярмарки, и подводы их были пусты. Товара на них не было. И кости выглядели так, будто их обгладывали, а не вываривали. – Кудеяр секунду или две помолчал, а потом выпалил: – Что, если это были темные твари? До Повалихи не так уж и далеко. Что будет, если они попрут на Хлынь?

Глеб поморщился:

– Не нагнетай. Быть может, путешественники, о которых ты говорил, сами убили купцов? Убили, а потом придумали эту историю про кости.

– У меня тоже возникла такая мысль, – признался Кудеяр. – Поэтому я отправил их в пыточный дом.

– Что? – не расслышав, переспросил Глеб. – Куда ты их отправил?

– В пыточный дом, – повторил Кудеяр. – Дознаватель Скрыба работал с ними всю ночь.

Лицо Глеба вытянулось от изумления.

– Ты отправил невинных людей на пытки? Если это шутка, то скорей успокой меня!

Кудеяр покачал белокурой головой:

– Это не шутка. Нам ведь нужна правда. Под пытками путешественники повторили свой рассказ. Поэтому я и пришел к тебе.

Глеб сверкнул глазами и холодно осведомился:

– Почему ты мне сразу обо всем не рассказал?
– Я докладывал тебе о пропавших караванах, Первоход. Но ты был так увлечен новыми чертежами, что пропустил мой доклад мимо ушей.

Наступило молчание. Глеб подрагивающей рукой пригладил усы и пророкотал, глядя на советника исподлобья:

– Если ты еще раз отправишь невинных людей в пыточную, Кудеяр, я заставлю пытать тебя самого. Где они сейчас?

– В подземелье. С ними хорошо обращаются и...

Глеб поднялся из-за стола:

– Веди меня к ним. Да, и пошли кого-нибудь за хорошим лекарем. Он может им понадобиться.

* * *

Миновав темный коридор подземелья, Глеб в сопровождении советника Кудеяра и четырех ратников вошел в молодеческую охоронцев. Охоронцы тут же вскочили с лавок и встали навтыжку. Огромный чернявый мужик в кожаном фартуке тоже нехотя поднялся со скамьи.

Глеб взглянул на него и сухо осведомился:

– Кто ты?

– Дознаватель Скряба, – ответил тот.

Первоход сурово оглядел его грузную фигуру, на мгновение остановил взгляд на заляпанном кровью фартуке, снова уставился бугаю в лицо и осведомился:

– Это ты мучил двух странников?

– Я. – Бугай развязно усмехнулся. – Люблю усердствовать на княжьей службе.

Глеб повернулся к старшему охоронцу и коротко приказал:

– В кандалы ката.

Затем отодвинул бугая в сторону плечом и вышел из комнаты.

– Как же это! – возмущенно и испуганно запричитал у него за спиной кат-дознаватель. – За что ж это, а! Ведь я не по злу, а по твоему приказу!

Глеб, не слушая его воплей, широко и стремительно шагнул по темному кирпичному коридору, тускло освещенному пламенем смоляных факелов.

– Зря ты так, Первоход, – едва поспевая за ним, проговорил Кудеяр. – Дознаватель всего лишь делал свою работу. За что его в кандалы?

– За излишнее усердие, – сухо обронил Глеб, останавливаясь перед дубовой дверью. – Здесь?

– Да.

Глеб отодвинул засов и шагнул внутрь.

Остановившись перед клеткой, Глеб сам отомкнул замок и распахнул зарешеченную дверцу.

– Выходите, ребята!

Внутри кто-то завозился и тихонько выругался. Затем пробасил:

– Опять на пытки? Велес на вас отыграется, упыри. Всех на части покромсает, если я сам раньше не доберусь.

Голос показался Глебу знакомым. Прошло несколько секунд, и два человека в изорванных, грязных, забрызганных кровью одеждах вышли из клетки на свет. Глеб изумленно на них уставился, не поверив своим глазам.

– Рамон! – воскликнул он. – Хлопуша! Вы ли это?

Глеб кинулся к ним и обнял сразу обоих, но толстяк вскрикнул от боли, а Рамон яростно зашипел. Глеб поспешно отпрянул от них. Рамон был бледен, на его левом плече, сквозь болтающиеся лохмотья рукава, виднелись свежие багровые шрамы. Хлопуша, морщась от боли, пригладил пальцами ушибленную катом грудь, на которой чернел

огромный синяк.

Похоже, они не сразу сообразили, кто перед ними стоит. А сообразив, удивленно вскинули брови и проговорили почти хором:

– Первоход?

– Да, это я! Проходите к скамье! Эй, охоронец! – окликнул он одного из сопровождающих. – Постели на скамью что-нибудь мягкое.

– Где ж его взять, мягкое-то?

– Плащ свой расстели, болван!

Охоронец поспешно стянул плащ, сложил его вдвое и расстелил на скамье, однако Рамон, усмехнувшись разбитыми губами, сказал:

– Если ты пришел увести нас отсюда, уводи скорее.

– Нет у нас охоты тут рассиживаться, – подтвердил Хлопуша. – Хоть устели весь пол персидскими коврами.

– Вы правы, – немедленно согласился Глеб. Он снял свой плащ и набросил его на плечи Хлопуше. Затем взял со скамьи плащ охоронца и осторожно укутал им Рамона. – Идемте!

В светлой, чистой горнице после пары кружек хмельного сбитня Хлопушу и Рамона слегка разморило. Они сидели на укрытой коврами скамье, чисто умытые, причесанные и одетые в богатые ферязи. Черные кудрявые волосы Рамона рассыпались по его узким плечам. Бородка была аккуратно подстрижена и подбрита, а в смуглом левом ухе поблескивала золотая серьга.

Хлопуша тоже подстриг свою реденькую русую бороденку. На его толстых щеках играл румянец. И от всей медвежьей фигуры верзила веяло таким несокрушимым здоровьем, словно он заявился сюда не из пыточного дома, а из пиршественного зала.

– Пришло время объясниться, Первоход, – первым заговорил Рамон. – Нет сомнений, что ты теперь здесь какой-то начальник.

– Да уж, – подтвердил Хлопуша. – По всему видать – важная шишка.

– Кто же ты теперь, Глеб? И что делаешь в княжьем тереме?

Глеб слегка смутился:

– Видите ли, друзья... Дело в том, что я теперь командую этими идиотами.

– Командуешь? – Толмач нахмурился. – Что это значит? Тебя сделали сотником?

Глеб хмыкнул:

– Бери выше. Я теперь первый советник княгини, и все, кого вы видели в тереме – от боярина до последнего холопа, – подчиняются мне.

Рамон недоверчиво посмотрел на Глеба и тихо пробормотал что-то по-итальянски. А Хлопуша присвистнул:

– Высоко ты взлетел, Первоход! Выходит, то, что с нами сделал кат, это все по твоему приказу?

Глеб повернул голову к двери и раздраженно рявкнул:

– Где же ества?

– Уже несем, господин! – отозвался покорный голос.

Почти тотчас же двери распахнулись, и осанистый кравчий собственноручно внес в горницу два серебряных блюда, на одном из которых красовался огромный жареный гусь, а на другом – румяные горячие блины с тешкой. Вбежавший следом мальчишка-холоп поставил на стол кувшин с византийским вином и плошку с горячим чесночным соусом.

Низко поклонившись, кравчий и мальчишка удалились.

– Ну вот, – с улыбкой сказал Глеб. – Теперь вы можете как следует подкрепиться.

Рамон с Хлопушей, однако, не шелохнулись. Они по-прежнему смотрели на Глеба, будто на столе не было еды и вина.

– Что же вы! – поторопил их Глеб. – Налетайте! Хлопуша, ты как-то сказал, что сможешь съесть большого гуся за один присест. Покажи, на что ты способен!

Хлопуша ухмыльнулся и сказал:

– Я был жутко голоден, пока ехал в Хлынь, и готов был слопать целого барана. Но после всего, что произошло, мне кусок в горло не лезет.

Глеб нахмурился и перевел взгляд на Рамона.

– Толмач, ты ведь любишь блины. Когда-то ты грозился накопить денег и открыть в Хлынь-граде собственную «Блинную».

– Благодарю тебя, Первоход, но я не голоден, – вежливо ответил Рамон.

Глеб нахмурился еще сильнее.

– Что ж... – проговорил он. – Тогда отложим трапезу на потом и продолжим разговор. Я знаю, что по дороге в город вы повстречали в лесу каких-то лютых тварей. Расскажите мне об этом подробнее.

– Мы уже рассказывали это *твоим* дознавателям, – грубовато доложил Хлопуша.

– А теперь повторите это мне, – спокойно сказал Глеб. – И не упускайте ни одной мелочи.

Рамон и Хлопуша переглянулись.

– А Первоход и впрямь стал крут, – ухмыльнувшись, заметил Хлопуша.

– Да, – согласился с ним Рамон. – И дознаватели у него – что надо.

– С такими хоть на оборотней, – поддакнул Хлопуша. – Поймают оборотня, привяжут его к дереву и начнут вытягивать из него жилы. Медленно, по одной. А чтобы подольше не подыхал, будут поить его целебным отваром. Отличные дознаватели! Первоход, если бы ты видел, как эти ребята управляют с иглами! Любо-дорого посмотреть!

Глеб глянул на толстяка исподлобья и сурово изрек:

– Хлопуша, даю тебе слово, что я ничего не знал. Ни про дознавателя, ни про пыточную.

– Вот как? – прищурил черные глаза Рамон. – А я думал, что первый советник знает все и обо всем. Я думал, в княжестве ничего не вершится без его ведома.

– Возможно, так и должно быть. Однако я и в самом деле ничего не знал. Дознаватели, которые вас пытали, получают по заслугам. Я уже приказал бросить их в темницу.

Некоторое время все трое молчали. Потом Рамон вздохнул и заявил:

– Ладно. В нас говорит обида, а не разум. Ты наш друг, Первоход, и мы должны простить тебя. Хлопуша, ты как?

– Прощу, только когда увижу, как дознавателю Скрыбе прижигают ягодицы раскаленным железом, – объявил Хлопуша.

– Да будет так, – кивнул Глеб. – Теперь мы можем продолжить разговор?

– Теперь можем, – пробасил Хлопуша, ухмыльнувшись и, протянув руку к жареному гусю, вырвал у него из бока поджаристую ножку.

Глеб подождал, пока оба странника чуть-чуть подкрепятся, затем спросил:

– Итак, что же вы видели?

Рамон, доедая блин, взглянул на Хлопушу:

– Толстяк, расскажи ему.

Хлопуша отправил в рот кусок гусяного мяса, облизнул пыльцы и пробасил с набитым ртом:

– Дело было так...

4

Закончив рассказ, Хлопуша взял кувшин и наполнил свой кубок вином.

– Ни оборотни, ни упыри, ни волколаки не могли сотворить такого, – сказал, глядя на Глеба печальными, бархатистыми глазами, толмач Рамон. – Лошадиные кости были обглоданы дочи́ста. И на них я видел следы зубов. Зубов столь крепких, что если бы эти твари захотели, они бы запросто разжевали толстые кости в щепки.

– Да... – задумчиво произнес Глеб, поскребывая ногтями горбинку на переносице. – Если все так, как вы говорите...

– Все так, – перебил его Хлопуша. – Мы ничего не выдумывали. Каждое наше слово – правда!

Хлопуша обмакнул мясо в чесночную подливу, швырнул его в рот и добавил, не забывая работать челюстями:

– Они оттащили подводы с дороги и спрятали их за кусты. Там же были и кости. Эти твари, кем бы они ни были, очень умны и хорошо умеют замечать следы.

– И они действительно похожи на людей?

– Да, очень похожи, – кивнул Рамон. – Но сила у них нечеловеческая.

– Верно, – кивнул Хлопуша, вытирая рушником ладони. – Мне казалось, будто я пытаюсь удержать на земле разъяренного быка. От усилий у меня едва не лопнули руки!

– Но ты говоришь, что сама тварь была невелика?

– На голову ниже меня! Как мальчишка-отрок! И такая худющая, будто месяц ничего не ела!

– Гм... – Глеб сдвинул брови. – Должно быть, у этих лысых тварей ускоренный метаболизм, – тихо и задумчиво проговорил он. – Отсюда и их дьявольская взрывная сила. При таком расходе энергии они должны быть постоянно голодны.

Рамон и Хлопуша переглянулись. Хлопуша тихонько постучал себя пальцем по виску, что должно было означать: «У Первохода опять шарики закатились за ролики». Рамон улыбнулся. Потом перевел взгляд на Глеба и сказал:

– Первоход, в твоей речи много непонятных слов. Но, думаю, ты все правильно понял. Эти твари невероятно сильны. И они голодны. А это значит...

– Это значит, что они придут в села, – договорил Глеб. – А потом и в Хлынь. Интересно, много ли их?

– Судя по следам, на караван напала целая стая, – сказал Рамон. – Голов тридцать, а то и больше.

– Тридцать... – задумчиво повторил Глеб.

– Да, тридцать. И каждая из этих тварей стоит трех вооруженных до зубов воинов. Передвигаются они столь быстро, что трудно уследить глазами. А зубы их так крепки, что могут перекусить лошадиную ногу.

Лицо Глеба еще больше помрачнело.

– Не было печали... – хмуро пробормотал он. – Откуда только берется эта мразь?

Хлопуша хмыкнул:

– Известно откуда – из Гиблого места.

Глеб взял свой кубок и, запрокинув голову, в несколько глотков выпил все вино. Поставил кубок на стол, вытер рот рукавом и сказал:

– Скверно, ребята. Очень скверно. Захочешь открыть дверь в светлый Уграй, а за спиной у тебя тут же распахивается дверь, ведущая в бездну. И почему так?

– Власть нынче в твоих руках, Первоход, – напомнил Рамон. – Ты волен использовать ее так, как захочешь.

Глеб хмыкнул:

– Я бы рад. Эх, мне бы лет десять покоя. И чтобы никаких печенегов и хазар под стенами, и чтобы бояре думали не только о своих толстых жопах, но и об общем деле. И чтобы никакого Гиблого места за спиной... Я бы тут такого настроил.

Глеб замолчал и тяжело вздохнул.

– Хлынский люд не слишком трудолюбив, – неуверенно произнес Рамон. – Тут просторно, не нужно друг дружке ноги топтать.

Глеб потянулся за кувшином, но остановился на полпути, снова о чем-то задумавшись, и вдруг проговорил:

– Слушайте... – Голос его звучал напряженно. – А может, мы все тут – что-то вроде стражей? Пока другие страны строят светлую жизнь, мы караулим здесь адские врата, чтобы темные твари не выползли из бездны и не расплозились по земле? Может, в этом и состоит наше предназначение, а?

Хлопуша растерянно покосился на Рамона и, поскольку тот молчал, невнятно проронил:

– Может, и так.

В дверь сунулся десятник.

– Добрый господин, – окликнул он Глеба, – ты велел вечор выпустить из темницы боярина Добровола. Я пришел спросить, в силе ли твой приказ и не передумал ли ты?

– Я не передумал, – ответил Глеб.

Десятник кивнул и хотел идти, но снова остановился и уточнил:

– Вернуть ли ему меч, Первоход?

– А разве он ходил с мечом? – удивился Глеб. – Это ведь привилегия воинов.

– Боярин Добровол, будучи отроком, ходил в военные походы. С тех пор он никогда не расстается с мечом.

– Да-да, теперь я припоминаю. – Глеб нахмурился. – Хорошо, верните этому фазану меч, но предупредите, что теперь он не может безнаказанно рубить и бить смердов. За каждый удар мечом ему придется нести ответ перед судом присяжных и лично передо мной.

– Добро, Первоход, я все ему передам.

Десятник скрылся и притворил за собой дверь.

– Боярин Добровол? – удивленно вскинул брови Рамон. – Когда мы уезжали, он был вторым после Кудеяра. А на деле – первым.

– Да, было дело, – нехотя признал Глеб. – Но теперь он никто, и звать его никак.

– Но ведь он богат! – пробасил Хлопуша. – Кажется, Добровол так же богат, как Крысун?

– Был, – сухо поправил Глеб. – Этот разряженный фазан задумал произвести политический переворот и убить меня. За это преступление я отправил его в темницу, а его богатство передал в казну.

– Ловко! – похвалил Хлопуша.

Глеб поморщился:

– При чем тут ловкость? Это была вынужденная мера.

– Бесспорно, – спокойно и вежливо кивнул Рамон. – Заговор против власти – тягчайшее преступление в любой стране мира.

Глебу не нравилась эта тема, и он поспешил свернуть неприятный разговор.

– Вы, должно быть, устали. Вам отведут покои в княжьем тереме. Пока отдыхайте, а после вы мне понадобится.

– Зачем? – вежливо поинтересовался толмач.

– Пока вас не было, в княжестве произошли большие перемены. Я внедряю в массы прогресс, и мне нужны верные, сильные и умные помощники.

Рамон улыбнулся и заверил:

– Всегда готов помочь тебе, Первоход.

А Хлопуша грохнул об стол кубком и громко сообщил:

– Если нужно что-то внедрить – я к твоим услугам, Первоход! Крепче плеча, чем мое, тебе не найти!

5

Странная жизнь была теперь у Прошки Суховерта. С утра он ходил в школу и учился грамоте. После полудня – фехтовал на деревянных мечах в гимнастическом зале. А вечерами ходил в театральные кружки.

С одной стороны, жизнь пошла хорошая, интересная и сытая. Но с другой – дышалось Прошке теперь не так вольготно, как прежде. В школу не пускали неумытым и в грязном платье. Это называлось «гигиена». В гимнастическом зале нельзя было лупить друг друга палками по голове, а лишь делать «выпады», «переходы» и «блоки» по правилам фехтовального искусства.

Да и «театр» Прошка не больно-то жаловал. Девчонки изображали из себя взрослых девок и баб, так же, как их мамки, утыкали руки в бока и сдвигали брови. Прошке это не нравилось, потому что взрослых баб он недолюбливал. Опыт подсказывал Прошке, что с бабами лучше не связываться. Там, где мужик даст тумака и забудет, баба будет бить скалкой, пока не забудет тебя насмерть.

Не нравилось Прошке и то, как девчонки изображали любовь. Они хныкали, сюсюкали и размазывали по щекам сделанные из слюней слезы. Прошку от этой фальши корбило. В конце концов, Прошка вовсе перестал ходить на «репетиции».

Иногда, проходя по Торжку в своем новом богатом кафтанчике, Прошка замечал, что торговцы, по старой памяти, прикрывают от него свой товар. Поначалу Прошку это бесило, а после стало нравиться, поскольку напоминало о прежней вольной жизни. О той жизни, в которой девки были предназначены, чтобы задирать им подолы, а не сюсюкать с ними про «любовь», а разбойники были милее добрых молодцев.

С Глебом Первоходом воренок виделся редко, хотя дом, в котором он теперь жил, находился во дворе княжьего терема. Будучи первым советником, Первоход был постоянно чем-нибудь занят.

Прошка довольно быстро оценил размах преобразований, которые затеял Первоход. Жизнь в городе кипела, как может она кипеть лишь в муравейнике. Вокруг, куда ни плюнь, постоянно что-то строили и сколачивали. С самого утра над городом начинал тянуться черный дымок, выходящий из труб нескольких мастерских и «мануфактур».

Неподалеку от княжьего терема возводили огромное здание, называемое «Дворец культуры», причем строили его не из бревен и даже не из белого камня, а из рыжих кирпичей, слепленных из глины с замысловатыми добавками и пропеченных в специальных печах.

На прилавках Торжка появились диковинные товары, о которых прежде хлынды и не слыхивали. На мосту, перекинутом к стене княжьего терема, торговцы продавали книги и парсуны, отпечатанные в «типографии».

Прошка и себе прикупил одну, на которой были нарисованы три ратника на могучих конях. Тот, что посередке, оглядывал окрестности из-под ладони. На руке у него висела палица. Тот, что слева, был мощен и глядел вокруг бесстрашным взглядом. А тот, что справа, был строен и молод, почти как Прошка. Его белый конь, такой же стройный, как седок, опустил голову к траве.

Прошка приладил трех богатырей на стену и таращился на них по утрам, когда жевал хлеб и запивал его квасом, готовясь отправиться в школу. Он представлял себе, что и сам когда-нибудь будет сидеть на белом коне, в кольчуге и шеломе. А на перевязи у него будет висеть длиннющий гофский меч, которым даже Глеб Первоход может управляться, лишь обхватив рукоять обеими руками.

Ну, а в школе, вместо подвигов и сражений, начиналась прежняя скукота – буквицы, цифири, вертлявые девчонки, воображающие себя взрослыми бабами, вечно ворчливые учителя.

В тот день, когда жизнь Прошки снова перевернулась, в терем из далекой страны Венеции прибыли пять мастеров-стекольщиков. Прошка видел в окно, как Первоход встречал их и вел в мастерские.

Прошка уже слышал про стекло и даже видел когда-то круглые стеклышки на глазах ученого мужа Лагина. Да и в Порочном граде верхние окна главного кружала, в котором проживал когда-то Крысун Скоробогат, были застеклены.

Но теперь Первоход хотел, чтобы стекла были повсюду. Прошка не одобрял этого и втайне удивлялся глупости Глеба. Стекла дороги и хрупки. Вдарь по стеклу кулаком или швырни в него камень – и ничего не останется, кроме россыпи прозрачных твердых брызг. К чему переводить деньги казны на подобные пустяки?

Впрочем, обсуждать указы и распоряжения Глеба Первохода в тереме было запрещено. Каждого, кто хулил его новшества, было приказано ловить, класть на лавку и хлестать

плетьюми по мягкому месту, покуда не образумится и не перестанет злословить.

Перед самым началом урока к Прошке, дымящему в углу самокруткой (привычку эту он втайне перенял у Глеба), вдруг подошла купеческая дочка Млава. Остановившись рядом с Прошкой, она несколько мгновений молчала, а потом вдруг спросила:

- Прошка, а правду говорят, что ты знаком с советником Первоходом?
- Правду, – небрежно обронил Прошка, потягивая бутовую самокрутку.

– А про то, что ты ходил с ним в Гиблое место, тоже правда?

Прошка усмехнулся и щелчком пальца стряхнул с самокрутки пепел.

– Было дело, ходил. А тебе-то что?

Млава опустила взгляд и слегка порозовела.

– Да так, ничего. – Она еще немного постояла молча, потом снова подняла взгляд на Прошку и тихо спросила: – А почему ты перестал ходить в театр?

Прошка дернул уголок губ и презрительно проговорил:

– Не люблю лицедейства. Пустое это.

– Пустое? – На этот раз щеки девчонки вспыхнули обидой. – Да что бы ты понимал – «пустое»!

– Да уж кой-чего понимаю. – Прошка дотянул самокрутку до губ и небрежно швырнул окурок в ведро. – Суетитесь там, воображаете... Но все это пустое. В жизни ничего такого не бывает.

– Не бывает? – Млава прищурила синие глаза. – А как бывает?

– Да так. Задираешь девке подол и...

Прошка осекся, не выдержав взгляда вспыхнувших девичьих глаз.

– И ты задира? – сухо поинтересовалась Млава.

– А то как же, – пробубнил Прошка. – Случалось.

– И мне можешь?

Прошка не нашелся, что на это ответить, и покраснел как вареный рак. Млава улыбнулась и сказала:

– Дурень ты, Прошка. Дурень и хвастун. А хочешь, сегодня вечером по Торжку погуляем?

От такого предложения Прошка растерялся окончательно.

– Как... погуляем? – пробормотал он.

– Вдвоем. Как парень с девкой. – Млава снова улыбнулась. – Мы ведь с тобой уже большие. Скоро будем совсем взрослые.

Прошка несколько секунд молчал, пораженный до глубины души, потом тихо пробормотал:

– Добро. Давай погуляем.

– Во сколько? – уточнила Млава.

– Сама скажи.

– Перед закрытием Торжка?

– Добро, – снова кивнул Прошка.

Млава одарила Прошку лучезарной улыбкой, поправила быстрым движением белокурый локон, выбившийся из-под платка, повернулась и зашагала к классам.

6

Прошка с нетерпением дождался вечера. Пред тем как выйти из дома, он внимательно оглядел одежду. Кафтан на нем был богатый, шапка – оторочена мехом норки, сапоги – яловые, новенькие и так тщательно натертые жиром, что от блеска их слепило глаза.

На перевязи у Прошки висел короткий обоюдоострый меч-скрамасакс. На другом боку красовался кривой печенегский кинжал в отделанных серебряной инкрустацией ножнах.

Когда Прошка вышел на улицу, небо начало сумерничать. По дороге к Торжку он тщательно обходил лужи и выбирал лишь сухие твердые места, не желая запачкать сапоги и

край кафтана грязью.

Прошка потратил много времени на выбор наряда и теперь боялся опоздать. Чтобы сократить путь, он свернул в темный переулочек и вскоре сильно об этом пожалел.

Жулики появились внезапно. Двое – Писк и его верзила-сподручный – встали прямо перед Прошкой, а еще трое преградили сзади путь к отступлению.

– Гляди-ка, кто тут! – осклабился Писк. – Никак Прошка-оборванец? Экий ты теперь важный да надутый.

У ног Писка вертелась черная собака-дворняга. Она вышагнула вперед и, ошетинив загривок, зарычала на Прошку.

– В школу небось ходишь? – ухмыльнулся верзила. – Ходишь, признавайся!

– Хожу, – ответил Прошка, угрюмо глядя на Писка, и положил руку на меч.

Писк, казалось, не заметил этого движения.

– А кафтанчик-то на тебе парчовый! – с насмешливым восхищением заявил он. – Дашь поносить?

Прошка прищурился и процедил сквозь зубы:

– Не дам.

– Чего так?

– Свой надо иметь.

Черная собака, стоявшая возле Писка, сделала пару шагов навстречу Прошке и снова зарычала.

Пальцы Прошки, лежащие на рукояти меча, слегка подрагивали. С одной стороны, ему было до ужаса страшно. С другой – в душе его поднялась разбойная, разухабистая удаль, о которой он почти позабыл. Прошка прекрасно понимал, что ему достанется. Однако азарт заставлял его сердце биться быстрее и сжиматься от радостного предвкушения побоища.

Когда-то отец Прошки любил приговаривать, что боги сотворили мужика для трех вещей: драться, пахать да бабу мять. Прошка твердо это усвоил и едва ли не с младенчества умел орудовать кулаками.

Воры оглядели Прошку с ног до головы, потом верзила усмехнулся и спросил:

– Ну что, Писк? Бить будем или так отпустим?

– А это как сам он захочет, – небрежно ответил Писк. – Слышь, барчук? Чего оцепенел-то? Сымай кафтан и сапоги. Да штаны не забудь, пока не обмочился!

Воры заржали. Прошка почувствовал, как глаза его заволакивает гневная пелена. Он разлепил губы и хрипло предложил:

– А ты поди и сними, раз такой смелый. Или духу не хватает?

Взгляд вора похолодел. Он сунул руку в карман и вынул нож. Прошка отступил на шаг и молниеносно выхватил из ножен меч. Клинок блеснул в лучах заходящего солнца и заставил молодых воров нахмуриться.

– Гляди-ка, Писк, этот гад меч достал, – неуверенно произнес один из тех, что стояли у Прошки за спиной.

– С мечом али нет, а нынче я его возьму, – презрительно отозвался Писк. – Никуда не денется.

Прошка крепче стиснул рукоять меча и холодно предупредил:

– Рубить буду насмерть. Коли подвернется твоя шея, Писк, не обессудь.

Вор усмехнулся, глянул на свою собаку и насмешливо процедил:

– Ну что, Трезорка. Кажись, у тебя сегодня на ужин будет свежее мясо.

Пес облизнулся и завертел хвостом. Воры вновь засмеялись. И вдруг пес насторожился, постоял пару секунд, будто оцепенев, а потом, резко сорвавшись с места, с лаем бросился к темному углу избы.

– Трезор! – сердито окликнул его Писк. – Куда понесся, сучье племя!

Пес свернул за угол, и вдруг лай его резко оборвался. Послышался хруст ломаемых костей, а затем звук, от которого Прошку едва не вывернуло наизнанку. Это было отвратительное чавканье.

– Трезор! – дрогнувшим голосом позвал Писк. – Трезорка!

Чавканье на миг прекратилось, затем продолжилось вновь. Что-то вылетело из-за угла, стукнулось об стену и упало к ногам Писка. Это была круглая черная песья голова.

Наверху кто-то по-змеиному зашипел. Воры и Прошка задрали головы и обомлели. На крыше на фоне заходящего солнца сидел голый мужик. Был он совершенно лыс и очень тощ. Лица его было не разглядеть.

– Тебе чего, доходяга? – срывающимся голосом окликнул Писк. – А ну – пошел отсюда!

Мужик чуть склонил набок лысую голову и повел острым, будто у зверя, ухом.

– Ну гад, сейчас я тебя сниму! – крикнул вор, быстро поднял с земли камень и изо всех сил швырнул его в мужика.

Мужик резко дернул рукой и поймал камень на лету. Парни замерли с открытыми ртами. Такой ловкости они никогда прежде не видели.

– Писк... – тихо и испуганно пробормотал верзила-вор. – А ведь это не человек. Это...

Мужик, сидевший на крыше, резко швырнул в него камнем. Верзила вскрикнул, пошатнулся и рухнул на землю. Камень угодил ему прямо в темя и разбил голову.

То, что произошло дальше, было похоже на кошмар. Сперва послышался перестук множества ног и рук, а потом Прошка и окружившие его воры с ужасом увидели, что по стенам домов, как пауки, быстро перебирая руками и ногами, бегут лысые бледные твари.

Прошка успел увидеть, как один из уродов повалил рыжего воренка и вгрызся ему зубами в голову и как Писк принял другого лысого уroda на нож и распорол тому тощее брюхо.

Потом Прошка повернулся, рубанул перед собой мечом, расчищая дорогу среди месива чудовищ, и бросился наутек, уворачиваясь от когтистых лап и перепрыгивая через поверженных воров, которых лысые твари, визжа и завывая, рвали на куски.

Выскочив из переулка, Прошка увидел Млаву. Она шла навстречу, чистенькая, светленькая, в новом полушубке и ярко-красных рукавичках.

Завидев Прошку, Млава улыбнулась и помахала ему рукой. «Млава, беги!» – хотел крикнуть Прошка, но не успел. Лысая тварь прыгнула на Млаву с крыши дома. В один миг чудовище сбilo Млаву с ног, повалило на мокрую землю и вцепилось ей в горло.

Прошка бросился вперед, взмахнул мечом и разрубил чудовищу голову. Голова – лысая, тощая, обтянутая землисто-бледной кожей – лопнула, словно орех. Прошка спихнул чудовище ногой и присел рядом с Млавой. Девушка зажала красной рукавичкой шею, хрипела и силилась что-то сказать.

– Млава! – крикнул Прошка.

Вдруг девчонка замерла. Потом тело ее резко выгнулось дугой и медленно опало. Глаза Млавы остекленели. Прошка заплакал, протянул руку и закрыл ей глаза.

Рядом кто-то закричал и визгливо заскулил. Прошка мигом выпрямился и повернулся на шум. Тварь, которой он разрубил голову, поднималась с земли. Через весь ее лысый череп проходил страшный черный шрам, оставленный мечом Прошки, однако сама голова вновь была цела.

Прошка шагнул к чудовищу и снова ударил его мечом. А потом еще раз, и еще. Он рубил тварь на куски, пока не выдохся. Потом остановился и хрипло перевел дух.

Куски тела твари еще подрагивали. Пальцы отрубленных рук скребли когтями землю, словно силились подползти к телу.

Прошка повернулся к Млаве и оцепенел. Две лысые твари, не обращая на Прошку внимания, рвали тело купеческой дочери зубами и с чавканьем пожирали оторванные куски.

Прошка перегнулся пополам, и его шумно вырвало. Твари покосились на него злобными глазами, но не прервали своей жуткой трапезы. Видимо, были очень голодны.

Прошка выпустил из пальцев меч, повернулся и, шатаясь, побежал прочь.

В эту ночь Глеб спал крепко. И снился ему прекрасный город. Голубые небоскребы горделиво возносились к самому небу. Улицы были широкие, по ним скользили невиданные обтекаемые машины, работающие на безотходном и легко восполняемом топливе. Люди ходили в серебристых и голубых одеждах, и сами были высоки, легки и осанисты. Лица у всех были счастливые. И повсюду звучала русская речь.

И это не была Москва. Это был новый город, который построил он, Глеб Орлов!

«Значит, получилось? – думал во сне Глеб, не веря своим глазам. – У меня все получилось? Выходит, все было не зря?»

Глеб смотрел на свой город как бы сверху, словно бы с высоты птичьего полета, но видел каждую мелкую деталь, каждую улыбку на лице ребенка или взрослого.

«Да, у меня получилось, – подумал он, улыбнувшись и сам. – Все было не зря. Игра стоила свеч».

Но вдруг посреди главной площади города – светло-голубой, ярко освещенной лучами солнца, появилось маленькое темное пятнышко. Пятнышко стало разрастаться, словно город был всего лишь бумажной картинкой, и кто-то поднес к этой картинке снизу пламя зажигалки. А потом голубой асфальт лопнул и провалился, обнажив багрово-черное нутро ямы, и яма эта, пульсируя и разъедавая края, продолжала увеличиваться в размерах.

Глеба охватил ужас, и он взмок от пота. Волосы на его голове зашевелились, а на глазах выступили слезы отчаяния.

– Нет! – что было мочи закричал он, сжав кулаки. – Не надо! Не делай этого!

Черное пятно посреди площади стало похоже на огромный рот чудовища, и рот этот задергался, забулькал, захохотал, изрыгая клубы зловонного черного пара.

– Господи... – хрипло прошептал Глеб. – Что же это такое?

– А разве ты сам не видишь? – тихо и спокойно проговорил кто-то за его спиной. – Это Гиблое место.

Глеб повернул голову и увидел охотника Громола. Тот стоял рядом и, сдвинув брови, хмуро смотрел на разрастающуюся внизу черную, клокочущую, зловонную яму.

– Что же это такое?! – полным отчаяния голосом воскликнул Глеб. – Для чего оно тут?!

Громол медленно повернул к Глебу свое гордое лицо. Серые глаза охотника смотрели с холодной невозмутимостью. В них не было ни отчаяния, ни гнева, ни злобы, ни сочувствия. Охотник разомкнул темные, твердо очерченные губы и спокойно пообещал:

– Ты это узнаешь. Когда придет время.

– Время для чего?

По лицу охотника пробежала рябь, черты его слегка поблекли.

– Громол? – испуганно спросил Глеб. – Громол, что с тобой?

Фигура охотника стала выцветать. Прошло несколько мгновений, и она сделалась совсем прозрачной.

– Нет, Громол! – в отчаянии крикнул Глеб. – Не исчезай! Скажи мне, для чего это все?!

Прозрачные губы разомкнулись, и тихий, едва слышный голос, словно бы донесшийся до Глеба из далекого далека, повторил:

– Ты это узнаешь.

* * *

– Первоход! Первоход, проснись!

Кто-то сильно тряс Глеба за плечо. Он открыл глаза и изумленно уставился на Наталью. Она сидела на кровати в одной ночной рубашке, бледная, растрепанная и почему-то напуганная.

На ночном столике, бросая на стены дрожащие желтые блики, горела свеча.

– Что... – Глеб облизнул пересохшие губы. – Что случилось?

– У двери советник Кудеяр! Он просит, чтобы ты открыл ему!

Глеб сел на кровати и тупо посмотрел на громоздкие железные часы, собранные пару месяцев назад кузнецом Вакаром. Стрелки показывали половину двенадцатого.

Всего-то? Глеб вспомнил, что сегодня, после двух бессонных суток, проведенных над чертежами буровой вышки, решил лечь спать пораньше.

– Первоход! – донесся из-за двери зычный голос советника Кудеяра. – Первоход, ты нам нужен!

Глеб все еще пребывал под впечатлением приснившегося кошмара, и под ложечкой у него неприятно засосало.

– Что там у вас стряслось?! – хрипло крикнул он.

– Выйди и узнай все из первых уст!

Глеб поморщился.

– Хорошо! Сейчас иду!

– Первоход, я жду тебя!

– Да иду, сказал! – раздраженно рявкнул Глеб. Затем опустил ноги на пол, взял с лавки коричневый шерстяной свитер и быстро натянул его прямо на ночную рубашу.

– Ничего без меня не могут, – проворчал он. – В кои-то веки решил выспаться, и тут достали.

Глеб встал и сгрэб с лавки кожаные охотничьи штаны. Наталья сидела на кровати и встревоженно смотрела на Глеба. Он молча натянул ичиги, встал и прошел к вешалке, на которой темнела его старая охотничья куртка, которую он не надевал уже месяцев пять.

– Почему ты так оделся? – спросила вдруг Наталья.

– Как «так»? – не понял Глеб.

– Так, как одевался раньше.

Глеб взглянул на себя в мутноватое серебряное зеркало. Действительно – почему? Последние месяцы он щеголял в богатом парчовом одеянии и в плаще, подбитом собольим мехом. Головной убор его был сшит из лучшего соболя и украшен несколькими драгоценными камушками, которые Глеб регулярно отпарывал, но которые – благодаря стараниям Натальи – вновь оказывались на тулье.

Сейчас же он был одет как охотник. Куртка, кожаные штаны, ичиги. А на голове вместо собольей шапки охотничий треух из оленьей кожи.

– Почему ты так оделся, Глеб? – повторила свой вопрос Наталья.

Глеб пожал плечами и натянуто улыбнулся:

– Не знаю. Наверное, потому что так удобнее. Бог знает, куда меня потащит Кудеяр. Может, опять придется месить грязь и подпирать плечами балки.

Глеб взял с лавки кожаный пояс с ножнами-сотами, в которых поблескивали метательные ножи.

– Тебе не о чем волноваться, милая, – сказал он, взясь с громоздкой пряжкой, от которой успел отвыкнуть. – Советник Кудеяр часто будит меня посреди ночи. Пора бы тебе к этому привыкнуть.

Наталья невесело улыбнулась:

– А ты сам-то привык?

Глеб усмехнулся и поднял с комода перевязь с мечом.

– Ты права, – сказал он. – К ночному стуку в дверь невозможно привыкнуть.

Приладив перевязь, Глеб снял с вешалки свой выдавший виды суконный плащ, набросил его на плечи, быстро защелкнул серебряную фибулу и повернулся к двери.

– Глеб! – окликнула его княгиня.

Он повернулся и взглянул на нее спокойным взглядом.

– Чего?

– Будь осторожен. У меня неприятное предчувствие.

Глеб улыбнулся:

– Не обращай внимания на предчувствия. Все будет хорошо. Спи, а я скоро вернусь.

Глеб откинул щеколду, распахнул дверь и вышел из опочивальни.

Темница не сломила боярина Добровол. Он по-прежнему был осанист, как князь, а его русая борода по-прежнему была широка и густа, как ни у кого другого. Глеб Первоход запретил купцам носить на себе драгоценные и самоцветные камни, но не запретил носить дорогие одежды. Одежда боярина Добровол была выткана из лучшей и самой дорогой парчи. На перевязи у Добровол, так же как раньше, висел меч в драгоценных золоченых ножнах.

Сразу после выхода из темницы встретившие Добровол единомышленники-бояре повезли его в «один домик», в котором его ждали «нужные человечки».

По пути, сидя в крытом парусиной возке, три боярина наперебой рассказывали Доброволу о переменах, случившихся в княжестве и княжьем граде за то время, пока он томился в проклятом узилище.

– ...А еще он построил школы, – продолжал докладывать один из троицы.

– Точно! – кивнул второй. – Страшное место. Оттуда, из этих самых школ, вся зараза и расплзается. Отроки не почитают старших, во всем им перечат. Над богами смеются. Ни Сварог у них не в почете, ни Перун. Даже Велеса не боятся!

– Ну, а что народ? – глухо осведомился Добровол. – Народ-то что об этом говорит?

– Народ помалкивает и делает, что ему велит Первоход. Поначалу роптали, но Первоход стал сечь недовольных плетью прямо на улицах.

– Стало быть, много недовольных-то? – уточнил Добровол.

– Много, Добровол, ой много. Почитай, каждый второй на Первохода зуб точит. Мастеровых он возвысил до бояр и платит им из казны золотом. А те и рады стараться – все, что рисует на бумажках Первоход, обмозговывают и на верстаках своих проклятых ладят.

– Ну, а что соседи? – снова спросил Добровол. – Степняки-то, я чай, шалят?

Один из бояр махнул рукой и сокрушенно проговорил:

– Да где там. Накануне весны хан Карым набежал со своей сворой на восточные земли. Только Первоход заранее послал к нему шпионов. Встретили Карыма пушками да мушкетами. Четыреста степняков на поле сразу полегло, остальные убралась восояси. Теперь не скоро вернутся.

– Гм... – Добровол пригладил ладонью широкую бороду. – А кривичский князь что ж? Тоже боится?

– Что ты! Кривичского князя Первоход принудил подписать мирный договор. Да и родимичского тоже. Теперь оба – первые помощники Первохода.

– Стало быть, смирились?

– Смирились. Зубами скрипели, когда голову свою под пята Первохода подставляли, а что поделаешь? У Первохода – сила. У него в убойном отряде сто стрельцов. И у каждого – огнестрельный мушкет. Тут поневоле смиришься.

Добровол хмыкнул и осведомился презрительным, высокомерным голосом:

– Вы-то сами не собирались пред ним растечься?

Бояре обиженно зашмыгали носами.

– Собирались бы, не встретили бы тебя у ворот узилища, – сказал один.

– Ну, добро, – примирительно произнес Добровол. – Первоход – чужак. От своих богов он отрекся, а к нашим не пристал. Значит, настоящая сила у нас, а не у Первохода. Разумеете, что говорю?

– А то как же! Отлично разумею!

– Ну вот, – кивнул Добровол. – Пока это разумеете, никакая сила нас не сметет.

– Тпр-ру! – крикнул за пологом возчик. – Приехали, господа хорошие! Можно сходить!

Бояре выбрались с возка первыми. За ними на землю шагнул и Добровол. В сгущающихся сумерках он увидел перед собой добротный терем, сложенный из черных бревен.

– Ну что, идем? – спросил Добровол, удивляясь, что бояре стоят на месте и испуганно таращатся на избу.

– Да, идем, – тихо откликнулся один.

А второй проговорил странным, напряженным голосом:

– Помоги нам Сварог! – И трижды обмахнул себя охранным знаком.

* * *

Комната, куда вошли Добровол и его спутники, была большая. Света трех жирников, стоящих на столе, едва хватало, чтобы осветить ее. В дальних углах, до которых не доставал свет, стояла крошечная темень, и от этого Доброволу было слегка не по себе. В таких углах легко могли притаиться враги.

Бояре провели Добровола к длинному столу, за которым на стульях с высокими резными спинками уже сидели трое. Двое из них сидели рядом, были одеты в длинные черные плащи, лица их были скрыты наголовниками, а руки они сложили на груди и спрятали в широкие рукава плащей. Жуткая была двоица.

Третьего Добровол знал, это был волхв Чтибогх. За последние месяцы старик сильно сдал. Еще больше постарел, потемнел и сгорбился. Однако на морщинистом лице его, похожем на пропеченное яблоко, яростно светились холодные, колкие глаза, а морщинистые руки так крепко сжимали посох, что костяшки на них побелели.

Волхв коротко кивнул Доброволу, а двое незнакомцев, закутанных в плащи, даже не шевельнулись. Один из бояр, остановившись у стола, проговорил сдавленным, подрагивающим голосом:

– Мы сделали то, что обещали, Повелитель. Человек, которого мы привели к тебе, боярин Добровол. Он ненавидит Первохода так же люто, как ты.

Один из двоицы приподнял голову, и в полумраке наголовника тускло блеснули, отразив свет пылающих жирников, его глаза.

– Рад тебя видеть, боярин Добровол, – сипло проговорил незнакомец. – Усаживайся за стол, и мы начнем нашу беседу.

– Да будет так, – сказал Добровол и, нахмурившись, сел на жесткую лавку.

По пути бояре почти не рассказывали ему о Повелителе. А на все вопросы Добровола отвечали так уклончиво, что он, устав вытягивать из них по слову, сам перестал о нем говорить.

И вот теперь Повелитель сидел прямо перед ним. Добровол попытался разглядеть его получше, но наголовник не дал этого сделать.

Еще будучи в темнице, Добровол знал, что у всемогущего Глеба Первохода появился таинственный враг. Бояре через своих верных охоронцев нашептали ему об этом. Лежа на соломенном тюфяке и таращась во тьму, Добровол пытался представить себе человека, осмелившегося бросить вызов Первоходу.

В воображении боярина этот герой представлялся сказочным богатырем в сажень ростом и с огромным мечом в руках. И теперь, глядя на невысокого человека, чье тщедушное тело пряталось в складках плаща и чей голос был чуть громче змеиного шипения, Добровол чувствовал себя обманутым.

– Кто ты? – сухо спросил он. – И почему ты решил, что можешь бросить вызов Первоходу?

Незнакомец чуть подался вперед и прошипел:

– А ты меня не узнаешь?

Добровол усмехнулся:

– Прости, но нет. Твое лицо скрыто наголовником. А то, что я вижу и слышу, не кажется мне знакомым.

Полог наголовника слегка дрогнул, и Добровол понял, что тощий собеседник усмехается. Разочарование боярина Добровола стало перерастать в злость.

– Тебя что-то рассмешило? – холодно осведомился он. – Скажи мне, и мы посмеемся вместе.

– Вряд ли тебе понравится то, над чем я смеюсь, – ответил Повелитель. – Однако ты и впрямь меня знаешь. В былые времена мы с тобой часто встречались и даже вели совместные дела.

Добровол нахмурился.

– Вероятно, долгие месяцы, проведенные в темнице, иссушили мой мозг, – сказал он. – Мы можем и дальше играть в эту игру, брат, но лучше назови себя, и мы приступим к обсуждению нашего общего дела.

– Ты прав, – прошипел собеседник.

Он неторопливо выпростал руки из широких рукавов, и при виде его голубоватых пальцев, увенчанных темными длинными ногтями, больше похожими на когти, Добровол побледнел.

Когтистые пальцы сжали края наголовника и медленно стянули его с головы Повелителя. Добровол отшатнулся. От увиденного у него захватило дух. Несомненно, это не могло быть лицом человека. Землисто-бледное, с широким узким ртом, словно прорезанным в лице острым лезвием ножа, с запавшими красноватыми глазами.

– Ну? – сипло спросил Повелитель, пристально глядя на Добровола. – Ты и теперь меня не узнаешь?

Несмотря на отталкивающую уродливость, лицо Повелителя показалось Доброволу знакомым.

– Да... – дрожащим голосом ответил он. – Кажется, я тебя знаю. Но... я не верю своим глазам. Назови себя, чтобы я убедился, что это ты.

Повелитель усмехнулся, и от усмешки его по спине Добровола пробежала холодная волна.

– Когда-то я был простым охоронцем, и люди называли меня Крысун, – просипел Повелитель. – Но это было давно. Потом я звался Скоробогатом. Под этим именем ты узнал меня впервые.

Доброволу пришлось привлечь все свои душевные силы, чтобы совладать с ужасом и взять себя в руки.

– Значит, ты... Крысун, – медленно проговорил он. – Трудно в это поверить. Что же с тобой случилось? Почему ты теперь... такой?

В красных глазах Крысуна полыхнул яростный огонь.

– Меня сделал таким Глеб Первоход, – прошипел он с такой лютой ненавистью, что Добровол вздрогнул.

– Не представляю, как это стряслось, Крысун. Но думаю, ты должен очень сильно ненавидеть его за это.

Повелитель прищурил красноватые глаза.

– Тебе кажется, что я стал слаб и что тело мое заражено хворью, но на самом деле это не так, – сказал он. – Я обрел Силу, Добровол. Настоящую Силу.

– Силу? – Добровол не удержался от усмешки. – Посмотри на себя, Крысун. Тело твое немощно. Лицо твое бледно и изрыто морщинами, и даже волосы с головы облетели. О какой силе ты говоришь?

Несколько мгновений Крысун молчал. Затем он медленно поднялся с кресла, взглянул на одного из бояр и негромко предложил:

– Подойди сюда.

Боярин испуганно покосился на Добровола, но, поскольку тот молчал, встал с лавки и боязливо приблизился к Крысуну. Крысун, глядя боярину в лицо, положил ему на плечи руки. Боярин побледнел и сжался, не в силах вынести взгляд мерцающих нечеловечьих глаз.

– Ты спрашивал, о какой Силе я говорю? – прошипел Крысун, обращаясь к Доброволу. – Вот об этой.

И одним рывком тощих когтистых рук Крысун разорвал боярина пополам. Разорвал с

хрустом и треском – так, словно боярин был не живым человеком, а чучелом, сшитым из ветхой рогожи и набитым сухим сеном.

Тощие пальцы чудовища разжались, и изуродованное тело боярина бесформенной кровавой грудой рухнуло на пол. Крысун взглянул на Добровола и, ухмыляясь, медленно слизнул с пальцев кровь длинным черным языком.

Двое бояр, сопровождающих Добровола, в ужасе попадали на пол. Одного стошнило. Второй принялся бить поклоны и шептать заклинания-обереги, торопливо поминая всех богов и боясь забыть хоть одного.

Крысун на них не смотрел. Взгляд его был устремлен на Добровола.

– Теперь ты мне веришь, боярин? – прошипел он.

Добровол сидел на лавке ни жив ни мертв. Он бы и рад был что-нибудь сказать, но от ужаса слова встали у него поперек горла.

– Ты нужен мне, Добровол, – проговорил Крысун своим жутким шипящим голосом.

– Зачем я тебе? – вымолвил, едва шевеля языком, боярин. – С такой силищей ты и сам совладаешь с Первоходом.

Крысун усмехнулся:

– Может быть. Но ты мне нужен. Я хочу, чтобы ты раздал людям мои дары.

– Дары?

Крысун кивнул:

– Да. – Затем повернул голову к своему молчаливому спутнику и распорядился: – Покажи ему наши дары, Бун.

Тот кивнул, поднял руки к лицу и скинул наголовник с такого же гладкого морщинистого черепа, как у хозяина. Затем наклонился и поднял с пола большую полотняную сумку. Поставил ее на колени, расстегнул и запустил туда костлявую руку.

Добровол следил за его движениями напряженным, испуганным взглядом. Бун тем временем достал из сумки гроздь каких-то вещиц и с грохотом высыпал их на стол.

Добровол уставился на темную россыпь.

– Это и есть «дары»? – хрипло спросил он.

Крысун кивнул:

– Да. И ты раздашь их людям. – Крысун медленно обошел стол, подошел к боярину вплотную и положил ему на плечи свои страшные когтистые руки. – Бояре, согласившиеся принять мою сторону, называют меня Повелителем, – прошипел он. – Но каждому Повелителю нужна армия. Верно?

– Верно, – согласился Добровол, боясь пошевелиться и с ужасом глядя на пальцы Крысуна.

– Моя армия еще слишком мала, – продолжил тот. – Но благодаря тебе нас станет больше.

Добровол сглотнул слюну и хрипло спросил:

– Ты хочешь, чтобы я раздал твои дары горожанам?

Крысун усмехнулся и медленно покачал головой:

– Нет. Сегодня я приказал своим воинам сделать вылазку в город. И я понял одно: жители Хлынь-града сильно изменились.

– Изменились?

Крысун прищурил свирепые глаза и злобно прошипел:

– Они осмелели. Подняли головы. Каждый подросток теперь умеет владеть мечом.

– Но...

– Мы начнем не с Хлынь-града, Добровол! – резко перебил Крысун. – Мы начнем с Онтеевки! Ты заставишь людей взять мои дары. А потом... – Крысун усмехнулся и легонько сжал пальцами плечи Добровола. – Потом ты вернешься в город и подготовишь жителей к моему приходу. Понял ли меня?

– Да, – вымолвил Добровол. Затем кивнул и угрюмо процедил: – Да будет так!

Ночная мгла окутала Хлынь. Небо затянули тучи, спрятав от людских глаз звезды и ущербную луну. Воздух был сырой и по-апрельски теплый.

– ...Людей полегло множество, – взволнованно докладывал советник Кудеяр, шагая рядом с Глебом. – Одних растерзали на куски, другим перегрызли глотки. От иных остались лишь кости да кровавые куски одежды. Просто жуть.

Глеб, мучительно поморщившись, потер пальцами виски. Улочка, к которой они подошли, была запружена народом. Ярko горели светочи, освещая место недавнего побоища.

– Прикажи отогнать зевак подальше, – велел Глеб советнику Кудеяру.

Тот кивнул, вынул из сапога плетъ и двинулся к цепи охоронцев и напирющей толпе. Глеб направился туда, где факелов было больше всего, кивнул знакомым десятникам, скользнул взглядом по растерзанным человеческим телам, возле которых сидели лекари «из новых», отобранные для «городской лекарской службы» самим Глебом.

Остановившись возле группы районных старост, Глеб кивнул им и сухо осведомился:

– Ну, как тут у вас?

Отвечать стали сразу трое, но Глеб остановил их жестом, ткнув пальцем в самого пожилого:

– Говори ты.

Тот нахмурился, пригладил ладонью бороду и сказал:

– Людей полегло много, Первоход. Бандиты резали их, как скот. Из тех, кто видел, уцелели всего трое.

– Где они сейчас?

– Лекарь Хвалимир отпаивает их валерьяновым настоем. Плохо им. Трясутся. Два слова связывают с трудом.

– Так-так.

Глеб, поглядывая на тела и останки тел убитых, достал из кармана берестяную коробку, открыл ее и вытряхнул самокрутку. Вставил ее в губы и щелкнул зажигалкой. Язычок пламени осветил хмурое, бледное лицо. Крышка зажигалки захлопнулась, и лицо Глеба снова погрузилось в полумрак.

– Сколько убитых? – выпустив облако белесого дыма, спросил Глеб.

– Точно не скажешь. Нашли останки двадцати пяти человек. Но эти твари сжирали людей целиком.

– Раненые?

– Много. Около полусотни. Лекари говорят, что половина из них до утра не доживет. А те, что выживут, останутся калеками.

– Дьявол, – процедил Глеб сквозь сжатые зубы.

Он снова глубоко затянулся сигаретой. Выдохнул вместе с дымом:

– Опиши мне их.

Староста замялся.

– Они как люди... – глухо проговорил он. – Только лысые, тощие и голые. И еще – у них острые зубы, а на пальцах – огромные когти. Когда они напали...

Глеб слушал взволнованный отчет старосты с напряженным вниманием, не упуская ни одного факта и время от времени вставляя короткие, уточняющие реплики. И чем больше он слушал, тем больше мрачнело его лицо.

Подошел Кудеяр. Подождал, пока староста замолчит, потом заслонился рукой от яркого факела, который пронес мимо охоронец, и спросил:

– Что думаешь, Первоход?

Глеб несколько секунд молча курил – не столько размышляя, сколько убеждая себя в том, что не принять правду не получится. Значит, нужно принять.

– Судя по описанию, – нехотя заговорил он, – эти же твари разорили караваны, шедшие мимо Повалихи. И они поубивали купцов.

– Если это так, то...

Кудеяр замолчал, отвлекшись на охоронцев, которые пронесли мимо на растянутом плаще куски того, что когда-то было человеком. Даже в темноте было видно, как побледнел Кудеяр и как дернулось его лицо.

– Первоход, я...

– Если тебе худо, можешь отойти, – разрешил Глеб.

Кудеяр, однако, не ушел. Он достал из кармана кафтана платок, пропитанный пахучим и терпким настоем бодрун-травы, и поднес его к лицу.

Один из десятников, стоявший неподалеку и руководящий уборкой трупов, приблизился к Глебу и осторожно тронул его за плечо.

– Прости, добрый господин, – спросил он, – ты упомянул Повалиху?

Глеб внимательно посмотрел на широкое, изрытое глубокими морщинами и шрамами лицо десятника.

– Да. А что?

Десятник сдвинул тронутые сединой брови, снял шлем и вытер рукавом поддевки потный лоб. Кольчуга тихонько скрежетнула у него под мышкой.

– Много странного я слышал в последние месяцы об этом селе, – глухо произнес десятник.

– И что же ты слышал?

– С полгода тому назад пришли в Хлынь-град два повалихинских мужика. Выглядели они как добытчики...

– Ты говоришь про добытчиков бурой пыли?

– Да.

Глеб затаился самокруткой и отшвырнул окурок в сторону.

– Добывать бурую пыль запрещено, – резко сказал он. – Я выставил кордоны на подходах к Гиблому месту.

– Верно, – кивнул десятник. – Но добытчики – народ ушлый, многие из них научились обходить наши кордоны.

Он замолчал, ожидая от Глеба разрешения продолжать. И Глеб спросил:

– Что дальше?

– Я сам при том не был, но прохожие говорили, что эти два мужика творили возле кружечного дома чудеса. Один из них заставил человека сгинуть.

– Как это? – не понял Глеб.

– Да так. Сказал ему – сгинь! Тот и сгинул. Будто и не было его. Куды ты с носилками, мяфа! – заорал вдруг десятник на шарахнувшегося от него ратника. – К возкам неси, к возкам!

Десятник снова повернулся к Глебу и с досадой изрек:

– Совсем ратники ополоумели. Вроде и смерть часто видели, а тут как с ума посходили. Непривычное дело: трупы на улицах родного города.

– Это верно, – сухо согласился Глеб. – Ты не дорассказал историю про добытчиков. Что ж было потом?

– Потом? – Десятник нахмурился и потер ладонью бородатую щеку. – Потом случилось другое чудо. Но что там было в точности, сказать не могу. Одни говорят, что оба добытчика провалились под землю. Другие – что земля разверзлась, и черная лапа Велеса утащила обоих в мрачные недра.

Десятник замолчал. Глеб обдумал его слова. Интуиция подсказывала ему, что все это – и чудеса, которые показывали в Хлынь-граде повалихинские добытчики, и лысые твари, совершившие набег на Хлынь, и дикари-уроды, напавшие на Рамона и Хлопушу, – все это звенья одной цепи. И что все эти события – лишь начало. И что самое страшное грядет впереди. Прежде интуиция не раз спасала Глебу жизнь. Но мог ли он доверять ей сейчас? Он давно не ходил в Гиблое место. Чувства и ощущения его были уже не так остры, как прежде. Да и силы в себе прежней Глеб не чувствовал.

Нападение чудовищ и впрямь было похоже на разведку боем. На этот раз они убрались восвояси. Но что будет, коли решат напасть еще раз? Сила у них огромная. Если верить Рамону и Хлопуше, каждая из этих тварей лютостью и мощью не уступит оборотню. И то, что Глеб увидел и услышал сегодня, подтверждало их слова.

Пока Глеб размышлял, пожилой десятник стоял рядом и терпеливо ждал. Наконец Глеб прервал молчание и спросил:

– Значит, оба были из Повалихи?

– В точности так, – кивнул десятник. – У меня среди ратников есть один повалихинский. Могу его кликнуть.

– Ну, кликни, – разрешил Глеб.

«Повалихинский» оказался рослым молодым парнем с курчавой белесой бородкой. Десятник объяснил ратнику, для чего его позвали. Тот выслушал, кивнул, перевел взгляд на Глеба и почтительно заговорил:

– У меня в Повалихе родичи, добрый господин. Несколько месяцев тому назад я был там. Они все как с ума посходили. Поселили в старостиной избе заезжих скоморохов и каждый день с вечера до зари смотрели их представления.

– Ты тоже смотрел?

Парень покачал головой:

– Нет. Я скоморохами с детства напуганный. Не люблю их.

– Что еще скажешь?

– Да что сказать... Спятили они от этих представлений. Все приставали, чтоб я с ними пошел. А после, когда я отказался, прицепились с какой-то вещицей – возьми да возьми. «На кой, – спрашиваю, – ляд?» «А это, – говорят, – не простая вещь, а чудесная. Все, что ни пожелаешь, исполнит».

– И ты взял?

Молодой ратник вновь отрицательно качнул головой:

– Нет.

– Почему?

– Не люблю я чудных вещей. И слова твои, советник, твердо помню.

– Какие слова?

– Об том, что у любого чуда ноги растут из Гиблого места.

Глеб внимательно взгляделся в лицо парня.

– Боишься, значит, Гиблого места?

Парень покосился на пожилого десятника и ответил:

– Не боюсь. Коли прикажешь, поеду и сделаю, что нужно. Но по доброй воле башку туда никогда не суну.

– И правильно сделаешь, – одобрительно произнес Глеб. – Побольше бы нам таких, как ты.

Переговорив с парнем, Глеб продолжил изучать место происшествия. В темной толпе он вдруг заметил Рамона и Хлопушу. Эта чудаковатая пара сильно выделялась на общем фоне. Рамон – изысканным гофским одеянием, Хлопуша – ростом и габаритами.

– Рамон! Хлопуша! – окликнул их Глеб. – Идите ближе!

Красавчик толмач и добродушный обжора подошли к Глебу и по очереди пожали протянутую им руку.

– Не спится? – осведомился Глеб.

– Уснешь тут, – усмехнулся Хлопуша.

А Рамон, поживившись, пояснил:

– Мы сидели в кружале неподалеку. Крики были такие, что и глухого паралитика подняли бы на ноги.

– Вы выскочили сразу, как только слышали крики?

– Нам показалось, что да, – ответил за обоих Рамон.

– Вы видели этих тварей?

Перед тем как ответить, Рамон облизнул пересохшие губы и лишь затем выдохнул:
– Да. Но смутно.
– Не пытались вступить с ними в схватку?
Рамон покачал чернявой головой:
– Нет. Когда мы вышли – на улице уже не осталось живых людей. Только трупы. Да и темно было.
– Как выглядели твари?
Рамон нахмурился:
– Ты знаешь как.
– Это сделали те же твари, что напали на вас?
– Да.
Хлопуша издал горлом горестный звук и пробасил:
– Первоход, что же это такое творится? Темные твари и в прежние времена нападали на сельчан и горожан, но чтобы целой стаей... – Верзила качнул головой: – Нет, такого не припомню.
А Рамон прищурил свои черные бархатистые глаза и спросил:
– Что ты собираешься делать, Первоход?
Ответить Глеб не успел. Один из старост окликнул его:
– Советник Первоход!
– Что? – обернулся Глеб. – Что там еще?
– Мои ратники нашли тело убитой твари. Если хочешь на нее взглянуть...
– Да. Вели принести сюда.

10

Ратники перевернули покрывало и вывалили на землю тощую, лысую, скрючившуюся тварь. Все, стоявшие рядом с Глебом, громко выдохнули и невольно попятились от чудовища. Глеб же, с любопытством взглянув на лысого уродца, деловито осведомился:
– Нашли только одного?
– Да, – последовал ответ.
– Гм... Видимо, остальных сожрали их же собраты.
– Или ни у кого из ратников не нашлось клинка из белого железа, – задумчиво предположил Рамон.
Глеб глянул на него быстрым острым взглядом, затем подошел к твари и присел рядом с ней.
– Посвети-ка! – приказал он ближайшему ратнику с факелом в руке.
Тот опасливо приблизился и выставил перед собой факел, осветив лежащий на земле труп.
– Выглядит кошмарно, – пробормотал Глеб.
Он вынул из-за пояса метательный нож, выкованный из белого железа, поднес его к твари и слегка надрезал ей жилистое плечо. Кожа по краям надреза тут же потемнела и пошла дымком.
– Темная тварь, – дрогнувшим голосом пробормотал кто-то у Глеба за спиной.
– Что делается... – вздохнул другой.
Глеб тщательно вытер клинок пучком жухлой травы и убрал его в ножны. Затем достал кинжал из обычного хуралуга, перевернул скрючившуюся тварь на спину, перехватил кинжал поудобнее и сделал анатомический Y-образный разрез.
...Внутренности у твари были вполне человеческие, но какие-то ужавшиеся и посеревшие, словно их высушили.
– Что скажешь, Первоход? – спросил Рамон.
– Скажу, что когда-то этот лысун был человеком, – ответил Глеб. – И во многом им остался.

– Что же могло превратить живого человека в это... чудовище? – спросил советник Кудеяр.

Глеб, Рамон и Хлопуша повернулись к нему и уставились на него мрачными взглядами. Они могли бы ему ответить, но этого не понадобилось. Кудеяр все понял по их взглядам и ответил себе сам:

– Гиблое место.

Он произнес эти слова упавшим, горестным голосом, как человек, повторяющий вынесенный ему смертный приговор. Глеб вытер кинжал, выпрямился и взглянул на Рамона.

– Их и впрямь было так много, как говорят?

– Si, – ответил тот. – Я успел заметить не меньше дюжины перед тем, как твари скрылись в темноте, унося с собой куски добычи.

Глеб нахмурился и задумчиво поскреб ногтями горбинку на переносице.

– Они пришли после заката. Значит, солнце приносит им неудобства. А может быть, даже убивает их.

Некоторое время все молчали, угрюмо разглядывая распотрошенную тварь. Потом Рамон повторил свой вопрос:

– Что мы будем делать, Первоход?

– Либо мы станем ждать, пока эти твари нападут снова. Либо... – Глеб, не договорив, нахмурился. Потом повернулся к белокурому советнику и сказал: – Кудеяр, боюсь, мне придется ненадолго отлучиться.

Лицо советника вытянулось от удивления.

– Ты собираешься на охоту?

– Нужно покончить с этими тварями, пока они не покончили с нами, – холодно изрек Глеб.

– Первоход, я никогда не оспаривал твои решения, но сейчас ты поступаешь неразумно. Правитель должен отдавать приказы, а не лезть в пекло самому.

Глеб поморщился:

– Брось, Кудеяр. Сам знаешь, что лучшего охотника на темных тварей, чем я, не сыскать.

– Это так, – согласился советник. – Но твои стрельцы отлично справятся сами. Вспомни о своем приказе, Первоход. Каждый из стрельцов носит в сумке по десять пуль из белого железа. Отдай распоряжение, и они перестреляют лысых тварей как бешеных собак.

– Первоход, а ведь советник прав, – прогудел Хлопуша. – Твоя голова нынче слишком дорого стоит, чтобы ты мог понапрасну ею рисковать.

– Моя голова всегда стоила немало, – с усмешкой возразил Глеб.

Однако слова Кудеяра и Хлопуши заставили его задуматься. Что будет с княжеством, если темные твари убьют его? Что станет с цивилизацией, которую он только-только начал строить? Продолжит ли кто-нибудь из этих бородачей его дело? Сдюжит ли?

Работы впереди – непочатый край. Конечно, он сумел прижать к ногтю купцов и расправился с недовольными боярами. Но вся эта «цивилизация» держится лишь на его авторитете и на страхе, который он сумел внушить своим потенциальным противникам и врагам. Имеет ли он право так рисковать?

– Хорошо, – выдохнул Глеб после размышлений. – Кудеяр, снабди стрельцов всем необходимым для дальнего похода. Сколько времени тебе понадобится? Успеешь ли к рассвету?

– Если потороплюсь, то да, – поразмыслив секунду, ответил Кудеяр.

Глеб кивнул:

– Отлично. Через два часа построй мне стрельцов на плацу перед теремом. Я расскажу им, что нужно делать.

Глава шестая

– Орлуша, привет! – улыбнулась Катя Королькова, остановив Глеба в коридоре редакции. – Давно тебя не было видно. Где пропадал?

Глеб чмокнул ее в душистую щеку и ответил:

– Был на задании.

– Где?

– В Гиблом месте.

– «Гиблое место»? – Катя подняла брови. – Это что, новый ночной клуб?

– Угу. Что-то вроде этого.

– Я про такой не слышала.

Глеб усмехнулся:

– Твое счастье.

Катя посмотрела на него насмешливым взглядом и покачала головой:

– Ох, Орлуша, вечно ты шляешься по всяким гиблым местам. Хорошо хоть позажигал-то?

– Не то слово. Упыри там просто чумовые. Не говоря уже про оборотней.

– Там что, был новогодний маскарад? – с легким недоумением спросила Катя.

Глеб кивнул:

– Угу.

– И в кого же ты нарядился?

– В охотника.

– Ясно. Глеб Орлов – отважный охотник на чудовищ! Тебе идет. Отстреливал оборотней?

Глеб хмыкнул и покачал головой:

– Нет. На этот раз – кровожадных лысунов.

– Это тоже чудовища?

– Еще какие! Что-то вроде упырей-скинхедов.

Катя засмеялась и хотела что-то сказать, но вдруг лицо ее дрогнуло и заколыхалось, а потом стало расплываться в воздухе.

Глеб попытался, наткнулся спиной на стену и – открыл глаза.

Вначале он ничего не видел из-за желтой пелены, затянувшей глаза. Но потом пелена развеялась, и он увидел перед собой миску с помоями.

– Очнулся, ублюдок? – услышал он над собой грубый голос. – А теперь открывай пасть и жри!

Глеб огляделся. Земляной утоптаный пол, каменные стены, тусклый факелок, криво висящий на скобе...

– Ну? Будешь жрать сам, или мне запихать эту дрянь тебе в глотку? – снова пролаял голос.

Что-то тяжелое ударило Глеба по ребрам. Он упал на пол и застонал от боли. Глеб все еще не понимал, что происходит, но в памяти забрезжили смутные образы.

Сколько бесчисленных дней он стоял вот так, на карачках, перед миской с едой?.. Пять? Десять?

Глеба охватил ужас. Он попытался подняться. Что-то сдавило ему горло и тихо звякнуло. Глеб дернулся еще раз, застонал от резкой боли в шее и только тогда понял, что сидит на цепи.

Мужик, здоровый, крепкий, как дуб, снова хотел его пнуть, но Глеб перехватил его ногу и, удерживая ее в руках, медленно поднял взгляд на бородатую физиономию своего мучителя. Физиономия эта налилась краской гнева.

– Ах ты пес смердячий! – прорычал он. – Да я тебя...

Мужик выхватил из-за пояса плетъ и замахнулся, намереваясь привычно стегануть

Глеба по лицу. Однако на этот раз все получилось иначе. Глеб, продолжая удерживать добротный яловый сапог бородача в судорожно сжатых пальцах, резко ударил его босой ногой по другой ноге. Мужик потерял равновесие и рухнул на пол. Глеб бросился на него, в мгновение ока обмотал шею противника своей цепью и сдавил. Мужик выкатил глаза, ухватился пальцами за впившуюся в шею цепь и захрипел.

– Где я? – хриплым голосом спросил Глеб. – Отвечай, а то задушу!

Он слегка ослабил цепь, давая противнику возможность ответить. Однако бородач вместо ответа резко оттолкнул от себя Глеба и молниеносно выхватил из-за пояса кинжал. Острый клинок царапнул Глебу щеку, но Глеб перехватил руку противника, вывернул ее и, надавив всем телом, всадил лезвие ножа бородачу в грудь.

Бородач дернулся. Клинок кинжала со звоном переломился, и в руке у Глеба осталась лишь костяная рукоять.

Багровая струйка крови вытекла у противника из уголка губ, а в следующее мгновение он затих и оцепенел.

– Тупица, – с досадой обругал себя Глеб и отшвырнул в сторону бесполезную рукоять.

Но что сделано, то сделано. Бормоча проклятия, Глеб обшарил карманы полукафтана мужика и нашел связку ключей. Один из ключей подошел.оборот-щелчок... Свобода!

Сбросив ошейник, Глеб поднялся на ноги. В комнате было сыро, холодно и темно. Смоляной факел давал больше копоти, чем света. Глеб вынул его из скобы.

Кроме кинжала, у мужика не было при себе никакого оружия. Была, правда, еще плеть, но Глеб не умел управляться с плетью, а потому оставил ее, опасаясь – ежели придется драться – выхлестнуть себе по оплошности глаза.

А вот обуться не мешало бы. Босыми ногами далеко не ушлепаешь. К тому же Глеб абсолютно не помнил, какое за стенами время года – лето или зима.

К счастью, сапоги охоронца пришлись Глебу впору. Глеб притопнул каблуками, затем поудобнее перехватил факел и двинулся к двери.

Дверь распахнулась с легким, едва слышным скрипом. Петли недавно смазали жиром. Значит, это не подвал, куда сбрасывают всякую дрянь и рухлядь, а нечто другое. Глеб посветил перед собой факелом и изумленно приподнял брови. Прямо перед ним был довольно широкий коридор.

Да уж, это точно не подвал. Глеб осторожно двинулся вперед, освещая себе дорогу тусклым коптящим факелом. Что-то подсказывало Первоходу, что если он не выберется из этого жуткого места сейчас, то не выберется уже никогда.

Вывернув из-за угла, Глеб увидел двух ратников. Завидев Глеба, они вскинули арбалеты и нажали на спусковые крючки. Глеб шатнулся в сторону – и стрелы со свистом пролетели возле его лица. Издав горлом дикий яростный звук, Глеб ринулся на охоронцев. Первого он сшиб с ног ударом факела, второго боднул в грудь головой, а потом провел серию хлестких ударов по корпусу и довершил дело резким хуком в подбородок. Охоронец рухнул на пол. Другой как раз поднялся на ноги, но Глеб и его отправил в нокаут, двинув верзилу кулаком в челюсть.

Отшвырнув факел, Глеб вынул из ножен одного из охоронцев меч и двинулся дальше. Коридор. Поворот. Еще один коридор, и снова поворот. Вот и дверь.

Глеб нащупал замок. Железо не гнулось. Он поднатужился и с хрустом сломал у замка дужку. Потом выдернул замок и отшвырнул его в сторону, после чего, распахнув дверь, вышел на улицу.

Вокруг царила ночь. Двор был большой, но, кажется, отбежав от каменной кладки здания на десяток саженей, он обрастал деревьями, а дальше и вовсе просто превращался в лес.

Легкий ветер, словно тяжелый, горестный вздох, пробежал по кронам серебрящихся в лунном свете деревьев, и в лицо Глебу пахнуло холодом. Он сжал в руке меч и остановился. Что-то ждало его в темноте. Что-то страшное и смертельно опасное. На лбу у Глеба выступили крупные капли пота, по спине пробежал холодок.

– Ну, давай, – прошептал он, напряженно вглядываясь в темноту. – Давай!
Ждать пришлось недолго. Черные тени отделились от темного месива деревьев и стали быстро надвигаться на Глеба.

2

И снова Глеб погрузился в странную дрему. Он как будто вышел из своего тела и парил где-то рядом. Он видел, как из леса вышли две темные фигуры, как подхватили его на руки и понесли к деревьям. Видел, как заботливо они уложили его в возок и накрыли сверху рогожей. Видел, но ничего не мог сделать. И ничего не мог сказать. Тело не подчинялось ему.

Потом Глеб устал, и на смену дреме пришел настоящий мрак. Изредка мрак рассеивался, и Глеб снова мог что-то видеть. Он словно выныривал из черного омута. Он не понимал, где находится, и не узнавал тех, кого видел. Его окружали какие-то колышущиеся тени. Иногда эти тени принимали форму людей, иногда – деревьев. Когда сознание его прояснилось в очередной раз, Глеб увидел над собой чье-то смуглое лицо.

– Кто ты? – с трудом проронил он.

– Я Рамон, – последовал ответ. – Твой друг. А это – Хлопуша.

Рядом возникло еще одно лицо, круглое, покрытое веснушками.

– Что... – Глеб облизнул языком разбитые губы и поморщился от боли. – Что происходит?

– Ты болен, – мягко сказал Рамон. – Мы везем тебя к целительницам.

И снова тьма засосала Глеба, втянула в себя, как тряпина. Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем сознание вновь вернулось к нему. Как бы сквозь сон Глеб слышал негромкий ритмичный стук бубна, видел два обнаженных стройных женских тела. Распущенные русые волосы девушек рассыпались по голым плечам.

Голые сестры втирали в его тела пахучие мази, кропили его ароматной водой, бормоча тихими, монотонными голосами заклинания.

«Боже, да это ведьмы!» – подумал вдруг Глеб.

Они обливали его водой, снова бормотали заклинания и снова мазали его травяными мазями. Голые тела сестер блестели от влаги и пота. Их лоснящиеся, по-девичьи крепкие груди с острыми сосками подрагивали возле его лица.

– Одион! Двойчан! Черичан! – крикнула Рожена, бросила в ковш с водой щепоть сухой травы, потом подхватила ковш и выплеснула воду на каменку.

Облако горячего пара поднялось от печи, окутало Глеба, обожгло ему кожу, проникло в каждую пору его разомлевшего тела.

Когда жар стал нестерпимым, Глеб окончательно потерял сознание.

Очнулся он в теплой, чистой горнице. На столе теплилась свеча. Толмач Рамон сидел в кресле, накрытом для мягкости старым кафтаном, и читал книгу.

Глеб привстал и оперся на локоть. В глазах у него тут же замелькало, а голова налилась тяжестью и снова устремилась к подушке, но Глеб стиснул зубы и не поддался слабости. Постепенно зрение его прояснилось, а ухающий колокол в голове поутих.

– Рамон, – тихо позвал Глеб.

Толмач поднял взгляд от книги и повернул к нему по-девичьи красивое смуглое лицо.

– Ты очнулся?

– Кажется... да.

Глеб, опираясь о тюфяк ладонями, сел на кровати. Осторожно повертел головой. Потом взглянул на свои руки и пошевелил для проверки ногами.

– Я цел?

– Теперь да, – с улыбкой ответил Рамон.

Глеб облегченно вздохнул, посмотрел на толмача хмурым взглядом и спросил:

– Что это было?

– Где?
– Там. В бане.
– Сестры Божена и Рожена изгоняли из тебя злых духов, – объяснил Рамон. – Я не был там и не знаю, каким образом они это делали.

– И как? – с трудом ворочая языком, спросил Глеб.

– Что как?

– Им удалось изгнать из меня злых духов?

Рамон снова улыбнулся:

– Ты жив. Значит, удалось.

Глеб повернулся влево и вправо, поморщился от боли.

– Я сильно болел, верно?

– Верно, – кивнул Рамон. – Когда мы с Хлопушей привезли тебя сюда, ты был при смерти. Слава Хорсу, твой череп оказался целым.

Глеб поднял руку и провел ладонью по голове. В двух местах из-под волос торпорщились внушительные шишки. Еще в одном месте кожа была рассечена, но аккуратно зашита. По всей вероятности, шов накладывала Божена. У этой девчонки просто золотые руки.

Теперь, когда Глеб убедился, что все части тела у него на месте и все вроде бы работают, он озаботился другим. Его тревожило, что он ничего не может вспомнить. Между тем моментом, когда он стоял на плацу и напутствовал своих стрельцов, и тем моментом, когда он очнулся на полу темницы перед тарелкой с помоями, зияла огромная дыра. И как ни пытался Глеб заполнить эту дыру – ему это не удавалось.

Толмач взгляделся в растерянное лицо Глеба и осторожно спросил:

– Что ты помнишь, Первоход?

Глеб нахмурился и с усилием потер пальцами лоб.

– Помню, как темные твари напали на город. И как я послал в Повалиху убойный отряд.

– А потом? Ты помнишь, что было потом?

Глеб снова попытался напрячь память. В голове у него вновь заухал колокол, а к горлу подкатила тошнота.

– Все как в тумане, – с трудом ответил Глеб, прикрывая глаза. – Расскажи мне, Рамон... Расскажи про все, что было после нападения темных тварей.

– Ты послал в Повалиху отряд стрельцов, – тем же осторожным, мягким голосом начал Рамон. – Но назад отряд не вернулся.

– Не вернулся?

Рамон качнул головой:

– Нет. Вернулся один только отрок, которого ты приставил к отряду вестовым. Он рассказал, что на стрельцов напали в лесу. Версты за две от Повалихи.

– Лысые твари?

– Да. Они набросились внезапно, сразу со всех сторон. Ратники открыли стрельбу, но кровожадных лысунов оказалось слишком много. Они перебили всех стрельцов, Первоход. Всех до единого.

Глеб хрипло вздохнул и открыл глаза. Затем с силой потер пальцами виски, снова посмотрел на Рамона и спросил:

– Как я оказался в темнице?

– Когда пришла весть о гибели стрельцов, бояре подняли мятеж. Добровол и его приспешники схватили княгиню Наталью и, угрожая ей расправой, принудили тебя сдаться. Когда ты опустил ольстру, тебя схватили и стали избивать. После, когда ты уже не мог двигаться от побоев, тебя связали и бросили в темницу. Там тебя каждый день опаивали настоем сонного гриба, поэтому разум твой помутился и ты ничего не можешь вспомнить.

Глеб облизнул сухие губы сухим языком и едва слышно спросил:

– Княгиня Наталья жива?

– Да, – кивнул Рамон. – Она в княжьем тереме.

– Пленница?

– Точно не знаю.

Глеб снова потер пальцами виски.

– Сколько я просидел в узилище? – угрюмо спросил он.

– Почти седмицу.

– Почти седмицу... – глухо повторил Глеб. – И как же мне удалось сбежать?

– Какой-то паренек на Торжке всучил мне кусок бересты. На нем было написано, чтобы мы с Хлопушей наняли возок и ждали тебя в рощице неподалеку от темницы.

– Выходит, мне кто-то помог?

– Выходит, так. Думаю, кто-то подменил зелье, которым тебя опаивали. Поэтому ты и пробудился.

Глеб задумчиво нахмурился. Теперь, после рассказа Рамона, он стал кое-что припоминать. В памяти у него замаячил боярин Добровол. А рядом с ним...

Брови Глеба дрогнули, и он провел ладонью по лицу.

– У Добровола были помощники, не так ли? – осторожно спросил он.

– Так, – кивнул Рамон.

– И эти помощники... – Глеб осекся, снова провел пятерней по лицу и с досадой проговорил: – Черт! Должно быть, я все еще не в себе. Мне вдруг померещилось, что я видел рядом с Доброволом лысых тварей.

– Так и есть, – с готовностью подтвердил Рамон. – Боярин Добровол вступил с темными тварями в сговор. Они тут всем заправляют вдвоем: он и чудовище, которое называет себя Крысуном Скоробогатом. – Толмач перекрестился и добавил: – Хозяин Порочного града – больше не человек.

– Он и будучи человеком мало чем отличался от твари, – угрюмо произнес Глеб.

Он протянул руку к своей куртке, которая лежала на лавке, нащупал в кармане берестяную коробку с сигаретами и достал ее. Прикурил неторопливо от бензиновой зажигалки, пыхнул дымом, после чего загнал сигарету в угол хмурого рта и сказал:

– Но какого черта они вместе? Как могли они сговориться?

– Они раздают горожанам «дары», – ответил Рамон.

– Дары?

– Да. Эти вещицы исполняют желания. Делают мнимые чудеса.

Глеб выдохнул облако дыма и прищурил слезлившиеся глаза:

– Объясни.

– Я выведал кое-что у людишек Добровола, – сказал Рамон. – Одних подкупил, других опоил вином. Люди болтливы и хвастливы, они всегда готовы выложить свои секреты первому встречному, нужно только уметь слушать.

– И что тебе удалось узнать?

– Несколько месяцев назад витаевские скоморохи отправились в Повалиху, чтобы устроить там представление. Стоял лютый холод, и скоморохи решили съехать с большака и сократить путь через лес. Вскоре началась буря, они заплутали и, сбившись с пути, попали в Гиблую чащобу. В чащобе с ними что-то произошло.

– Что именно?

– Этого я не знаю, Первоход. Но когда скоморохи вышли из Гиблого места, они уже были *другими*. Они приехали в Повалиху и привезли с собой полный возок чудных вещиц.

– Те самые «дары», о которых ты говорил?

– Да. Они стали показывать людям чудеса. А тем, кого удалось соблазнить чудесами, дарили привезенные вещицы. – Лицо толмача помрачнело, голос зазвучал тише и суровее. – Теперь люди Добровола дарят эти вещи жителям Хлынь-града. При этом втолковывают, что вещицы эти умеют исполнять желания.

Глеб выдохнул облако дыма и прищурился:

– Это в самом деле так?

Рамон качнул чернявой головой:

– Нет. Рано или поздно наваждение кончается, и все обретает свой истинный облик. Но цена, которую приходится заплатить за исполнение мнимых желаний, – хуже смерти. Человек начинает меняться. Чем больше желаний исполняет чудная вещь, тем разительнее перемены. Сначала у человека выпадают волосы и зубы. Потом солнечный свет начинает жечь ему кожу. Постепенно люди превращаются в темных тварей.

Глеб стряхнул пепел на земляной пол и сказал:

– Я вижу, ты и впрямь много знаешь.

Толмач вздохнул:

– О, да. Одного не понимаю, как скоморохи сумели выбраться из Гиблого места живыми?

– Это как раз просто. Думаю, что Гиблое место отпустило их.

– Отпустило?

Глеб кивнул:

– Да. Сначала извергло из своей поганой утробы «дары», а потом заманило тех, кто доставил эти «дары» людям. Не будь поблизости скоморохов, подвернулся бы кто-нибудь другой.

Рамон помолчал, с хмурым, взволнованным видом обдумывая слова Глеба, затем спросил:

– И для чего все это?

Глеб пожал плечами:

– Кто знает. Гиблое место постоянно пытается вырваться за межу. Оно стремится расширить свои границы.

– У него есть какая-то цель?

Глеб махнул рукой перед лицом, отгоняя дым.

– Может быть. А может быть, и нет. Мы, ходоки, все время стремимся наделить Гиблое место разумом. Но вполне возможно, что Гиблое место – это что-то вроде гигантской безмозглой амебы, которая питается человеческими душами.

Толмач обдумал его слова и грустно вымолвил:

– Это было бы еще страшнее.

– Да, наверно, – согласился Глеб. Он вмял окурок в темную, иссеченную ножом столешницу. Затем пристально взглянул на Рамона. – Я задам тебе еще один вопрос, и ответ на него правдиво.

– Постараюсь.

– Советник Кудеяр перешел на сторону мятежников?

Толмач нахмурился и тяжело вздохнул:

– Кудеяра они убили, Первоход. Закололи ножами, а потом... Потом они его...

– Не продолжай, – угрюмым голосом прервал Глеб. – Как выглядят «дары»?

– По виду эти вещицы – что-то вроде обточенных костей или камней. Я видел одну такую. Я вовсе не собирался ее брать, но рука моя сама к ней потянулась. «Дары» притягивают к себе. Очень сложно не поддаться соблазну и устоять.

Некоторое время Рамон молчал, искоса поглядывая на бледное лицо Первохода, затем мягко поинтересовался:

– Что ты намерен делать, Первоход?

– Что я намерен делать? – Глеб мрачно ухмыльнулся. – По-моему, тут все очевидно. Я совершил ошибку, когда отправил стрельцов в Повалиху и не пошел с ними сам.

– Ты думаешь, если бы ты пошел с ними...

– Я ходок, Рамон, – сухо проговорил Глеб. – Ходок в места погиблые. Таковым я был, таковым, как видно, и останусь. Знаю, как самонадеянно и глупо это прозвучит, но никто не может бороться с темными тварями так успешно, как это делаю я.

Глеб поднялся с кровати, покачнулся, но удержал равновесие.

– Ты еще слаб, – сказал Рамон.

– Верно. – Глеб повертел головой, поморщился. – Здесь, в городе, я слаб. Но в Гиблой чащобе я снова стану сильным.

– Ты в этом уверен?

– Я такое же дитя Гиблого места, как лысые твари, Рамон. Разве что с другим знаком.

– С другим знаком?

Глеб хмыкнул:

– Ну да. Если они «минус», то я «плюс». По крайней мере, я на это надеюсь. – Глеб повернул голову к комоду и оглядел свою одежду. – Жаль, что ольстра пропала, – сокрушенно вздохнув, проговорил он. – Эта штука здорово меня выручала.

– Твоя ольстра у меня, – сказал Рамон. – Я выкупил ее у боярских охоронцев.

– Выкупил? – не поверил ушам Глеб.

– Да. Это стоило мне всех моих накоплений.

Рамон поднялся со скамьи, прошел к комоду, открыл его и, покопавшись немного, вынул обрез охотничьего ружья. Протянул его Глебу.

– Ратники Добровола боялись брать твоё оружие в руки, Первоход. Они считали, что в этой штуке живут злые духи, которых ты приручил.

– И они не ошиблись. – Взяв ружье, Глеб осмотрел его и проверил магазин. – Отлично! Я твой должник, толмач. Может, ты и сумку мою сберег?

Рамон снова повернулся к комоду, порылся в нем и извлек из-под груды вещей кожаную охотничью суму Глеба. Лицо Первохода просияло.

– Рамон – ты просто чудо! Ей-богу, парень, был бы ты женщиной, я бы тебя расцеловал.

Заполучив обратно ольстру и сумку, Глеб заметно повеселел.

– Скажи-ка, толмач, – снова обратился он к Рамону, – а кузнец Вакар еще в городе?

– Да. Добровол и Крысун не тронули его.

– Я так и предполагал. Хорошие кузнецы нужны при любой власти. Он по-прежнему в своем доме?

– Да.

– Отлично. Нанесем ему визит.

Глеб положил ружье и сумку на лавку, прошел, пошатываясь, к своим вещам и принялся медленно одеваться. Некоторое время Рамон наблюдал за ним, потом хмуро произнес:

– Я хочу тебя предупредить, Первоход. В городе многое переменялось. Постарайся не ужасаться тому, что увидишь.

Глеб надел замшевую куртку и так же хмуро ответил:

– Я много лет хожу в Гиблое место, толмач. Меня трудно напугать. И еще трудней удивить. – Глеб застегнул куртку и облегченно вздохнул: – Ну вот, полдела сделано. А теперь, дружище Рамон, помоги мне надеть перевязь.

3

На улице царили предутренние сумерки. Небо уже слегка выцвело и посерело, однако видно вокруг все еще было плохо. Глеб огляделся. На первый взгляд больших изменений не было. Улочки как улочки, дома как дома.

– Скоро рассветет, – сказал, зябко кутаясь в плащ, Рамон. – Думаю, темные твари уже попрятались по своим норам, но нужно держать ухо востро. Некоторые из них бродят по городу до самого рассвета. Голод не дает им уснуть.

– Они охотятся на горожан?

Рамон отрицательно качнул головой:

– Нет. Только на тех, кому не сидится по ночам дома. Крысун установил в городе урочный час. Каждого, кто не успеет спрятаться в свое жилище до наступления урочного часа, твари могут сожрать. Остальных – только с разрешения Крысуна.

Глеб ничего на это не сказал. Лишь поправил за спиной кобуру с ольстрой и зашагал по чавкающей под сапогами грязи к центру города. Рамон поспешил за ним.

Чем дальше они уходили от окраины, тем разительнее становились перемены и тем больше город напоминал ад. Тут и там на улице лежали обглоданные кости. Во многих местах мостовая была залита кровью. Повсюду валялись куски рваной ткани, осколки посуды и части сломанной мебели. У одной из луж стояла тощая, чудом уцелевшая собака и лакала багровую от крови воду.

Осторожно переступая через кости, кровавые лужи и разбросанный скраб, Глеб медленно продвигался вперед. Изредка приходилось оглядывать то сломанные сани, то кучу мусора, перегородившую всю улицу. Время от времени нога оскальзывалась в темных пятнах на мостовой.

Где-то вдалеке тоскливо звонил, болтаясь на ветру, оборванный колокол. В домах было так тихо, словно все жильцы давно вымерли.

Глеб и Рамон прошли с полверсты, когда дорогу им загородили груды кирпича и обгорелые бревна. Среди развалин виднелись кучи нечистот, и зловоние, исходившее от них, было просто нестерпимо.

– Здесь, кажется, была школа? – хриплым голосом проговорил Глеб.

– Да, – отозвался у него за спиной Рамон. – Больше школ в городе нет. И мануфактур тоже. Все они сожжены и разрушены. – Помолчав секунду, Рамон мрачно добавил: – Миру, который ты построил, пришел конец.

– Да. – Глеб поднял руку к лицу и вытер рукавом горящие глаза. – Все оказалось намного более хрупким, чем я думал... Слишком хрупким.

– Наверное, еще не пришло время, – осторожно предположил Рамон.

Глеб отвернулся от развалин школы, секунду или две постоял неподвижно, потом резко развернулся и зашагал в другую сторону. Рамон растерялся, но быстро его нагнал и зашагал рядом.

– Куда ты идешь, Первоход? – спросил он.

– К Голице! – хмуро и яростно ответил Глеб.

– К вешунье?

– Да! Эта тетка всегда знает больше других!

Рамон нахмурился и проговорил:

– Так же, как ведьма Мамелфа?

– Верно, – отозвался Глеб. – Но не напоминай мне про Мамелфу. При звуках ее имени мой меч сам выпрыгивает из ножен!

– Это так, – согласился чернявый толмач. – Ты и с Голицей не особо ладил. Захочет ли она тебе помочь?

– Захочет. Рано или поздно темные твари доберутся и до нее. Она не дура и прекрасно это понимает. В городе есть лишь один человек, который может остановить этот кошмар. И этот человек – я.

На тропу бесшумно прыгнуло лысое чудовище. Замерло, по-паучьи растопырив руки и ноги, и уставилось на Глеба красноватыми злобными глазами.

– Первоход! – взволнованно воскликнул Рамон.

Глеб, не останавливаясь, выхватил из ножен меч и одним ударом разнес твари голову. Затем ударом сапога сшиб урода с тропы, нагнулся, зачерпнул пригоршню мокрого снега, протер меч и вложил его в ножны. Затем, так же молча и угрюмо, зашагал дальше.

Рамон сглотнул слюну, перекрестился, испуганно глядя на агонизирующий труп лысуна, обошел его стороной и быстро нагнал Глеба.

4

Вешунья Голица встретила их неласково. Вид у нее был хмурый и усталый, и даже румянец на полных щеках полыхал не так ярко и жизнерадостно, как обычно.

– Давно не виделись, Первоход, – сказала она, сидя за столом и глядя на Глеба своими голубыми и прозрачными, как родниковая вода, глазами.

– Да, давненько, – отозвался Глеб, усаживаясь на лавку.

Голица скользнула взглядом по лицу Рамона, снова уставилась на Глеба и осведомилась:

– Ты опять пришел меня убивать?

– Только если за углом не прячется твой холоп Валуй, – в тон ей ответил Глеб.

Года четыре назад у них случилась неприятная стычка. Глеб тогда пребывал в затяжной депрессии, которую, как и каждый нормальный русский мужик, пытался вылечить водкой, брагой и олусом. Однажды, хорошенько прополоскав олусом мозги, он вообразил, что может вернуться домой, если истребит в княжестве всю нечисть. И начать нужно с тварей, которые обитают в Хлынь-граде.

В тот миг идея показалась Глебу гениальной. Недолго думая, он вынул из кобуры ольстру, забил патронами магазин и отправился на охоту.

Первой жертвой алкоголического безумия Глеба Орлова стал бродячий пес, которого Глеб с перепоею принял за оборотня. Глеб долго гонялся за ним по оврагу с ольстрой в руке, будучи уверен, что держит в руке меч. Однако псу удалось ускользнуть.

Тогда, немного поразмыслив, он выбрал себе новую жертву. Если не удалось убить оборотня, то он хотя бы может разделаться с ведьмой, живущей неподалеку. И Глеб, рассвирепев от одной мысли о гадостях, которые делают людям ведьмы, отправился к вещунье Голице.

Дверь избы, в которой жила вещунья, он вышиб плечом. Затем стремительно вошел в горницу, наставил на розовощекую ведьму ольстру и прорычал:

– Прощайся с жизнью, тварь!

Но в этот миг из-за двери вышел холоп Голицы – здоровенный мужик по прозвищу Валуй. Он вышиб из рук Глеба оружие, взял ходока в охапку и швырнул его в чулан.

Голица продержала Глеба в чулане пять дней, пока он окончательно не пришел в себя. Это пятидневное заключение вылечило Глеба от затяжной депрессии и спасло от белой горячки, к которой он неминуемо приближался.

Сейчас, уставившись на Глеба насмешливым взглядом, Голица чуть склонила голову набок и осведомилась:

– Ты пришел, чтобы расспросить меня про кровожадных лысунов, не так ли?

– Так, – хмуро ответил Глеб. – Ты мне про них расскажешь?

Голица поплотнее закуталась в кружевной платок, накинутый на плечи, вздохнула и неохотно ответила:

– Я не хочу с ними связываться, Первоход. Уже несколько дней они здесь полные хозяева.

Зрачки Глеба яростно сузились.

– Если их не остановить, они перебьют всех, – отрывисто проговорил он.

Голица отрицательно качнула головой.

– Не думаю. Крысун Скоробогат пообещал, что темные твари не тронут тех, кто будет послушен.

– Вот как? – Глеб холодно усмехнулся. – Они уже преподнесли тебе свой «дар», не так ли?

– Еще нет, – спокойно ответила Голица, никак не отреагировав на его тон. – Они приходили несколько раз, но я не открывала дверь. Я вещунья и чувствую их приближение издалека. И твое приближение я тоже почувствовала.

– Ну да. – Глеб усмехнулся. – Я ведь тоже «дикая тварь из дикого леса».

Несколько секунд оба молчали.

– Что ты хочешь сделать, Первоход? – снова заговорила вещунья. – Чего ты добиваешься?

– А ты не догадываешься? – холодно сверкнул глазами Глеб. – По-моему, это очевидно.

Я хочу положить конец вакханалии, которую устроили эти гады.

Голица чуть прищурилась.

– Заботишься о своих «шрамах»? – с едва ощутимым оттенком насмешки спросила она. – Сколько их у тебя осталось?

– Пять. Но сейчас мне плевать на это!

– Тогда зачем тебе лишние хлопоты?

Глеб подался вперед и, глядя вещунье в глаза, угрюмо проговорил:

– Крысун и Добровол разрушили все, что я создал. И они должны поплатиться за свои преступления.

– Понимаю, – кивнула Голица. – Но если ты объявишь им войну, для тебя это плохо кончится.

– Война уже идет, вещунья, – изрек Глеб. И, презрительно дернув губой, добавил: – Странно, что ты этого не заметила.

Голица снова склонила голову набок. Несколько мгновений она смотрела на него искоса. Затем проговорила с нотками сочувствия в голосе:

– Если ты вяжешься в драку, тебя постигнет страшная участь. Я это вижу.

– Я не боюсь смерти, если ты об этом, – тем же холодновато-презрительным тоном возразил Глеб.

– Есть вещи страшнее смерти, Первоход. О таких вещах я и говорю.

По лицу Глеба пробежала тень.

– Напрасно ты пытаешься меня запугать, вещунья. Чему быть, того не миновать. А теперь расскажи мне о лысых тварях. Откуда они взялись и как с ними бороться?

– Что ты сам про них знаешь? – спросила Голица.

– Знаю, что все началось со скоморохов, – ответил Глеб. – Эти бедолаги ехали в Повалиху. По пути их угораздило заблудиться. Они попали в Гиблое место и подхватили там какую-то заразу. Вместе с заразой они привезли в Повалиху «дары». Вещицы, которыми «одарило» их Гиблое место. За несколько месяцев все жители Повалихи превратились в темных тварей. А теперь эта участь грозит и жителям Хлынь-града.

Еще несколько секунд Голица молча раздумывала, затем выдохнула:

– Хорошо. Я попытаюсь тебе помочь.

5

Страшен был взгляд вещуньи, когда она подняла его от чана с кипящим колдовским варевом и устремила на Глеба. Но еще страшнее был ее голос, когда она заговорила:

– Свистел ветер... С неба падал мокрый снег... Скоморохи долго искали убежища и уже отчаялись его найти, как вдруг набрели на пещеру... Россыпи чудных вещей покрывали пол пещеры так густо, что ноге некуда было ступить... Скоморохи дрожали от холода и страха... Рухнув на пол, они стали взывать к богам, просили спасти их от зубов темных тварей и вывести из чащобы...

Голица сомкнула побелевшие губы и долго сидела с бесстрастным, омертвелым лицом. Потом заговорила снова, и голос ее зазвучал отстраненно и монотонно:

– Продолжая молиться, несчастные безумцы стали брать в руки чудные вещи... И тогда боги Гиблого места услышали их молитвы... Небо прояснилось, ветер утих... Когда скоморохи вышли из пещеры, лес встретил их покоем и тишиной... Вскоре они вышли на большак и продолжили свой путь.

Голица замолчала, несколько раз моргнула, потом качнула головой и провела по лицу пухлой ладонью, словно снимала с него паутину. После этого вновь взглянула на Глеба и спросила:

– Все ли из того, что я рассказала, ты понял?

– Да, – кивнул Глеб. – Я понял все. Видимо, я должен найти пещеру, в которой все началось. Но я ума не приложу, где ее искать. Послушай, вещунья... – Глаза Глеба

блеснули. – А может, ты дашь мне лешью указку? Я знаю, у тебя должна быть.

Голица усмехнулась углом рта и покачала головой:

– Нет, Первоход. Здесь тебе лешья указка не понадобится. Она помогает найти утерянное, а ты ничего не терял.

– Как же мне найти эту пещеру? – хмуро спросил Глеб.

Голица прищурила голубые глаза и напряженно ответила:

– Ты найдешь ее, если прислушаешься к себе.

– Ясно, – с саркастической ухмылкой проронил Глеб. – Внутренний голос подскажет мне, куда идти. Да вот только в последнее время он не отличается болтливостью. Не подскажешь: как мне развязать ему язык?

– Все ответы на твои вопросы – в тебе самом, Первоход, – спокойно проговорила Голица. – А я больше ничем не могу тебе помочь.

Глеб хотел еще что-то спросить, но тут в дверь постучали – резко и требовательно. А вслед за тем грубый голос из-за двери властно потребовал:

– Хозяйка, открывай!

Глеб напрягся, рука его скользнула к мечу. Рамон положил пальцы на рукояти двух кинжалов, висевших у него на поясе. Оба уставились на дверь.

– Люди Крысуна! – хриплым шепотом воскликнула Голица. – Спрячьтесь в чулане и сидите тихо. А я попробую выпроводить их.

Однако ничего предпринять они не успели. Стены горницы потряс оглушительный грохот, дубовая дверь слетела с петель под мощным ударом тарана и рухнула на пол, подняв облако пыли. Ворвавшийся в горницу ветер взметнул длинные волосы Глеба.

Ходок и толмач вскочили с лавки почти одновременно. Выхватив из ножен оружие, они повернулись к зияющему черному провалу и замерли в ожидании врага. Рамон не заметил, как Глеб чиркнул по лезвию своего меча крохотным мелком, который тут же раскрошился у него в руке.

Послышался глухой стук от брошенного на землю тарана, а вслед за тем четверо охоронцев один за другим перешагнули высокий порожек и вошли в дом.

Все четверо были рослыми и широкоплечими. Из-под шоломов охоронцев выбивались светлые волосы, а глаза их глядели жестко и холодно.

– Сvei! – выдохнул Рамон и невольно попятился, увидев в руках у охоронцев обоюдоострые, мерцающие в подрагивающем свете свечей гофские мечи.

– Приветствуем тебя, советник Первоход, – проскрежетал один из охоронцев, уставившись на Глеба спокойным, холодным и непроницаемым, как покрытое изморозью железо, взглядом.

– Что вам здесь нужно, охоронцы? – гневно крикнула Голица. – Кто вам дал право врываться посреди ночи в чужой дом?

Охоронцы не удостоили вещунью даже взглядом. Все четверо смотрели на Глеба. Он тоже имел возможность хорошенько рассмотреть их. Судя по богатой кольчуге и роскошной перевязи, swei служили самому Доброволу. Лица двоих из них были испещрены шрамами, а мечи так ладно сидели в руках, словно были продолжением этих рук. Несомненно, эти двое были опытными воинами и побывали во многих битвах.

У двоих других кожа на лицах была чиста, но глаза смотрели жестче и безжалостней, а гибкие движения свидетельствовали о звериной ловкости. Видимо, они были наемными убийцами.

– Глеб Первоход, вложи свой меч в ножны и ступай за нами! – прорычал тот из охоронцев, на лице которого было больше шрамов.

– Вот как? – Глеб холодно прищурился. – Это с какой же стати?

– У нас есть приказ задержать тебя и препроводить в узилище.

Глеб усмехнулся:

– И кто же отдал такой глупый приказ?

– Приказ отдал боярин Добровол, – сказал другой swei, один из тех двоих, что

походили на наемных убийц. – Ты попался, Первоход. Вложи меч в ножны и ступай за нами. Иначе...

– Иначе что? – сухо перебил Глеб.

– Иначе я изрублю тебя на куски и разбросаю их по всему городу! – свирепо прорычал второй воин, чуть ниже первого ростом, но более широкоплечий и мощный.

Тогда Рамон, по-прежнему сжимая в руках длинные кинжалы, выступил вперед и мягко проговорил:

– Сударь, Первоход – мой друг, и все, сказанное ему, я принимаю и на свой счет.

Ратник смерил его хрупкую фигуру презрительным взглядом.

– Ты толмач Рамон, не так ли? – осведомился он.

– Да, я толмач. Но это не мешает мне быть...

– У нас нет приказа задерживать тебя, – небрежно перебил свей. – Ступай своей дорогой, чужеземец, и не путайся у нас под ногами.

Рамон слегка побледнел и отчеканил звонким, холодным голосом:

– Сударь, я пришел сюда вместе с Первоходом и уйду отсюда только вместе с ним. А если вы вздумаете...

– погоди, Рамон, – остановил его Глеб. – Ребята, – почти ласково обратился он к охоронцам, – давайте просто сделаем вид, что мы не встречались. И каждый из нас пойдет своей дорогой. Так будет лучше для всех.

Свей, похожий на наемного убийцу, холодно усмехнулся и сказал:

– Ничего не выйдет, ходок. За твою голову нам обещаны «дары».

– Хотите отрастить клыки и бегать по городу на карачках? – осведомился Глеб.

– Наши «дары» будут особыми, ходок, – отчеканил свей. – Мы обречем Силу, но сохраним свой человеческий облик. И хватит это обсуждать. Сложи оружие, и мы сохраним тебе жизнь.

– Ну хватит! – вспыхнул вдруг Рамон. – Прочь с дороги, свей!

– Берем их! – рявкнул широкоплечий охоронец, и все четверо, вскинув мечи, ринулись на Глеба и Рамона.

Рамон взял кинжалы на изготовку, но пустить их в ход не успел. Глеб, резко двинувшись вперед, четыре раза молниеносно взмахнул своим клинком. Затем отошел в сторону и, хрипло выдохнув, опустил меч.

Охоронцы, громко бряцнув кольчугами, попадали на пол. У одного была рассечена грудь, у второго в животе темнела кровавая дыра, третьему клинок Глеба перешиб кадык, а четвертый лишился головы.

Голица сдавленно вскрикнула и, опрокинув лавку, вскочила на ноги. Рамон, так и не успевший обгадить кинжалы кровью наемников, с ужасом уставился на их трупы. Потом отвел взгляд, медленно вложил кинжалы в ножны и тихо пробормотал:

– Дьябло... Ты даже не дал им шанса, Первоход.

– Все, что от них требовалось, – это уступить мне дорогу, – глухо ответил Глеб. Он вытер клинок об одежду одного из убитых охоронцев и вложил меч в ножны.

Затем взглянул на побледневшую, хмурую Голицу и сказал:

– Прости. У меня не было другого выхода.

Голица метнула на него гневный взгляд, затем крикнула:

– Валуй! Валуй!

В горницу из сеней вошел верзила-слуга. Посмотрел на трупы охоронцев равнодушным взглядом, хмыкнул и как ни в чем не бывало воззрился на свою хозяйку.

– Сходи за тележкой и отвези охоронцев к оврагу, – приказала Голица дрожащим голосом. – И забросай их чем-нибудь, чтобы не сразу нашли.

Валуй кивнул, нагнулся, грубо сгреб огромными ручищами одного из охоронцев и забросил его на плечо. Затем повернулся и вышел из горницы.

Голица перевела взгляд на Глеба.

– Уходи, Первоход, – сказала она. – Уходи и более не переступай порог моего дома.

Глеб, ни слова не говоря, повернулся к двери, перешагнул через трупы и зашагал прочь.

– Пусть господь смилостивится над вашими душами, – пробормотал Рамон, с грустью глядя на мертвых охоронцев. Затем перекрестил их, кивнул Голице и, развернувшись, заспешил за Глебом.

6

Вернувшись домой, они застали в горнице Хлопушу и невысокого худого паренька в дороготканой епанче без запояски. На столе горели сальные огарки, на воронце – плошка с жиром, дававшая вонючий свет. Хлопуша вскочил с лавки и, улыбаясь во весь рот, шагнул навстречу Глебу. Мальчишка тут же подорвался с места и хотел обогнать Хлопушу, но здоровяк поймал его рукой за ворот.

– Погодь, сорванец! – Затем снова взглянул на Глеба и виновато проговорил: – Прости, Первоход. Я встретил этого мальчонку при княжьем тереме. И, кажется, теперь он остался без...

– Первоход! – Вырвавшись из пальцев Хлопуши, Прошка бросился Глебу на шею. – Первоход, как я рад тебя видеть!

Глеб, нахмурившись, легонько погладил паренька по тощей спине.

– Ну будет. Будет. – Он мягко отстранил от себя мальчика и взглянул толстяку Хлопуше в глаза. – Мы с Рамоном собираемся в Гиблое место. Если хочешь, идем с нами.

Румяные щеки верзилы слегка побелели. Толстые губы плотно сомкнулись. Несколько мгновений он молчал, глядя на Глеба недовольным и удивленным взглядом, потом сказал:

– Последний раз, когда я там был, темные твари едва не слопали меня. Я и сам люблю сытно поесть, но это не значит, что я согласен быть чьим-то обедом.

– Так что ты отвечаешь? – прямо спросил Глеб. – Да или нет?

Хлопуша вздохнул и, соорудив скорбную физиономию, выдохнул:

– Да-а.

– Глеб, возьми и меня! – воскликнул Прошка.

Глеб посмотрел на него и произнес с необычайной серьезностью:

– Нет, Прохор. Ты еще мал.

– Возьми! – Худое лицо Прошки посуровело. – Или я сам увяжусь за вами, – яростно пообещал он. – Буду идти следом и прятаться, сроду меня не увидишь!

Глеб сдвинул брови:

– Должно быть, ты спятил, парень. Этот поход не для тебя. Да и мы оттуда вряд ли вернемся.

Прошка сжал кулаки.

– Не решай за меня, ходок. Мне уже пятнадцать лет, и я сам могу решить.

Глеб помолчал, кусая губы, потом спросил:

– Назови мне хоть одну причину, почему я должен взять тебя с собой.

Худое лицо паренька побелело от ярости, гнева и боли, и он с остервенением воскликнул:

– Эти твари убили купецкую дочку Млаву! Прямо у меня на глазах! Я видел, как ее убивали, но ничего не смог сделать!

Глеб взглянул на толмача.

– Что скажешь, Рамон? – тихо спросил он.

– Его причина кажется мне удовлетворительной, – ответил толмач.

Глеб перевел взгляд на Хлопушу:

– А ты что думаешь?

– Думаю, здесь ему все равно не выжить. Он так ненавидит лысых тварей, что они почуют это за версту.

Глеб посмотрел на Прошку и сухо сказал:

– Что ж, я возьму тебя. Но имей в виду: нянчиться мы с тобой не будем. Отстанешь от нас или подвернешь ногу, будешь выкручиваться сам. Понял?

– Понял, – отозвался Прошка. Усмехнулся и самонадеянно добавил: – Как-нибудь выкручусь.

* * *

– Первоход? – Кузнец Вакар был и обрадован, и удивлен. – Неужели это ты?

– Я. Впустишь нас в дом?

Кузнец чуть посторонился и кивнул:

– Входите!

Когда все четверо вошли в избу и Вакар закрыл за ними дверь на засов, Глеб представил ему своих друзей:

– Это Рамон, Хлопуша и Прошка. Хотя, быть может, ты их и так знаешь.

– Я их знаю, – сказал Вакар.

Он по очереди пожал спутникам Глеба руки. Потом воззрился на Глеба с усмешкой.

– А я думал, тебя сожрали твари.

– Я тоже так думал, – в тон ему ответил Глеб. – По крайней мере, ощущения были такие, будто меня уже переварили.

Вакар жестом указал гостям на лавки у стола. Они сели, и Глеб заговорил снова:

– У меня очень мало времени, Вакар, поэтому я сразу перейду к делу. Я пришел к тебе за помощью.

Кузнец нахмурился.

– Первоход, – хрипло начал он, – не знаю, смогу ли я тебе помочь. Эти твари пообещали не трогать меня, если я не стану высовываться.

– Я не заставляю тебя высовываться, – возразил Глеб. – Я пришел к тебе за оружием. Дай нам оружие, и мы тут же уйдем.

– Ты собрался воевать с ними? – вскинул косматые брови Вакар.

Глеб кивнул:

– Да.

– Но эти твари... они вовсе не такие безмозглые, Глеб. И они умеют умерять свой аппетит. Быть может, война не нужна? Быть может, мы научимся жить вместе?

– О чем ты говоришь, дядька Вакар! – возмущенно воскликнул Прошка. – Я видел, как по ночам они выволакивают людей из домов и разрывают их на куски!

– Только тех, кто пробует роптать, – хмуро возразил кузнец.

– И тех, на кого падает жребий, – спокойно добавил Рамон.

Глеб посмотрел на толмача удивленно:

– Жребий? Ты мне об этом не рассказывал.

– Каждый вечер Крысун бросает костяной жребий над огромной берестой, на которой начертан весь город. Дом, на который указывает жребий, подлежит разорению, а его жители... – Рамон осекся и с трудом договорил: – Его жители отправляются на обед к Крысуну, но не в качестве гостей, а в качестве закуски.

Глеб холодно посмотрел на Вакара.

– И ты по-прежнему будешь утверждать, что все не так уж и плохо?

– Могло быть и хуже, Глеб, – глухо отозвался кузнец. – Крысун жесток, однако он придерживается Соглашения и наказывает не только людей. Ведь и тварей, которые нарушили Соглашение, Крысун карает лютой смертью. Я сам видел, как по его приказу четверем уродам разорвали крючьями животы – за то лишь, что они самовольно убили и съели человека.

– «За то лишь»? – Глеб жестко прищурился. – Да что с тобой творится, Вакар? Может, ты еще этим тварям на верность присягнешь?

– Тебя здесь не было, Первоход, – повысил голос кузнец. – Ты не видел, с каким

удовольствием горожане крушили то, что сами же и построили. Школы, больницы, мануфактуры... Они крушили и разоряли все это. Разоряли с таким остервенением, будто ты принес им не свет, а тьму, не избавление, а страшную напасть. Двух учителей они прибили к стене школы гвоздями. А болгарочку, которая обучала девочек домашним ремеслам, изнасиловали и потравили собаками. Перед тем как спалить больницу, они измазали ее стены дерьмом и объявили «нечистой». Оросительную систему, на которую ты потратил год, они сокрушили за три дня. Мне продолжать?

Глеб промолчал. Тогда Вакар горестно усмехнулся и сказал:

– Горожане, о которых ты так печешься, предали тебя. Из всего, что ты им дал, они оставили только пушки. Все остальное пошло на слом. Ты для них зло, Первоход. Они ненавидели тебя и приняли приход темных тварей как избавление.

Глеб покачал головой и негромко произнес:

– Это не так.

– Это так! – возразил кузнец.

Глеб вздохнул:

– Я не хочу с тобой спорить, Вакар. Не желаешь воевать – не надо. Дай нам оружие, и мы сделаем все сами.

Вакар, ни слова более не говоря, поднялся со скамьи, прошел к большому дубовому шкафу, занимающему полстены, достал из кармана фартука ключ, вставил его в черную дыру замочной скважины, с лязгом провернул два раза, а затем распахнул массивные дверцы.

Глеб с любопытством заглянул в шкаф, но в его темной, пропахшей маслом утробе не увидел ничего, кроме нескольких железок, висящих на крюках.

Вакар сунул руку в шкаф и с силой надавил на выпуклую деревянную панель. Панель, щелкнув, отошла, и из нее вывалился железный рычажок. Вакар крепко за него взялся и, поднатужившись, несколько раз сильно крутанул. Задняя стенка шкафа медленно отошла в сторону.

Глеб тихо присвистнул.

– Вот это да! – восхищенно воскликнул он. – Этим арсеналом можно вооружить целую армию!

Вакар отошел в сторону, давая возможность Рамону, Хлопуше и Прошке заглянуть в шкаф. Те, увидев оружие, развешанное на крючках, тоже ахнули от изумления и восторга.

– Это все из белого железа? – спросил Хлопуша, с почти суеверным страхом разглядывая один из мечей.

– Да, – угрюмо ответил Вакар. – Я делал это оружие не против людей.

– А можно мне его взять?

– Ты можешь взять все, что тебе понравится, здоровяк.

Хлопуша протянул руку и снял с железных скобок огромный двуручный меч. Обхватил пятернями рукоять, повел клинком влево и вправо, после чего восхищенно пробормотал:

– С таким и на медведя не страшно.

Глеб протянул руку и снял с железных крючков маленький арбалет. Взвесил его в руке, поинтересовался:

– А стрел к нему много?

– Двадцать штук, – ответил Вакар. – Пять из них – уже в магазине.

Глеб внимательнее осмотрел арбалет. Примерно с таким же он пару лет назад охотился на Пастыря. Однако этот был в полтора раза меньше и своими размерами напоминал большой автоматический пистолет.

Глеб припомнил, что видел нечто подобное еще в свою бытность журналистом. Кажется, похожие арбалеты состояли на вооружении у французских десантников из первого полка морской пехоты. Или у британских сасовцев? Сейчас уж и не вспомнить.

– Я беру это, – сказал Глеб.

Вскоре все четверо были вооружены до зубов. Хлопуша к огромному мечу добавил

небольшую шипастую палицу. Рамон поменял свои притупившиеся кинжалы на новые, а к ним добавил три метательных ножа. Прошка обзавелся новым скрамасаксом и узким ножом-стилетом.

Глеб забил магазин ольстры разрывными патронами, начиненными белым железом, а на пояс повесил маленький арбалет и компактный сагайдак со стрелами, стянутыми кожаным ремешком.

Вооружившись и поблагодарив кузнеца, охотники на темных тварей тут же засобирались в путь. У двери Глеб замешкался, поправляя перевязь, подождал, пока Хлопуша, Рамон и Прошка попрощаются с Вакаром и выйдут во двор, а затем повернулся к кузнецу и тихо проговорил:

– Давно хотел тебя спросить, Вакар. Когда мы встретились в первый раз, ты выковал четыре меча-всеруба за один день. И это были очень хорошие мечи. Как такое возможно?

Вакар усмехнулся:

– Нешто ты и впрямь подумал, что я могу выковать за день столько мечей? Я выковал их из готовых форм. На каждую форму я трачу по два или три месяца. А порой и больше.

– Но самое главное происходит в последний деньковки, верно?

– Верно, – кивнул Вакар. – Я довожу форму до ума, накладывая на нее заговоры. Только заговоренный меч может зваться всерубом.

– И где ты этому научился?

– Мой дед был вещуном и слугой Перуна. Мой отец – тоже. Мне не приходилось выбирать. Когда я только родился, повитуха вынесла меня на улицу и показала богу солнца Хорсу. И тут, прямо посреди ясного неба, в нас ударила молния. Повитуха сгорела на месте, а я остался жив. Судьба моя была определена.

– Ясно. Ну... бывай!

Глеб пожал кузнецу руку.

– Пусть Хорс и Семаргл помогут вам! – напутствовал Вакар. – Береги себя, Первоход.

– Да. Спасибо. Ты тоже не хворай.

Глеб секунду помедлил, словно хотел еще что-то добавить, но потом махнул рукой, повернулся и стремительно вышел из дома.

7

Тяжко было на душе у Вакара. Вроде бы никого не предавал, а чувствовал себя предателем. Должно быть, это оттого, что на людей озлился. Да и правильно озлился. Экие дурни! Добровольно отказались от счастья, которое само перло им в руки. Дурни, дурни и есть.

Взгляд Вакара упал на запечатанную кубышку с самогонной водкой. Кузнец сдвинул брови, погрозил кубышке пальцем и хмуро проронил:

– И не думай. Все равно не возьму.

Вскоре, однако, он лежал на кровати, опершись спиной на три набитые соломой и мхом подушки, и с мрачным видом прихлебывал не слишком крепкую водку. Вакар надеялся, что водка поможет ему хоть немного расслабиться, но нет – на душе было так же тяжело, как прежде.

Спустя час Вакар все еще валялся на кровати. За это время он выпил почти литр водки, однако это мало помогло.

Услышав, как по крыльцу загромыхали чьи-то тяжелые шаги, Вакар отнял кубышку от губ и тревожно взглянул на дверь. Выпроводив Глеба и его друзей, Вакар забыл задвинуть за ними засов. Следовало бы задвинуть его сейчас, но Вакаром овладела какая-то бездеятельная и бесстрашная апатия.

Прошло несколько мгновений, и дверь распахнулась. В комнату вошли несколько мужчин в плащах с капюшонами. Тот, что шел впереди, подошел к кровати Вакара и откинул с головы капюшон. Кубышка выпала из разжавшихся пальцев Вакара, скатилась с кровати и

грохнулась об пол.

Лысый урод, стоявший перед ним, усмехнулся своим страшным, зубастым ртом и прошипел:

– Перун в помощь, кузнец. Как поживаешь?

Вакар задрожал, но усилием воли унял дрожь и ответил:

– Да ничего... Живу себе.

Крысун Скоробогат, а Вакар узнал его даже в новом облике, вновь усмехнулся, оскалив острые, как ножи, зубы.

– Боги благосклонны к тебе, верно? – поинтересовался он своим жутким шипящим голосом.

– Верно, – ответил кузнец и невольно поежился под взглядом красных глаз твари.

– Боги к тебе благосклонны, – повторил Крысун. – Но ценишь ли ты их благосклонность?

– Я... не понимаю, о чем ты, – пробормотал Вакар.

– Прекрасно понимаешь, кузнец! У ночной тьмы есть глаза и уши, разве ты об этом не знал? Мне доложили, что к тебе приходили гости. Это так?

Вакар выдавил из себя улыбку и пробормотал:

– Какие гости, Крысун? Ко мне заходит много людей. О ком ты говоришь?

Несколько секунд лысая тварь молча разглядывала кузнеца, и от этого взгляда по грузному телу Вакара снова пробежала волна дрожи.

– Я знаю, где ты прячешь дочку и внука, кузнец, – прошипела тварь. – Хочешь, я пошлю за ними своих слуг и они привезут их сюда?

Кровь отлила от щек Вакара, пальцы, лежащие на одеяле, затряслись. Крысун взглянул на них, усмехнулся и снова вперил взгляд в потное от страха лицо кузнеца.

– Что же ты молчишь, старик?

– Про... Прошу тебя, не трогай их, – выговорил Вакар.

– А вот это уже будет зависеть от тебя. – Крысун прищурил злобные, пылающие адским огнем глаза. – Это был Глеб Первоход, верно?

Вакар кивнул:

– Да.

– Кто был с ним?

– Толмач, которого зовут Рамоном... – Вакар облизнул пересохшие губы. – И еще добытчик Хлопуша.

– Мне доложили, что их было четверо. Кто четвертый?

– Никто... Один мальчуган. Он недостойн твоего внимания.

– Куда они отправились?

– В Гиблое... место.

Красноватые, злобные глаза Крысуна полыхнули яростным огнем.

– Зачем они туда пошли? Что хотят найти?

– Прости, Крысун... Этого я не знаю.

Несколько секунд монстр пристально смотрел Вакару в лицо, затем протянул белую когтистую лапу и отрывисто проговорил:

– Дай мне свою руку, кузнец!

Вакар сделал, как он велел. Крысун сжал его мозолистую пятерню своими длинными белыми пальцами и глубоко заглянул ему в глаза.

– Зачем они отправились в Гиблое место, кузнец?

– Я не знаю, Крысун.

Монстр сжал чуть сильнее.

– Что ты знаешь про «дары»? Что они тебе сказали?

– Я... не знаю, – хрипло проговорил Вакар.

Белые пальцы сжали его руку, как железные холодные тиски. От боли кровь отлила у Вакара от лица, а на лбу выступили крупные капли пота. Крысун, продолжая сверлить его

взглядом, сжал посильнее. Раздался тихий хруст, словно сломали сухую ветку, и кузнец закричал от боли и забился, пытаясь вырвать покалеченную руку из бледной, страшной, перевитой голубыми жилами лапы Крысуна.

– Я не знаю! – крикнул он. – Велесом клянусь – не знаю!

Крысун сжал еще сильнее и прошипел:

– Ты уверен?

– Да!.. О боги, да!

Тварь разжала пальцы, и Вакар вытянул из страшной, белой клешни искалеченную руку.

– Ты друг Первохода, – с улыбкой, от которой бросило бы в дрожь и более смелого человека, чем Вакар, проговорил Крысун. – А друзья Первохода – мои враги. Что же мне с тобой делать, кузнец?

– Не... не знаю, – прохрипел Вакар. – Решай... сам.

Некоторое время Крысун и впрямь размышлял, потом глянул на Вакара налитыми кровью глазами и сказал:

– Ты заслужил смерти, кузнец. Однако я оставлю тебя в живых. Веди себя смирно и помни – я слежу за тобой.

Крысун накинул на голову капюшон, повернулся и зашагал к двери. Молчаливые, закутанные в плащи спутники Крысуна подождали, пока он пройдет мимо, затем резко развернулись и двинулись за ним.

Глава седьмая

1

До межи добрались на редкость быстро. За это нужно было благодарить подмерзшую дорогу и великолепных коней, которых Хлопуша купил у какого-то заезжего торговца, пока трое товарищей дожидались его в яру за густыми зарослями орешника. Торговец отдал коников за бесценок, не торгуясь и сказав: «Все одно ведь твари сожрут. Пусть хоть так».

Кони были столь сильны и выносливы, что почти всю дорогу, без отдыха, несли седоков галопом, лишь изредка переходя на медленный аллюр (и то лишь затем, чтобы дать путешественникам отдохнуть от бешеной скачки).

У межи, наконец, спешились. Ходили с трудом, зады у всех четверых были сбиты, ноги затекли.

– Никогда так много не ездил верхом, – кривясь от боли, сказал Прошка.

– Ничего, – усмехнулся Хлопуша и потрепал мальчишку пятерней по тощему плечу. – Еще поездишь.

– Жалко коней, – сказал, немного размяв ноги, Рамон. – Растерзают их твари. Или звери съедят. А кони славные.

Хлопуша стряхнул с плеча суму, залез в нее широкой пятерней, что-то поискал. Затем достал маленькую оловянную банку и показал ее Рамону и Глебу.

– Это что? – осведомился Рамон.

– Волколачья кровь. Обмажем вокруг – ни один зверь близко не подойдет. Да и оборотни, ежели за межу выберутся, поостерегутся.

– Кодьяк не испугается, – возразил на это Прошка. – Кодьяк темных тварей не боится.

– Настоящих кодьяков нынче мало, – веско возразил Хлопуша. – Хорошо, если во всей чашобе пяток наберется. А обычные медведи волколаков за три версты обходят.

Кони стояли у кривого, разбитого молнией дерева и жевали снег пушистыми губами.

Отойдя подальше от коней, толстяк открыл крынку и принялся брызгать волколачьей кровью траву и комели деревьев. Кони, почуяв запах волколака, захрапели и сбились в кучу.

– Ничего, милые, ничего, – ласково успокоил их Рамон. – Это для вашего же блага.

Вскоре вся лужайка на осьмушку версты вокруг была помечена волколачьей кровью.

Оставив стреноженных коней на лужайке, путешественники зашагали к меже.

С полчаса, а то и больше, шли без всяких приключений. Лес вокруг становился все мрачнее и угрюмее. Огромные папоротники вытеснили вереск, по обе стороны в соснах замелькала черная ольха. Потом на смену папоротникам пришла юная березовая и рябиновая поросль, но какая-то кривая, будто скрученная артритом. Почва становилась мягче, по всему было видно, что суглинок скоро закончится, и на смену ему придет рыхлая заболоченная земля. Вдруг Прошка остановился и, указав на что-то пальцем, негромко вскрикнул:

– Глядите, кто это там?

Странники тоже остановились и взглянули туда, куда указывал воренок.

– Волколак! – выдохнул Хлопуша.

И впрямь на пригорке стоял волколак. Огромный, черный, стоял и внимательно смотрел на путешественников.

– Первоход, что будем делать, коли бросится? – спросил Рамон.

– Не бросится, – небрежно ответил Глеб. – Солнце светит слишком ярко, а мы идем по открытому месту. К тому же нас четверо и все мы вооружены. Матерый волколак чует белое железо издали и никогда не станет рисковать понапрасну.

Хлопуша облегченно перевел дух, но тут Глеб добавил:

– Если, конечно, он не сильно голоден.

– А этот? – тревожно спросил Хлопуша. – Этот голоден?

Глеб усмехнулся:

– Если тебе так интересно, сбегай к нему и спроси. А мы тебя подождем.

Хлопуша насупился и хотел что-то сказать, но Глеб его уже не слушал. Он спокойно зашагал дальше, и путешественникам не осталось ничего иного, как догнать его и пойти следом. Пойти-то пошли, но то и дело оглядывались на волколака. А он все так же стоял на пригорке, под тенистой сенью дуба, и внимательно смотрел на них.

Вскоре тропа повернула вправо, и деревья скрыли волколака из вида.

Еще полтора часа шли без происшествий. Раза три за это время Рамон вежливо интересовался, знает ли Глеб, куда в точности нужно идти? И все три раза Глеб лишь пожимал плечами в ответ.

Глеб действительно не знал, где искать пещеру, и вел своих спутников обычным маршрутом – все дальше и дальше от межи, надеясь, что рано или поздно интуиция подскажет ему верное направление.

Наконец пришло время отдыха. Глеб, Рамон, Хлопуша и Прошка расположились на берегу реки, разожгли костер, чтобы просушить мокрую обувь, и достали провизию, намереваясь немного подкрепиться.

Солнце стояло еще довольно высоко, так что путешественники могли не тревожиться о внезапном нападении темных тварей (тем более что на всякий случай Глеб воткнул в землю пару дозорных рогаток, и при появлении оборотней они должны были захлопать, как хлопает на ветру развевающийся флаг). Костер согрел путников, еда восполнила растроченные силы. Пока Глеб прикидывал дальнейший маршрут, Хлопуша и Прошка отошли к реке, чтобы вернуть часть выпитой воды природе.

Оправившись и затаив на штанах тесьму, Прошка вдруг к чему-то прислушался. Ему вдруг показалось, что он слышит женский смех.

– Хлопуша, ты слышишь? – удивленно спросил он. – Вроде как бабы смеются. Как же они сюда попали?

Хлопуша взял мальчишку за плечо и осторожно оттащил его от воды.

– Не подходи близко, – тихо пробасил он.

– Почему?

– То не бабы, то русавки. Они токмо издали на девок похожи. А вблизи – страшилища чешуйчатые с костистыми плавниками. Пойдешь после заката к реке, потеряешь осторожность, мигом на дно утащат. Днем они слабы и к людям не суются. Но все равно не

стоит с ними играть.

Прошка поежился, глядя на серебристую воду реки. Затем осторожно спросил:

– А эти русавки – они умные?

– Не умней собаки, – ответил Хлопуша.

– А говорить они умеют?

Верзила покачал головой:

– Нет.

– Зато поют красиво, – вмешался в разговор подошедший и вставший рядом Рамон. – Я однажды слышал. Вечером дело было, на закате. Если бы товарищи не остановили, так бы в воду и полез.

Прошка тревожно нахмурился:

– А коли и меня в воду потянет, что делать-то?

– Услышишь их песню, затыкай уши и уходи подальше, – наставительно произнес Хлопуша. – Или резани ножом палец до крови, чтобы больно было. Иначе заманят на глубину, утопят и сожрут. А ежели вблизи увидишь, бей их и руби чем придется, без жалости.

На солнце наплзли тучи, но Глеб, погруженный в свои мысли, этого не заметил. На душе у него было тяжело. Сколько уж раз зарекался ходить в Гиблое место, а вот, поди ж ты, опять здесь. И ныне все еще хуже, чем прежде. Тогда хоть знал, куда идти. А сейчас? Где искать эту чертову пещеру? Да и мало ли в лесу пещер? Наверняка счет идет на сотни.

Глеб вздохнул и прикрыл глаза. Погруженный в размышления, он не заметил, как из верескового куста высунулась огромная черная морда. Два пылающих злобой глаза уставились на Глеба, а из оскаленной пасти на траву закапала слюна.

Тяжко было у Глеба на душе, ох тяжело. Последние полтора года сделали его почти счастливым. Жизнь была столь насыщенной, а сделать хотелось так много, что глаза просто разбегались по чертежам и картам. Но главное, что все рисунки и замыслы воплощались в жизнь!

Сейчас бы работать да работать, но нет – вечно найдется какая-нибудь мразь, которая перечеркнет твои планы и испортит тебе жизнь. Просто закон подлости какой-то. Глеб тяжело вздохнул и потянулся в карман за сигаретами.

И в это мгновение волколак черной и быстрой тенью выскочил из кустов и бросился на Глеба.

2

Нападение было столь стремительным, что Глеб не успел схватиться за ольстру. Волколак – огромный, матерый, с мордой, испещренной шрамами, – на полном ходу подмял под себя Глеба и попытался вцепиться ему клыками в горло.

Лишь каким-то чудом Глебу удалось извернуться, и он сам схватил чудовище за мохнатое горло. Черное, почти человеческое лицо с толстыми, яростно искривленными губами, между которыми сверкали длинные белые клыки, нависло над Первоходом, обдавая его смрадным дыханием.

Глеб побагровел и взмок от усилий, мышцы на его руках вздулись, будто узлы. Однако страшная морда твари медленно приближалась, а зубы – острые, чуть загнутые внутрь – клацали уже у самого его лица.

– Гиблое место... – прохрипел Глеб, изо всех сил сдерживая тварь, – помоги... мне...

Дыхание твари было горячим, а к смрадной вони примешивался запах собачьей шерсти. Едкая слюна капала с оскаленных зубов и падала Глебу на лицо. Силы стремительно покидали Первохода.

– Гиблое место... – снова взмолился он. – Помоги мне...

Подтянув ноги, Глеб уперся ими в живот волколаку и яростным, нечеловеческим

усилием отпихнул его от себя.

Все дальнейшее произошло стремительно, будто боги Гиблого места и впрямь решили помочь Первоходу и поделились с ним своей силой. Сорвав с себя кожаный пояс, Глеб откатился в сторону, вскочил на ноги, захлестнул пояс вокруг мускулистой шеи волколака и одним прыжком запрыгнул ему на спину.

Зверь хотел взвыть, но пояс крепко впился ему в горло. Волколак захрипел, извернулся и попытался достать Глеба когтистой лапой, однако когти его ухватили лишь воздух. Глеб, побагровев от усилий, повалил волколака набок и придавил коленями к земле.

Из пасти твари вывалился синеватый язык, глаза угасли. Еще раз волколак сильно дернулся, а потом затих. Глеб соскользнул с хребта чудовища, быстро отбежал в сторону и поднял с земли ольстру. Впрочем, ольстра уже была не нужна. Тварь издохла.

Глеб, обливаясь потом, опустился на траву. Дышал он тяжело и прерывисто. Руки его были ободраны в кровь, но он этого не замечал. Искоса поглядывая на огромную тушу волколака, Глеб не мог до конца поверить, что сам, и почти голыми руками, прикончил чудовище.

Немного отдышавшись, он поднял глаза к сумеречному небу и взволновано проговорил:

– Бог Хорс, спасибо тебе за по...

И вдруг осекся. Осекся, потому что вспомнил – что не призывал он на помощь бога солнца Хорса, а призвал каких-то неведомых богов Гиблого места. Как так получилось? Видимо, в пылу сражения у него слегка помутилось сознание. Иначе как это объяснить?

За спиной у Глеба хрустнул валежник. Глеб стремительно обернулся. Рамон, Хлопуша и Прошка стояли перед тлеющим костерком и смотрели на волколака. На их оцепенелых, бледных лицах застыл испуг.

Первым овладел собой Рамон. Переведя взгляд на Глеба, он тихо пробормотал:

– Этот волколак... Ты убил его?

Глеб прищурил недобрые глаза и с усмешкой ответил:

– Да. Обычно это называется именно так.

Брови Рамона дрогнули.

– Прости, что не поспешили на помощь, Глеб. Мы не слышали выстрела.

– Я не стрелял, – сказал Глеб.

Хлопуша и Прошка уставились на него недоверчивыми взглядами. А Рамон внимательнее оглядел волколака и нахмурился.

– Я совсем не вижу крови, – сказал он.

– Я тоже, – сильным голосом подтвердил Хлопуша. – Должно быть, ты ударил его мечом прямо в сердце, Первоход.

Глеб дернул уголок губ:

– Если бы. Когда эта тварь напала на меня, при мне не было ни ольстры, ни меча.

– Как же ты убил его? – изумленно спросил Хлопуша.

– Задушил ремнем.

– Ре... мнем? – не поверил ушам Прошка. – Ты задушил волколака ремнем?

Теперь Хлопуша, Рамон и Прошка смотрели на Глеба с изумлением.

– У меня не было другого выхода, – сказал Глеб.

– Два дня назад ты едва держался на ногах от слабости, – напомнил Рамон. – А сегодня убил волколака голыми руками. В это трудно поверить.

– И тем не менее это так. – Глеб глянул на друзей снизу вверх и усмехнулся: – Вы как будто не рады. На чьей вы стороне, ребята?

Хлопуша двинулся с места, несмело подошел к мертвому чудовищу, присел рядом и осторожно заглянул ему под брюхо.

– Матерый пес, – уважительно определил он. – Больше десяти пудов весу. Отличная была зверюга.

– Прости, я не знал, что он был твоим другом, – с холодной иронией произнес Глеб. –

Будешь его оплакивать или наполнишь его кровью свою флягу?

Хлопуша насупился и зашагал к сумке. Глеб, наконец отдышавшись, нащупал в кармане сигареты.

– Первоход... – позвал его вдруг Прошка, и в голосе мальчишки Глебу послышался испуг.

– Что?

– Твое лицо.

– Да. И что с ним?

– Оно... переменялось, – сдавленно пробормотал Прошка.

Глеб поднял руку к лицу, ощупал щеки, нос и лоб, но не нашел ни одной царапины.

– Опять выдумываешь? – нахмурился Глеб. – Если решишь снова пошутить, то предупреждай. В последнее время у меня туговато с чувством юмора.

– Рамон! – дрогнувшим голосом позвал Прошка, не сводя глаз с лица Глеба. – Рамон, посмотри на Первохода!

Глеб повернул голову и взглянул на толмача. Тот впился взглядом в лицо Глеба так, будто увидел перед собой привидение. Глеб нервно дернул щекой.

– Ну? – с натянутой усмешкой осведомился он. – И что ты увидел?

– Прошка прав. Твое лицо стало другим.

Глеб досадливо поморщился и снова ощупал пальцами лицо. Ему и впрямь показалось, что кожа стала грубее и что кости как-то слишком сильно стали выпирать из-под кожи. Да и подбородок его под стриженной бородой будто бы разросся и слегка отяжелел.

– Хлопуша! – позвал Глеб толстяка. – Иди сюда!

Хлопуша подошел, вопросительно воззрился на Глеба.

– Взгляни-ка на мое лицо, – потребовал Первоход. – Тебе тоже кажется, что мое лицо изменилось?

Хлопуша несколько секунд, сдвинув брови, разглядывал Глеба, после чего пожал плечами и сказал:

– Я ничего такого не вижу. Вот только взгляд твой стал злее и холоднее, но после драки с волколаком иначе и быть не может.

Глеб облегченно вздохнул:

– Я так и думал. Ладно, парни, хватит фантазий. Нам пора идти дальше.

3

Солнце еще не зашло, когда путники вышли из заболоченной местности и оказались в густом сосняке. После ходьбы по зыбким мшаникам идти по твердой земле казалось так легко, словно ноги сами несли их вперед. Хвоя тихонько хрустела под ногами, у корневищ вывороченных деревьев поскрипывал песок, пахло смолой и жухлой травой.

– Первоход, – заговорил после долгого молчания Прошка. – Я никогда не встречал человека, который был бы сильнее тебя.

– Спасибо за комплимент, – усмехаясь, откликнулся Глеб.

– А ты бы смог одолеть кодыяка?

– Легко, если бы в руках у меня была ольстра, а в ней – патроны.

– А без ольстры?

– Без ольстры вряд ли.

– Жаль, – протянул Прошка. – А правда, что Гиблое место делится с ходаками своей Силой?

– Только с теми из них, кому посчастливилось выжить.

Несколько шагов Прошка шел молча, а потом вдруг заявил:

– Когда я стану совсем взрослым и окрепну, тоже буду ходить в Гиблое место.

Глеб хмуро взглянул на мальчишку, но ничего не сказал. В голову ему вот уже полчаса лезли мрачные мысли. Он вдруг припомнил слова кузнеца Вакара о том, что люди не

заслуживают жалости. Вспомнил разрушенные школы и стертую с лица земли водонапорную башню. Вспомнил прибитых к стене школы преподавателей и изнасилованную учительницу.

Будто какой-то червь окопался в душе у Глеба и беспрерывно грыз ее. Он хотел было поделиться мыслями со своими спутниками, но вдруг остановился и напрягся.

Что-то происходило в его организме. Какая-то тяжесть охватила левое плечо, будто на него положили холодный железный брус.

– Первоход? – вопросительно окликнул Рамон.

Глеб тряхнул головой и двинулся дальше, но вдруг снова остановился и, схватившись за плечо, смертельно побледнел. Плечо будто сжали в ледяных тисках.

– Что случилось? – взволнованно спросил Рамон. – Тебе плохо?

– Нет. Я в порядке. – Глеб снова потер рукою левое плечо, и вдруг лицо его оцепенело. Несколько секунд он ошалело смотрел прямо перед собой, а потом запрокинул голову и рассмеялся. – Голица! – смеясь, проговорил он. – Румяная стерва!.. Не обманула!

Рамон и Хлопуша переглянулись. Глеб оборвал смех и, сжав пальцами плечо, тихо застонал.

– Дьявол, – процедил он сквозь стиснутые зубы. Затем глянул исподлобья на своих спутников и сдавленно проговорил: – Не волнуйтесь, я не рехнулся. Кажется, я знаю, куда нам идти.

Рамон удивленно моргнул и пробормотал:

– Первоход, я...

– Знаю, знаю. – Глеб прищурил темные глаза. – Я веду себя странно. Не удивляйся. Года четыре назад я подцепил ядовитую стрелу. – Глеб поморщился и снова потер пальцами левое плечо. – Подонок, который ее выпустил, смазал наконечник ядом лиловой ящерицы. Боль была такая, что сводила меня с ума.

– Я много слышал про этот яд, – пробасил Хлопуша. – Говорят, человек, ужаленный лиловой ящерицей, кончается в страшных муках.

– Муки были, – согласился Глеб. – Но, как видишь, я остался жив. Однако теперь моя рана снова болит. И, кажется, она болит неспроста. Не знаю, как это объяснить, но боль... она словно указывает мне направление.

– Направление? – удивленно переспросил Рамон. – Ты говоришь о направлении, которое...

– Думаю, чем ближе мы будем подходить к пещере, тем сильнее будет болеть моя рана, – сказал Глеб.

Рамон наморщил смуглый лоб и вдруг спросил:

– Как думаешь, сколько нам еще идти?

– Недолго. – Глеб вытер потный лоб. – Скоморохи не могли забраться далеко. Думаю, до пещеры верст двадцать, не больше.

Рамон поднял голову и посмотрел на солнце, почти касавшееся вершин деревьев.

– Успеем ли дойти туда до захода солнца? – тревожно спросил он.

– Если поторопимся, то успеем. – Глеб убрал руку с плеча и поправил за спиной кобуру. – Ладно, топаем дальше. Старайтесь идти за мной след в след и не сходите с тропки.

И Глеб, придерживая рукою ножны, снова зашагал вперед.

* * *

За два часа пути путники два раза натыкались на упырей, но это были шатуны-одиночки, и Глеб, молниеносно вскинув арбалет, просто сшиб их с пути, почти не замедлив хода. Он то и дело потирал пальцами плечо, а порою на несколько секунд останавливался, чтобы перевести дух. Рана, оставленная когда-то ядовитой стрелой, болела все сильнее.

После трех часов ходьбы путешественники решили передохнуть и подкрепиться

вяленным мясом и сушеными яблоками. После трапезы продолжили путь.

Похолодало. Щеки путников стегал ветер, посыпавшая вдруг снежная крупа забиралась за ворота кафтанов, замерзшие ноги каменели, но остановиться и разжигать костер было нельзя. Никто не разговаривал, и даже Хлопуша перестал ворчать и сомкнул побелевшие от холода губы.

Солнце уже закатилось за верхушки деревьев, и значит – нужно было спешить. Глеб чувствовал себя отвратительно, но он скорее бы умер, чем показал друзьям свою слабость.

Постепенно все его мысли сосредоточились на одном – выдержать, не застонать и не остановиться. Колючая пыль припорошила его одежду и шапку, выморозила лоб и щеки.

«Долго ли еще?» – спрашивал себя Глеб, снова и снова прислушиваясь к своей боли, как к темному, говорливому существу, чей жуткий язык был понятен лишь ему одному.

– НЕТ! – отвечала боль. – УЖЕ РЯДОМ!

И Глеб, стиснув зубы, шагал дальше. Наконец он остановился и оперся рукою на ствол дерева. Дыхание его было тяжелым, на побелевшем лбу выступили крупные капли пота. Прошка подошел, легонько коснулся пальцами его руки и участливо спросил:

– Больно, Первоход?

– Больно, Прохор, – выдохнул Глеб и облизнул пересохшие, потрескавшиеся губы.

– Видимо, уже совсем близко? – спросил Рамон.

– Видимо, так, – ответил Глеб.

Лес вокруг был жуткий. Влажную землю покрывали огромные ржаво-черные папоротники. Дальше виднелись сухие осины и густой, тоже корявый и спутанный в какие-то невообразимые колтуны орешник.

– Дремучее место, – прогудел Хлопуша и поежился. – И как их угораздило забраться в такую глушь?

– Ты про скоморохов?

– Угу.

Глеб взглянул на замшелые стволы деревьев, на их мрачные, перепутанные ветви.

– Гиблое место умеет заманивать путников в свои сети, – пояснил он.

– И правда, похоже на сети, – согласился Прошка. – Где же нам искать эту пещеру?

Глеб, сжав зубы, снова прислушался к своей боли.

– Близко, – выдохнул он. – Уже близко. Идем!

Они двинулись дальше. Вскоре земля снова зачавкала под ногами, а спустя еще немного почва превратилась в настоящее болото. Топь была неглубокая, однако жидкая. Кое-где ноги проваливались по колено, куда не нащупывали скользкое дно.

Уже в сумерках болото, наконец, осталось позади. Путешественники, ворча и ругаясь, уселись на пни и принялись вытирать сапоги о ржавую осоку и сухие заросли таволги.

Впереди виднелся косогор, склон которого густо порос липами, кустами орешника и редкими вязами. Почва здесь была глинистая, покрытая кое-где тонким слоем мха.

Глеб вдруг замер, а затем болезненно процедил:

– Совсем рядом. Плечо будто клещами дерут. Надо идти.

Он поднялся первым, поправил перевязь, кобуру и колчан и снова пошел вперед. Хлопуша, Рамон и Прошка, едва перебирая ногами, двинулись за ним. Вскоре путешественников стали донимать комары. Хлопуша и Прошка нарвали пучков полевицы и отмахивались ими от назойливых комаров. Глеб и Рамон шли вперед молча и невозмутимо, будто комары облетали их стороной.

– Совсем остервенели, сволочи, – ворчал Хлопуша, отмахиваясь от гнусов. – Жалят, что твои осы. Да еще норовят в самые глаза.

Наконец они вышли на большую, поросшую вереском поляну, несколько минут шли по ней, замечая, что вереск постепенно вытеснила березовая поросль.

– Скоро совсем стемнеет, – недовольно проговорил Хлопуша. – А по всему видать, что впереди еще одна топь. Может, разбить лагерь здесь?

Все посмотрели на Глеба. Он отрицательно покачал головой:

– Нет. До пещеры не больше версты. Надо идти.
Хлопуша наморщил лоб:
– Полно тебе, Первоход. Ты ведь не знаешь этого наверняка. Здесь хорошее место для лагеря, а впереди будет только хуже. Вон и Прошка еле ворочает ногами. Пожалей хотя бы мальчика.
– За себя говори! – взвился Прошка, сверкнув на Хлопушу сердитыми глазами. – Я пойду туда, куда скажет Первоход!
Хлопуша стушевался и отвел взгляд.
– Да разве ж я спорю? – прогудел он. – Я как все. Но мы давно идем, не мешало бы передохнуть. Сейчас бы развести костерок да посушить обувку. Ноги до мяса сопрели.
Верзила хотел добавить еще что-то, но Глеб поднял руку, делая знак замолчать, и внимательно к чему-то прислушался. Вдруг лицо его осветила улыбка, и он громко сказал:
– Это здесь!
– Чего здесь? – не понял Хлопуша.
– Пещера! – Глеб кивнул подбородком на косогор. – Вон там. Под гнилыми ветками.
– Там пещера? – удивился Прошка.
– Да.
Воздух от сумерек стал совсем темным. Перед косогором, покрытым чернолозом и перекрученными в жгуты березами, лежал рухнувший полусгнивший дуб. За ним виднелись гнилые колодины. Чуть в стороне темнела заполненная грязью канава.
– Не знаю, как вам, ребята, а мне чуток не по себе, – сильно понизив голос, проговорил Хлопуша. – Что, ежели в пещере притаилась тварь?
– Ты не в первый раз в Гиблом месте и знаешь, что делать с темными тварями, – сказал на это Рамон.
Верзила вздохнул:
– Я-то знаю. Так ведь и тварь знает, что делать со мной.
Подул ветер, и Рамон поежился.
– Холодает, Первоход. И сумерки сгущаются, а мы в Гиблом месте. Может, все-таки разведем костер? Ты присядь и отдохни, а мы...
– Тихо! – резким шепотом оборвал его Глеб и наострил слух.
Странники замерли и тоже вслушались в звуки вечернего леса. Глеб облизнул пересохшие губы.
– Вы слышали это?
– Чего? – севшим от волнения голосом спросил Хлопуша.
Глеб холодно усмехнулся:
– Кажется, к нам идут гости.
– Гости?
– Да, гости. Они все время шли за нами. И теперь, похоже, нагнали. – Глеб хрипло перевел дух. – Я ведь говорил, что вернемся мы не все. Однако выбор у нас, ребята, небольшой: либо сдохнуть, либо превратиться в темных тварей.
– Это как всегда, – заметил Рамон и вынул из-за пояса обоюдоострые кинжалы.
– Иначе и не бывало, – поддержал его Хлопуша и с лязгом вытянул из ножен свой огромный гофский меч.
– По-другому уже не будет, – охрипшим от волнения голосом сказал Прошка и дрожащей рукой выхватил из золоченых ножен меч-скрамасакс.
Глеб снял с пояса арбалет и негромко приказал:
– Прячемся за поваленное дерево. Быстро!
Едва путники спрятались за поваленный дуб, как ветви вереска затрепетали, и из колючих кустов, опутанных черным вьюном, вышли лысые твари.

– Вот и гости, – тихо проговорил Глеб и поднял арбалет.

Сперва тварей было четверо. Ветер дул в их сторону, и они прищурили красные глаза от колкого снежного крошева. Спустя несколько секунд кусты дрогнули вновь, и еще три твари присоединились к первым.

– Пора! – тихо выдохнул Глеб, прицелился и быстро пустил стрелу с тетивы.

Один из уродов, взвизгнув, рухнул на землю. Глеб выстрелил снова. Еще одна тварь опрокинулась навзничь и судорожно задержала лапами.

Из кустов выскочили новые твари, и вся стая быстро рассредоточилась, окружая поваленный дуб и косогор. А Глеб все стрелял и стрелял – с такой быстротой, что тихий скрежет зарядной скобы и свист выпускаемых стрел превратились в монотонное рычание.

Вскоре пять тварей валялись на земле, дергаясь в предсмертной агонии. Глеб отшвырнул арбалет и выхватил из заплочной кобуры ольстру. И в этот миг лысая тварь вскочила на бревно. Глеб выпрямился в полный рост и нажал на спуск. Выстрел разорвал голову чудовища на куски.

– Глеб, наверху! – крикнул Прошка.

Глеб вскинул голову и увидел скачущую по деревьям тварь. Чудовище с шипением прыгнуло на Глеба, но за миг до этого он нажал на спуск. Пуля пробила лысому уроду грудь. Тот сорвался с дерева и, сшибая острые ветки и обдирая бледное тело в кровь, полетел на землю.

И в этот момент сразу семь или восемь тварей вскочили на поваленный ствол и, раскрыв утыканные зубами пасти, бросились на путников.

Рамон рассек ближайшей твари грудь кинжалом, но другая уже прыгнула ему за спину. Толмач быстро развернулся и ударил вторым кинжалом. Удар пронзил чудовищу горло и заставил его рухнуть на колени. Из рассеченной шеи на тощую бледную грудь хлынула черная кровь.

Глеб, прикрывая собой Прошку, отшвырнул бросившуюся на него тварь ногой и выстрелил ей в голову. Второй он перебил пулей ногу. Третьей расшиб челюсть прикладом ольстры. Четвертой прострелил живот.

Воспользовавшись секундной передышкой, Глеб взглянул на сражающихся рядом друзей. Хлопуша, бранясь сквозь зубы и размахивая огромным мечом, сдерживал натиск наседавших на него тварей, ломая им грудные клетки и сшибая с тощих плеч головы. Он был похож на разъяренного медведя, однако на смену убитым тварям приходили новые.

Прошка внезапно вырвался вперед и вонзил скрамасакс в шею долговязому лысому чудовищу. Затем вырвал клинок и наотмашь поразил еще одну тварь.

Рамон, взмокший от пота, отбивался от нападающих на него монстров длинными кинжалами и вертел головой, отыскивая путь к отступлению. Но твари наступали со всех сторон, отступать было некуда, так что оставалось только продать жизнь подороже.

«Пора!» – подумал Глеб и закричал:

– В канаву! Все в канаву! Быстро!

Хлопуша, Рамон и Прошка, привыкшие беспрекословно подчиняться указаниям и распоряжениям Глеба, и тут исполнили его приказ. Увернувшись от когтей лысых тварей, все трое кинулись к канаве. Глеб опустил ольстру на землю, выхватил меч и мощным ударом надвое разрубил подскочившую тварь, затем быстро вынул из кармана грязно-серый шарик, похожий на теннисный мяч, и подбросил его в воздух.

Раздался громкий хлопок, и над тварями, подобно огромному белесому зонту, раскинулась паутина. Твари успели задрать морды, и тут паутина накрыла их. Четыре десятка тварей забились, заизвивались и задержались на земле.

– Все сюда! – снова зычно крикнул Глеб.

Прошка выскочил из канавы первым. За ним последовал Рамон. А там подоспел и Хлопуша.

– Бейте их, пока не выбрались! – прорычал Глеб.

И сражение продолжилось. Глеб, прыгая по спинам тварей, наносил быстрые колющие

и рубящие удары, рассекая бледную, морщинистую плоть чудовищ.

Прошка, уворачиваясь от скрюченных когтистых пальцев, колот тварей острым как бритва скрамасаксом. Хлопуша крушил им черепа своим огромным мечом, а Рамон прыгнул в самую гущу копошащихся под липкой сетью монстров и принялся с дьявольской ловкостью орудовать кинжалами.

Ночная мгла еще не успела окончательно сгуститься, а сражение уже закончилось. Глеб отдал мысленный приказ – Паучья ловушка взмыла в воздух и стала быстро уменьшаться, словно ее затягивала воронка. Прошло несколько секунд, и грязно-белый мячик плавно опустился на вытянутую ладонь Глеба.

Лужайка перед ним была завалена обезображенными трупами чудовищ. В воздухе стоял смрад, но усталые путешественники не замечали этого.

– С тварями покончено, – тяжело дыша и опираясь на воткнутый в землю меч, сказал Глеб.

Прошка, Рамон и Хлопуша, запыхавшись так, что не могли говорить, обессиленно опустились на землю. Одежда их была перепачкана глиной, лица окровавлены.

– Скоро пойдем назад, – ободряюще сказал Глеб. – Осталось немного.

– НЕ ТАК БЫСТРО, ПЕРВОХОД! – громко прошипел кто-то.

Путешественники вздрогнули и повернули головы на голос. Две черные фигуры вышли из-за деревьев. Глеб вынул меч из земли и сжал его в руке. Фигуры были закутаны в темные плащи, лица их скрывали наголовники.

– Крысун, это ты? – громко спросил Глеб.

Одно из существ нагнулось вперед и откинуло с головы капюшон. Глеб хмуро взглянул в его страшное бледное лицо и, качнув головой, проговорил:

– Ты не Крысун. Кто ты?

– Ваш новый участковый инспектор, – прошипело чудовище. – Пришел оштрафовать вас за грубое обращение с животными.

– Охоронец Бун? – припомнив свой ответ пособнику Крысуна, спросил Глеб.

Монстр усмехнулся зубастым ртом:

– Да, это я.

Что-то просвистело у самого уха Глеба, это Рамон метнул в грудь чудовищу нож, однако тварь резко дернула рукой, и нож, сбитый в воздухе, отлетел в сторону.

– Вот это да, – пробормотал за спиной у Глеба Прошка.

– Не высывайся! – не оборачиваясь, сказал ему Глеб. – Рамон, Хлопуша – вы тоже!

Несколько мгновений взгляд красных глаз Буна был устремлен на Глеба. Первоход почувствовал противный холодок между лопаток. Уж не пытается ли тварь подчинить его своей воле? Глеб резко тряхнул головой, и наваждение исчезло.

Бун принялся осторожно и медленно кружить вокруг Глеба, выбирая место для удара.

– Я отправлю тебя в пекло... – зашипел Бун.

– Мне там будет тесновато, – холодно парировал Глеб. – А вот такому тощему козлу, как ты, в аду самое место.

И вдруг Бун бросился на Глеба, метя разинутой пастью ему в шею, а вытянутыми когтями – в глаза. Первоход рубанул уroda по вытянутым рукам и возвратным движением полоснул наискось, вспоров чудовищу брюхо от ключицы до паха.

Бун рухнул в подмерзшую грязь. Глеб тут же повернулся ко второму монстру, закутанному в плащ.

– Неплохо, – прошипел тот. – Но ты все равно проиграешь, Первоход.

Крысун, а это был он, расстегнул серебряную фибулу, стянул с плеч плащ и швырнул его на землю. Теперь он был гол. В полумраке его белое тело казалось высеченным из мрамора. Несмотря на удобу, от него исходило ощущение силы. Тонкие, жилистые руки были увенчаны длинными когтями. Кожа на груди выглядела твердой и походила на панцирь.

– Как я тебе нравлюсь? – спросил Крысун. Он поднял руку и повернул увенчанную

когтями кисть и так и этак, любуясь ею. – Мое тело совершенно, не правда ли?

– В цирке уродов ты стал бы гвоздем программы, – ответил на это Глеб. Затем облизнул пересохшие губы и сказал: – Мы прикончили твою армию, Крысун. Теперь ты один, и ты перед нами беззащитен.

– Армию? – Красные глаза Крысуна запылали ярче, когда он обвел взглядом громоздящиеся на лужайке трупы. – Ты называешь этих выродков «армией»? – Крысун усмехнулся и покачал лысой головой. – Нет, ходок. Настоящая армия еще только готовится. Эти – всего лишь неудачная попытка. Я создам воинов, столь же совершенных, как я сам!

Тут Рамон, все время сидевший тихо, вскинул кинжалы и темной молнией бросился на Крысуна, но тот быстро поднял руку. Толмач остановился, ноги его подкосились, глаза закатились под веки, и он рухнул на мокрую от грязи и крови траву. За спиной у Глеба послышался шорох, он обернулся и увидел, что Хлопуша с Прошкой тоже повалились на траву. Лицо Глеба гневно дернулось, когда он снова воззрился на Крысуна.

– Что ты с ними сделал, ублюдок?

– То же, что сделаю с тобой, ходок, – последовал спокойный ответ.

Глеб взревел от ярости, поднял меч и пошел на Крысуна. Однако монстр с ледяным спокойствием выставил перед собой ладонь, и Глеб резко остановился, будто натолкнулся грудью на невидимое препятствие. Смертельный холод вполз в жилы Глеба, быстро распространился по телу и достиг мозга. Меч выпал из его разжавшихся пальцев, а сам он обессиленно рухнул на колени.

– ПОДЧИНИСЬ МНЕ! – прошипел Крысун, и от этого шипения волосы на голове у Глеба встали дыбом, а в висках болезненно запульсировала кровь.

– Нет, – прохрипел Глеб и усилием воли попытался взять над собой контроль.

– ЗАКЛИНАЮ ТЕБЯ БОГАМИ ГИБЛОГО МЕСТА – ПОДЧИНИСЬ МНЕ! – снова зашипел Крысун.

Глеб застонал и заткнул уши ладонями, но голос Крысуна проникал в самый мозг.

– ПОДЧИНИСЬ МНЕ, ХОДОК! ПОДЧИНИСЬ МНЕ!

В голове у Глеба что-то лопнуло, из ушей и носа его заструилась жаркая кровь.

– Нет... – хрипло простонал Глеб. – Боги Гиблого места... пожалуйста... помогите мне...

Крысун холодно усмехнулся.

– ОНИ НЕ СЛЫШАТ ТЕБЯ, ХОДОК. ТЫ ДЛЯ НИХ ЧЕРВЬ.

Глеб сжал зубы и повторил:

– Помогите мне, боги Гиблого места... дайте мне вашу силу...

Крысун засмеялся, и смех его словно бы выжег мозг Глеба изнутри. Закричав от нечеловеческой боли, Первоход упал на землю, но тут же стиснул зубы и поднялся снова.

Глаза Крысуна вспыхнули, подобно горящим углям, словно кто-то раздул огонь.

– НУ, ХВАТИТ! – раздраженно прошипел он и, выставив когти, быстро зашагал к Глебу, намереваясь одним ударом отсечь ему голову.

И боль вдруг отступила. Глеб схватил меч и мигом вскочил на ноги. Крысун с воплем бешенства бросился на него. Глеб издал горлом воинственный клич и ринулся навстречу врагу. Увернувшись от когтей Крысуна, он рубанул монстра мечом, но тот тоже увернулся, и меч Глеба рассек лишь пустоту.

Затылком Глеб почувствовал, что Крысун уже у него за спиной. Глеб быстро отскочил в сторону, и как раз вовремя – когти твари полоснули воздух перед его лицом.

Глеб сделал ложный выпад мечом, но вдруг резко сорвал с плеч плащ и швырнул его чудовищу на голову. Лишившись обзора, Крысун взревел от ярости и попытался сбросить плащ, но Глеб быстро шагнул вперед и ударил его мечом в живот.

Крысун взвыл от боли, судорожным движением сорвал с головы плащ и попытался схватить Глеба когтями, но тот увернулся, обхватил рукоять меча двумя руками, вскинул его над головой и изо всех сил рубанул монстра по лысому черепу.

Крысун замер на месте.

– Нет... – прохрипел он. – Не-е-е...

Левая половина тела Крысуна слегка опустилась, отчего правая часть черепа взмыла вверх, подобно кровавому гребню. Затем левая половина отделилась от правой и, медленно оплывая, рухнула на землю. Еще несколько секунд правая часть Крысуна стояла перед Глебом, нелепо моргая единственным глазом, потом глаз закатился под веко, и жуткая половина тела повалилась к ногам Глеба.

Рядом хрустнул валежник. Глеб быстро повернулся на звук, готовый сразить нового врага. Однако это были не враги. Хлопуша, Рамон и Прошка сидели на траве и обалдело трясли головами, с трудом приходя в себя.

5

Выглядел Глеб жутко. С ног до головы он был выпачкан студенистой серой жижей. Щеки его были расцарапаны когтями тварей, из глубоких ссадин сочилась кровь. Кафтан на груди пропитался багряным.

– Первоход, ты сильно переменялся.

На этот раз даже Хлопуша смотрел на его лицо с испугом. Глеб поднял руку и ощупал подбородок, щеки, нос и лоб. Кожа плотно обтянула череп, а из-под нее выпирали и бугрились отвратительные твердые наросты.

Рамон осторожно шагнул вперед, как бы невзначай заслонив собою Прошку и Хлопушу, и тихо спросил:

– Первоход, ты – это все еще ты?

– Да, – ответил Глеб. – Это все еще я.

Несколько секунд они молчали, затем Рамон вновь разлепил распухшие губы и сказал:

– Что будем делать дальше?

– Закончим нашу работу.

Глеб достал из кармана темную горошинку и показал ее друзьям.

– Эта штука называется Собиратель, – сказал он.

– Что еще за Собиратель? – нахмурился Хлопуша.

– Что-то вроде пушечного ядра, начиненного порохом, – ответил Глеб. – Но взрыв его будет сильнее, чем взрыв ста ядер сразу.

Хлопуша, Рамон и Прошка с опаской уставились на темную горошину.

– Если сто ядер взорвутся сразу, нам несдобровать, – неуверенно проговорил Прошка.

– Эта штука смертоносна только для порождений Гиблого места, – сказал Глеб. – Но все же отойдите подальше. Ощущения будут не из приятных.

– Ты собираешься взорвать пещеру? – спросил Рамон.

Глеб кивнул:

– Да.

– А как же ты? Взрыв не убьет тебя?

– Не должен. Однажды мне уже доводилось использовать Собиратель, и, как видишь, я жив.

Рамон взглянул на Хлопушу и сказал:

– Сделаем, как говорит Первоход, и отойдем подальше.

Хлопуша кивнул, схватил Прошку за шиворот и одним рывком поставил его на ноги.

– Убираемся отсюда, малец, – пробасил он. Поднял взгляд на Глеба и добавил: – Пусть Хорс и Семаргл помогут тебе!

– Удачи тебе, Глеб! – пожелал Прошка.

– Да пребудет с тобой господь! – выдохнул Рамон и перекрестил Глеба.

Дождавшись, пока они отойдут на двадцать саженей и укроются за деревьями, Глеб повернулся и зашагал к груде гнилых веток, прикрывающих вход в черное, зловонное жерло пещеры.

Эпилог

Гулянье в пиршественном зале шло горой. Огромные, длинные столы были заставлены блюдами с брашном так густо, что не было видно просвета. Вино, мед и пиво лились рекой. Бояре, икая от обжорства и посмеиваясь от гуляющего в головах хмеля, то и дело подымали тосты за здоровье князя Добровола и процветание Хлынского княжества.

Сам князь Добровол восседал во главе стола, на резном троне, укрытом персидским ковром и собольими мехами. Вид у него был спокойный и удовлетворенный, как и подобает сильному, уверенному в себе правителю. По правую руку от него, на таком же троне, только чуть поменьше, сидела княгиня Наталья. Чело ее было словно бы отуманено. Бледные губы – плотно сжаты, глаза пусты, руки бессильно опущены на подлокотники кресла.

– Пресветлый княже! – крикнул один из бояр, толстый, пьяный, багровый от выпитого. – Позволь поднять здравицу!

– Ну, поднимай, – усмехнулся Добровол.

Боярин, гремя серебром и сверкая драгоценными камнями, поднялся на ноги, но не удержал равновесия, покачнулся и рухнул задом обратно на лавку. Зал взорвался добродушным хохотом.

Князь Добровол тоже усмехнулся и хотел что-то сказать, но тут дверь с грохотом распахнулась, и в зал влетели два охоронца. Перекувыркнулись через головы и замерли на полу. А следом за ними в зал вошел высокий человек в охотничьей куртке и длинном суконном плаще. В правой руке он держал ольстру.

Окинув взглядом зал, он задержался на княгине, однако она никак не отреагировала на его появление. Лицо Натальи было неподвижным, спокойным и бледным, как лицо восковой куклы.

Смех в зале стих, сановитые бражники и их слуги испуганно уставились на Глеба Первохода, лицо которого показалось им странным и незнакомым. Он же пристально и тяжело воззрился на Добровола и холодно проговорил:

– Я вернулся, Добровол! Посидел на троне, и хватит! Пора уступить место истинному хозяину!

Добровол, однако, не испугался и не ретировался. Он прищурил светлые глаза и спокойно заявил:

– Я ждал тебя, Первоход!

– Да ну?

– Правда, ждал. И ты пришел. – Добровол откинулся на спинку кресла и с небрежной усмешкой сказал: – Ты ведь не думаешь, что смог сбежать из узилища без моей помощи? Это я приказал подменить сонный гриб безобидной травой. Я отозвал охрану перед темницей.

Глеб нахмурился.

– Ты хотел, чтобы я расправился с Крысуном и его тварями? – недоверчиво спросил он.

– Верно, – кивнул боярин. – И я в тебе не ошибся, Первоход. Ты ведь пришел к нам с хорошими вестями, верно? Проходи к столу и присаживайся! Я не собираюсь отказываться от твоей помощи. Ты умен и силен, как никто другой. Мы с тобой начнем все сначала и вместе завоюем мир. Я буду править, а ты...

– Рисовать чертежи новых пушек и мушкетов? – Глеб покачал головой. – Ничего не выйдет, Добровол. Ты не будешь править княжеством. Там, откуда я родом, говорят: «Колесо истории не повернуть вспять».

– Ты всегда умел говорить непонятно, – сухо сказал на это Добровол. – Но я к этому привык и даже научился понимать тебя. Мы придумываем свои истории сами, ходок. Твоя история людям не понравилась, и теперь я буду рассказывать им свою. Она им ближе.

– Ты в этом уверен? – прищурился Глеб.

– Да, Первоход, я в этом уверен. Начальник с плетью в руках, который кидает тебе корки хлеба, милее бродяги, который обещает тебе пряники и лупит за это плетью. –

Добровол замолчал, выдержал паузу, чтобы слова его звучали внушительнее, а потом громогласно проговорил: – Опусть ольстру, Первоход! Ты ничего не сможешь мне сделать!

– Не смогу?

Добровол мотнул головой:

– Нет. – Он поднял руку и показал что-то Глебу.

– Что это? – прищурился Глеб.

– Амулет богини Сорни-Най! Кажется, это единственная богиня, которую ты боишься?

Глеба прошиб пот. «Когда духи злятся, много плохого делают, – прозвучал у него в ушах давно забытый голос проводника Бахтияра. – Сорни-Най злится на тебя»...

«Сорни-Най отправила тебя сюда... – сменила Бахтияра ведьма Мамелфа. – И теперь ты должен пройти путь, который тебе уготован».

– Взгляни на свои шрамы, Первоход! – потребовал Добровол.

Глеб задрал рукав. Четыре шрама на предплечье были четкими, а пятый поблек и почти исчез.

– А теперь – гляди! – рявкнул Добровол.

Боярин небрежно провел ногтем по амулету. Тотчас же выцветший шрам на предплечье Глеба потемнел и вспух, подобно разрезу, и из него просочились капельки крови.

– Ну как тебе это? – весело спросил Добровол. – Ты теперь в моей власти, ходок. Стоит мне провести ногтем по амулету еще раз, и у тебя появится еще один шрам. А потом еще. И еще. Я могу сделать так, что ты никогда уже не попадешь в свой мир. Хочешь ли ты этого?

Глеб окаменел. Мысли у него в голове судорожно заметались. Что выбрать – возвращение домой или новый мир, который ему по силам построить? Полузабытые лица друзей и родных или возможность осчастливить тысячи и миллионы незнакомых людей?

Ответ был готов, но сформулировать его для себя Глеб не успел. Он заколебался всего на секунду, и эта секунда оказалась роковой. Охоронец-своей метнулся к нему со скоростью рыси и одним мощным ударом выбил из рук Глеба ольстру.

Тут же подоспел второй и схватил Глеба за руки, не давая ему возможности достать меч. Третий навалился на плечи. Не прошло и нескольких секунд, как Глеб был обезоружен и повален на пол.

– Вот и все! – с усмешкой произнес Добровол. – Ты не сумел ничего изменить, ходок!

Глеб отнял лоб от холодного пола, посмотрел боярину в глаза и уверенно проговорил:

– Это еще не конец, Добровол. Ты не напугаешь меня ни пытками, ни смертью.

– Я не собираюсь тебя убивать, ходок, – отчеканил Добровол.

– Тогда что? Посадишь меня в темницу?

Добровол отрицательно качнул головой:

– Нет. Я придумал для тебя кое-что пострашнее, ходок. Отныне твоя жизнь будет похожа на кошмарный сон – без единой надежды на пробуждение. Охоронцы, погрузите его на возок и отвезите в Морию!

– В Морию? – в ужасе выдохнул Глеб. – Н-нет... – Он побелел и мотнул головой. – Только не это... Прошу... Лучше убей!

Охоронцы подхватили связанного Первохода за плечи и подняли его с пола.

– Я вернусь за тобой, Добровол! – в ярости и отчаянии прокричал Глеб. – Вернусь и убью тебя!

Боярин усмехнулся:

– Едва ли. Оттуда, куда я тебя упрячу, никто и никогда не возвращался. Прощай, ходок. Благодарю за то, что помог мне.

Добровол отвернулся от Глеба, словно потерял к нему всяческий интерес. Глеб хотел что-то сказать, но кулак охоронца врезался ему в лицо. Первохода грубо выволокли из зала, и тяжелая дубовая дверь захлопнулась за ним, как захлопывается крышка гроба.